

Научные исследования преступления и наказания

№ 3 (7) 2026

Scientific Crime and Punishment Research Journal

SCRIPJournal.ru

сетевой научно-практический журнал

Учредитель: Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
Тел.: (495) 983-93-23

ISSN 3034-7704

Главный редактор: главный научный сотрудник центра исследования проблем
обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы
ФКУ НИИ ФСИН России доктор юридических наук профессор **Шкабин Г.С.**

номер подписан в печать: 28.09.2026

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Хабаров Александр Владимирович Khabarov Alexander V.	начальник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences
--	---

Заместитель председателя редакционного совета

Шкабин Геннадий Сергеевич Shkabin Gennadiy S.	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
---	---

Члены редакционного совета

Акчурин Александр Владимирович Akchurin Alexander V.	заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань) Deputy Head of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia for Research, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Ryazan)
Бавсун Максим Викторович Bavsun Maksim V.	заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург) Deputy Head of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for research work), Doctor of Law, Professor (Russia, St. Petersburg)
Гирько Сергей Иванович Girko Sergey I.	исполняющий обязанности директора ЦИПБ РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва) Acting Director of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Луговик Виктор Федорович Lugovik Victor F.	профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Омск) Professor of the Department of Operational-Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Omsk)

Мацкевич Игорь Михайлович Matskevich Igor M.	ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва) Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, State Counselor of Justice of the 3rd class, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Милюков Сергей Федорович Milyukov Sergei F.	профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург) Professor of the Department of Criminal Law The Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Law, Professor
Михайлов Валентин Иванович Mikhaylov Valentin I.	главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Professor at the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation; Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Некрасов Василий Николаевич Nekrasov Vasilii N.	заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (Россия, Вологда) Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia for Academic Affairs, Doctor of Law (Russia, Vologda)
Овчинский Владимир Семенович Ovchinskiy Vladimir S.	советник Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва) Advisor to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Румянцев Николай Викторович Rumyantsev Nikolai V.	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Селиверстов Вячеслав Иванович Seliverstov Vyacheslav I.	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва) Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Уткин Владимир Александрович Utkin Vladimir A.	заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Томск) Head of the Department of Criminal-Executive Law and Criminology of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Tomsk)

Заместитель главного редактора

Прихожая Людмила Евгеньевна Prikhozhaia Lyudmila E.	ведущий научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук (Россия, Москва) Leading Researcher at the Center for Research of Security Issues in Penitentiary Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences (Russia, Moscow)
--	---

Ответственный секретарь

Туманов Александр Сергеевич Tumanov Alexander S.	старший научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук Senior Researcher at the Center for the Study of Management Problems and Organization of Penal Enforcement in the Penitentiary System
---	---

Члены редакционной коллегии

- Борков Виктор Николаевич**
Borkov Viktor N. начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Head of the Department of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Omsk)
- Васильев Эдуард Анатольевич**
Vasiliev Eduard A. главный научный сотрудник центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for the Study of Problems of Combating Crime in the Economic Sphere of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)
- Григорьев Виктор Николаевич**
Grigoriev Viktor N. ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Leading researcher of the group for training scientific, pedagogical and scientific personnel of the office of the scientific secretary of the postgraduate and doctoral programs of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
- Гришко Александр Яковлевич**
Grishko Alexander Ya. профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at S.A. Yesenin Ryazan State University, Doctor of Law, Professor (Russia, Ryazan)
- Грушин Федор Владимирович**
Grushin Fedor V. главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for the Study of Management and Organization of Punishment Execution in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)
- Дмитренко Андрей Петрович**
Dmitrenko Andrey P. профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Professor of the Department of Criminal Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
- Дворянсков Иван Владимирович**
Dvoryanskov Ivan V. главный научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for the Study of Criminal Sentence Execution Issues and Psychological Support for the Professional Activities of Penitentiary System Employees at the Federal Penitentiary Service Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
- Кудрявцев Алексей Вадимович**
Kudryavtsev Alexey V. декан юридического факультета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Dean of the Faculty of Law of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Vladimir)
- Кунц Елена Владимировна**
Kuntz Elena V. главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
- Лесников Геннадий Юрьевич**
Lesnikov Gennady Yu. главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Никонович Сергей Леонидович Nikonovich Sergey L.	заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Head of the Department of Criminal Procedure at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Омелин Виктор Николаевич Omelin Viktor N.	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Павличенко Николай Владимирович Pavlichenko Nikolay V.	профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва) Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Плешаков Александр Михайлович Pleshakov Alexander M.	главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for the Study of Management and Organization of Punishment Execution in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Ростокинский Александр Владимирович Rostokinskiy Alexander V.	профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва) Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)
Сумачев Алексей Витальевич Sumachev Alexey V.	профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Россия, Тюмень) Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of State and Law of Tyumen State University, Doctor of Law, Professor (Russia, Tyumen)
Чистяков Алексей Алексеевич Chistyakov Alexey A.	профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Шурухнов Николай Григорьевич Shuruhnov Nikolay G.	доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России (Россия, Москва) Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, Group for the Training of Scientific, Pedagogical, and Scientific Personnel, Office of the Academic Secretary of the Postgraduate and Doctoral Studies, Federal State Budgetary Institution, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Содержание

Уголовное право и криминология

Васюков В.Ф.	Транснациональная организованная преступность: от дефиниции к инструментам противодействия	6
Жилкин М.Г.	Оценочные понятия в уголовном праве	17
Забавко Р.А.	Уголовная ответственность за ограничение конкуренции путем картельного сговора	28

Уголовно-исполнительное право

Бякина С.И.	Отдельные проблемы иерархии источников уголовно-исполнительного права	43
--------------------	---	-----------

Межотраслевые исследования в праве

Агарков А.В. Шубников Р.А.	Незаконный оборот наркотических средств среди осужденных к принудительным работам: проблемы оперативно-розыскного противодействия	51
Гаврилов Б.Я.	Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления: алгоритм судебной проверки	58

Оперативно-розыскная деятельность*

Михайлов В.И.	Правовая оценка результатов оперативно-розыскной деятельности: понятие, направления использования и виды	67
Тамбовцев А.И.	Несовершеннолетний как особый субъект оперативно-розыскных правоотношений	78

Конференции, семинары, рецензии

Шкабин Г.С.	Теория и практика оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук: в свете научного наследия профессора К.К. Горяинова	87
--------------------	---	-----------

* Поскольку современная орфографическая норма русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, фиксируемая в нормативных словарях, предписывает написание «розыскной», а Федеральный закон № 144-ФЗ закрепляет термин «оперативно-розыскной», возникает двойственность. Анализ различных нормативных актов показывает использование обоих вариантов. Ввиду этого конфликта между утвержденной языковой нормой и неоднозначной правовой терминологией, редакция журнала допускает использование любого из вариантов, следуя написанию, принятому автором.

Васюков Виталий Федорович

профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса
и криминалистики Московского
государственного института
международных отношений
(университета) МИД России,
доктор юридических наук, профессор

Российская Федерация
Москва

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Vasyukov Vitaly F.

Professor of the Department of Criminal
Law, Criminal Procedure and
Criminalistics at the Moscow State
Institute of International Relations
(University) Russian Ministry
of Foreign Affairs,
Doctor of Law, Professor

Russian Federation
Moscow

119454, Moscow, 76 Vernadsky Avenue

Статья
поступила
в редакцию:
18.06.2026
одобрена после
рецензирования:
30.07.2026
принята к публикации:
21.09.2026

✉ vvf0109@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 2437-8810

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0743-5616>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК 341.4

Транснациональная организованная преступность: от дефиниции к инструментам противодействия

Transnational organized crime: from definition to instruments of counteraction

Аннотация. Актуальность. Транснациональная организованная преступность остается одной из наиболее опасных угроз международной и национальной безопасности, тогда как единое и юридически работающее определение этого явления до сих пор не выработано, а цифровая трансформация криминальных рынков ставит перед уголовно-правовой наукой новые вопросы.

Цель. Раскрыть дефиниционную проблему транснациональной организованной преступности в ее методологическом, сравнительно-правовом и региональном измерениях и определить место понятийного аппарата в системе средств противодействия.

Методы. Используются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы, а также анализ международных документов и материалов Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

Результаты. Транснациональная организованная преступность обоснована как вид организованной преступности, соотносящийся с ней как вид с родом. Предложена двухуровневая понятийная модель, разграничивающая инвариантное ядро признаков, подчиненное требованию определенности уголовного закона, и переменный слой, которым предопределяется выбор средств противодействия. На этой основе инструментарий противодействия систематизирован по признакам понятия, установлены пределы применимости отдельных его групп и сформулирован критерий действенности такого инструментария применительно к условиям Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность, транснациональность, принцип определенности уголовного закона, понятийная модель, кибермошенничество, бенефициарное владение, возврат активов, оперативно-розыскная деятельность, противодействие организованной преступности.

Abstract. Background. Transnational organized crime remains one of the most serious threats to international and national security, yet a single workable legal definition has not been achieved, while the digital transformation of criminal markets raises new questions for criminal-law scholarship.

Objective. To examine the definitional problem of transnational organized crime in its methodological, comparative-legal and regional dimensions and to locate the conceptual apparatus within the system of counteraction tools.

Methods. Historical-legal, comparative-legal, formal-legal and systemic-structural methods, together with analysis of international instruments and UNODC and FATF materials.

Results. Transnational organized crime is substantiated as a species of organized crime related to it as species to genus. A two-tier conceptual model is proposed, distinguishing an invariant core of features, governed by the requirement of legal certainty, from a variable tier that determines the choice of countermeasures. On this basis the toolkit of counteraction is systematized by the features of the concept, the limits of applicability of its individual groups are established, and a criterion of its effectiveness is formulated with regard to the Asia-Pacific region.

Keywords: transnational organized crime, transnationality, principle of legal certainty (*lex certa*), conceptual model, cyber-enabled fraud, beneficial ownership, asset recovery, operational-search activity, countering organized crime.

Для цитирования: Васюков В.Ф. Транснациональная организованная преступность: от дефиниции к инструментам противодействия // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 6–16.

For citation: Vasyukov Vitaly F. Transnational organized crime: from definition to instruments of counteraction // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 6–16.

Введение. Содержательное раскрытие правового феномена начинается с определения его исходных признаков. Такой подход предполагает, что изучаемое явление обладает хотя бы относительной устойчивостью и может быть описано через совокупность повторяющихся характеристик. Применительно к транснациональной организованной преступности уже этот начальный этап анализа оказывается существенно осложненным.

На протяжении нескольких десятилетий ни научное сообщество, ни органы уголовной юстиции, ни международные организации не выработали единого подхода к объему и содержанию данного понятия. Различия сохраняются как в понимании самой организованности преступной деятельности, так и в оценке признаков, придающих ей транснациональный характер. Акцент делается то на устойчивости и структурированности преступных связей, то на характере нелегального рынка, способах извлечения дохода, трансграничном движении людей, товаров, денежных средств или информации.

Определение транснациональной организованной преступности потому и не сводится к терминологической задаче, что затрагивает более широкий методологический вопрос о том, каким образом правовая наука должна описывать явление, имеющее одновременно уголовно-правовое, криминологическое, экономическое и международно-правовое значение. Чем шире эмпирическая база такого явления, тем труднее обеспечить баланс между полнотой его охвата и необходимой определенностью используемых признаков.

Принятие Палермской конвенции¹, закрепившее в международном праве одно из возможных решений, не сняло, а скорее обнажило фундаментальные методологические трудности, сопряженные с попыткой подвергнуть юридической формализации крайне разнородное по своей природе социальное явление.

Основное содержание. Организационно-правовое оформление представлений об организованной преступности в зарубежной доктрине XX века развивалось по двум ключевым направлениям. Американская модель, пройдя путь от концепции общенациональной иерархии и теории «этнического заговора» [23], воплотилась в Законе RICO 1970 г., где понятие «предприятия» перенесло предмет уголовно-правовой оценки

¹ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15.11.2000) // Управление ООН по наркотикам и преступности (Office on Drugs and Crime) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html> (дата обращения: 30.08.2026).

с единичных деяний на устойчивую схему преступной деятельности, предопределив конструкцию статьи 2 Палермской конвенции [24]. Итальянская модель (Закон Рогноне – Ла Торре 1982 г., ст. 416-bis УК Италии) нормативно закрепила специфику мафиозного объединения через силу устрашения, подчинение и омерту, сместив фокус с этнического происхождения на характер преступного воздействия, а гибель Дж. Фальконе и П. Борселлино [16] стимулировала интернационализацию анимафиозного инструментария.

В отечественной науке фундаментальные основы учения об организованной преступности сформированы трудами А.И. Гурова [2; 3], Я.И. Гилянского [1], В.Н. Кудрявцева [6], В.А. Номоконова [9], а специфика преступлений международного характера – исследованиями И.И. Карпеца [5]. Прикладную оперативно-розыскную основу противодействия сформировали работы С.С. Овчинского [10], В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова [11], Д.А. Летунова [7] и Г.Ф. Маслова [8].

Понятие транснациональной организованной преступности сформировалось в недрах международных институтов. Поворотное значение приобрела Неаполитанская политическая декларация 1994 года, заложившая основу для принятия в 2000 году Палермской конвенции, где решающую роль в обеспечении консенсуса сыграла итальянская дипломатия.

Понятие транснациональной организованной преступности явилось продуктом длительной правовой и политической конвергенции существенно различных национальных доктрин и не сводится к переносу какой-либо одной из них на международный уровень. Не воспроизводя в чистом виде ни американскую модель преступного предприятия, ни итальянскую модель мафиозного объединения, ни советскую модель преступного сообщества, оно представляет собой результат компромисса, в котором каждая правовая традиция оставила свой след, но ни одна не получила безусловного приоритета. Этим компромиссным характером и предопределяются методологические трудности, рассмотрению которых посвящено дальнейшее изложение.

Исходный тезис, обоснованию которого надлежит уделить особое внимание, состоит в том, что транснациональная организованная преступность не образует единого, однородного с уголовно-правовой точки зрения явления. Под общим наименованием объединяются феномены, различающиеся по структуре участников, характеру осуществляемой деятельности, географическому размаху, применяемым средствам и социально-экономическим последствиям. Данное обстоятельство объясняет и сложность выработки единого определения, и неизбежно компромиссный характер всякого такого определения, и невозможность построения строгой типологии в духе классической систематики.

Прежде всего речь идет о структурной разнородности рассматриваемых объединений – о существенных различиях между традиционными сообществами (от иерархичной Коза Ностры [16] и полуполигальной якудзы [17] до децентрализованных китайских триад¹ и контролирующей территории латиноамериканских картелей) и современными кибермошенническими сетями Юго-Восточной Азии, соединяющими черты промышленного предприятия с предоставлением преступности в качестве услуги. Подобная разнородность не позволяет вывести единый признак организованности, равно применимый ко всем типам

¹ Hong Kong, Societies Ordinance (Cap. 151); Organized and Serious Crimes Ordinance (Cap. 455). См. также: Chin K.-L. Triad Societies in Hong Kong // Transnational Organized Crime. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 47–64 // Электронное законодательство Гонконга (Hong Kong e-Legislation) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap151>; <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap455> (дата обращения: 30.08.2026).

объединений. Отсюда и намеренно открытый характер определения, закрепленного в статье 2 Палермской конвенции, которое оперирует формулой структурно оформленной группы в составе трех или более лиц, существующей в течение определенного периода и действующей согласованно с целью совершения серьезных преступлений. Каждый элемент этой формулы – структурная оформленность, количественный состав, относительная устойчивость, согласованность действий – допускает значительные расхождения в реальном содержании. Конвенция не описывает определенный тип преступной организации, а очерчивает родовое понятие, под которое могут быть подведены принципиально различные виды объединений [14, с. 23].

Описанная структурная разнородность тесно переплетается с функциональной и географической спецификой нелегальных рынков. Однако сегодня все эти традиционные формы неоднородности многократно усугубляются новым фундаментальным фактором – переходом в цифровую среду. Технологическая трансформация криминальных рынков смещает организационное построение преступных формирований от территориальной иерархии к гибким сетевым сервисным моделям, где координация, расчеты в цифровых активах и сокрытие следов осуществляются удаленно.

Отсюда и методологическая сложность выработки универсального и одновременно практически применимого определения. Уголовно-правовые признаки должны быть достаточно определенными, чтобы обеспечивать предсказуемость правоприменения, но пригодными для описания широкого спектра современных криминальных практик. Слишком узкое определение оставляет за пределами анализа новые сетевые и технологически опосредованные формы преступной деятельности, тогда как чрезмерно широкая формула создает риск неоправданного расширения уголовно-правовой оценки [19].

Неоднородность, однако, не препятствует теоретическому обобщению – напротив, она подтверждает необходимость обобщающих правовых категорий, способных фиксировать общие признаки явлений, существенно различающихся по конкретным формам проявления. Назначение такой категории состоит не в устранении различий между отдельными видами преступной деятельности, а в выявлении их повторяющихся признаков, к числу которых относятся устойчивость преступных связей, распределение ролей, ориентация на извлечение материальной выгоды, использование трансграничных возможностей, вовлечение легальной экономики и способность адаптироваться к мерам противодействия. Общее понятие при таком подходе не подменяет специальные признаки отдельных форм преступности, а создает основу для их дальнейшего анализа.

Дальнейшее изложение требует строгого разграничения уголовно-правового и криминологического аспектов понятия организованной преступности. В правовой плоскости категория «организованная группа» служит основанием для квалификации деяний, применения специальных процессуальных мер и инструментов международного сотрудничества [20]. Поскольку уголовный закон требует строгой формальной определенности, компромиссные международно-правовые формулировки порождают риск расширительного толкования. На национальном уровне это выражается в доктринальных и практических трудностях интерпретации признака «структурированности» (ч. 4 ст. 35 УК РФ) [14]. В доктрине справедливо отмечается, что данный признак не всегда обладает достаточной степенью нормативной определенности, поскольку требует установления внутреннего строения преступной структуры, характера связей между ее участниками, распределения функций, устойчивости управления и согласованности действий. Содержание и пределы признака структурированности обстоятельно рассматриваются в работах

А.В. Иванчина и Н.Е. Зайчиковой [4, с. 34], А.В. Шеслера [12, с. 228] и других представителей современной уголовно-правовой науки.

Криминологический анализ ориентирован на объяснение реальной динамики нелегальных рынков и механизмов адаптации преступных сетей. Научная доктрина закономерно эволюционировала от восприятия организованной преступности как жестко централизованной иерархии (Д. Кресси [15]) к более гибким сетевым и рыночным моделям (П. Ройтер, Д. Смит и др. [22; 23]). Такой исследовательский ракурс позволяет анализировать современные формы криминальной кооперации вне строгих рамок нормативных дефиниций, концентрируясь на ситуативных связях, распределении рисков и экономической природе транснациональной преступной деятельности [18].

Палермская конвенция, как обоснованно отмечают Ф. Кальдерони [13] и Т. Обоката [21], занимает в этом вопросе взвешенную позицию. Закрепленная в статье 2 формулировка предназначена прежде всего для целей международного сотрудничества, национальной криминализации и согласования базовых подходов государств, а потому задает минимально необходимые признаки организованной преступной группы, не стремясь исчерпывающе описать транснациональную организованную преступность как социальное, экономическое и криминологическое явление.

Это позволяет последовательно разграничивать два значения рассматриваемого понятия. Когда речь идет о криминализации, выдаче, взаимной правовой помощи, конфискации и иных юридически значимых последствиях, используется правовая категория, основанная на статье 2 Палермской конвенции и ее реализации в национальном законодательстве. При характеристике самого феномена, его масштабов, структуры, географии, источников дохода и динамики развития применяется криминологическая категория, опирающаяся на эмпирические данные, сравнительный анализ и социологическое объяснение. Разграничение это имеет принципиальное значение для построения дальнейшего изложения, поскольку предотвращает смешение уровней анализа. Правовая категория требует определенности и пригодности для правоприменения, криминологическая – гибкости, достаточной для описания изменяющихся форм преступной деятельности, включая сетевые модели, трансграничные финансовые связи, цифровые сервисы и технологически опосредованные способы сокрытия преступных доходов.

Сказанное открывает путь к разрешению дефиниционной проблемы. Отказ от единой формулировки не означает отказа от определения как такового – он означает лишь непригодность одноуровневой конструкции, в которой все признаки явления помещаются в один ряд и наделяются одинаковой нормативной нагрузкой. Именно такая конструкция и порождает противоречие между требованием определенности уголовного закона и потребностью охватить широкий спектр криминальных практик.

Обоснованным представляется построение двухуровневой понятийной модели, в которой признаки разделены по выполняемой ими функции.

Первый уровень образует инвариантное ядро – совокупность признаков, сохраняющихся при любой форме проявления явления и потому пригодных для уголовно-правовой оценки. Таких признаков пять. Прежде всего, это устойчивость и предварительная согласованность связей между тремя и более лицами, сохраняющаяся за пределами отдельного преступного эпизода. К ней примыкает функциональная специализация участников, при которой отдельный участник не обладает полнотой сведений о деятельности объединения в целом. Третьим выступает корыстная направленность, выражающаяся в систематическом извлечении материальной либо иной выгоды как основной цели деятельности. Четвертый признак образует юрисдикционная

множественность, когда различия национальных правопорядков, платежных режимов и уровней правоохранительного контроля используются не случайно, а как самостоятельный ресурс преступной деятельности. Наконец, воспроизводимость означает способность объединения продолжать деятельность при замене отдельных участников, утрате отдельных ресурсов или пресечении отдельных эпизодов.

Второй уровень образует переменный слой – признаки, определяющие конкретную форму проявления явления и не входящие в состав, но имеющие решающее значение для выбора средств противодействия. Это организационная форма (иерархическое объединение, распределенная сеть либо сервисная модель, при которой отдельные элементы преступной деятельности предлагаются как самостоятельные услуги), характер ресурсной базы (контроль над территорией, легальная предпринимательская инфраструктура либо цифровые сервисы), способ обращения преступных доходов (наличный оборот, подпольные банковские сети, неформальные платежные системы, криптоактивы) и тип принуждения, применяемого к участникам и потерпевшим.

С учетом изложенного транснациональная организованная преступность может быть определена как вид организованной преступности, представленный устойчивыми объединениями трех и более лиц с распределенными функциями, систематически извлекающими материальную выгоду от совершения серьезных преступлений и использующими различия национальных юрисдикций, финансовых режимов и уровней правоохранительного контроля в качестве самостоятельного условия своей деятельности, сохраняя способность к воспроизводству при замене участников и изменении организационной формы, ресурсной базы и способов обращения преступных доходов.

Предложенная конструкция снимает отмеченное противоречие за счет разграничения функций двух уровней. Ядро несет нормативную нагрузку и поэтому подчинено требованию определенности, вследствие чего не расширяется по мере появления новых криминальных практик, поскольку описывает не способы, а условия существования преступного объединения. Переменный слой несет аналитическую нагрузку и сохраняет открытый характер, изменяясь вместе с явлением и не затрагивая пределов уголовно-правовой оценки.

Существенно, что переменный слой не является описательным дополнением к определению. Он выполняет прикладную функцию, поскольку именно им предопределяется выбор инструментов противодействия. Одному и тому же ядру признаков при различном наполнении переменного слоя соответствуют принципиально различные средства выявления, пресечения и доказывания. Тем самым понятийная модель непосредственно переходит в инструментальную.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении общего понятия организованной преступности и его специфического продолжения – транснациональной организованной преступности. Вопрос этот имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку влечет последствия для воплощения международных стандартов на национальном уровне и для определения сферы действия универсальных инструментов сотрудничества.

В рамках Палермской конвенции транснациональность характеризует пространственно-юрисдикционную связь преступления с несколькими государствами и выступает универсальным критерием для применения механизмов международного сотрудничества (ст. 3). В условиях глобализации и цифровизации этот признак трактуется достаточно широко, однако наличие внешнего элемента не должно подменять анализ базовых характеристик организованной преступной деятельности. Во избежание неоправданного расширения понятия Конвенция закрепляет принцип универсальной

криминализации (ст. 34), обязывающий государства устанавливать ответственность за основные деяния во внутреннем праве независимо от их трансграничного характера. Транснациональная организованная преступность, следовательно, представляет собой не качественно обособленный феномен, а специальную разновидность организованной преступности как таковой [14, с. 23], и эффективное противодействие ей концептуально базируется на криминализации соответствующих деяний безотносительно к их транснациональному компоненту.

Граница между внутригосударственной и транснациональной организованной преступностью практически стерта. По мере глобализации финансовых рынков, нарастания миграционных потоков и развития цифровой экономики едва ли не всякая значимая преступная деятельность обретает трансграничные черты, даже когда все непосредственные исполнители находятся в одной юрисдикции [25, с. 61].

Это обстоятельство актуализирует вопрос о способности конвенционного режима учитывать современные формы организованной преступной деятельности. Статья 3 Палермской конвенции была сформулирована применительно к модели трансграничной преступности, в которой пространственная связь с несколькими государствами выражалась преимущественно через территорию совершения деяния, место подготовки, руководство, контроль, деятельность организованной группы либо наступление последствий. Цифровизация криминальных формирований существенно расширила формы такой связи, которая проявляется через использование зарубежной серверной инфраструктуры, трансграничных платежных каналов, облачных хранилищ данных, удаленных операторов, нелегализованных финансовых посредников и распределенных цифровых сервисов.

Проблема, таким образом, состоит не столько в возможном обновлении статьи 3, сколько в выработке такого ее толкования, которое позволяло бы учитывать новые способы трансграничной организации преступной деятельности без неоправданного расширения сферы действия Конвенции. Формальное изменение соответствующей нормы едва ли приведет к качественным переменам, поскольку определение и без того предельно широко. Гораздо важнее разработка дополнительных инструментов международного сотрудничества, специально рассчитанных на новые типы трансграничной преступности, и прежде всего киберпреступной. Именно эту задачу призвана решать Ханойская конвенция ООН против киберпреступности 2024 года, открытая для подписания 25–26 октября 2025 года и являющаяся первым универсальным договором, специально посвященным обмену электронными доказательствами по широкому кругу серьезных преступлений¹.

Трансграничный характер деятельности проявляется также во вложении преступных капиталов в легальные инвестиционные проекты уязвимых юрисдикций через структуры номинальных владельцев, что требует использования концепции бенефициарного владения (ФАТФ, Конвенция ООН против коррупции 2003 г.).

Инструменты противодействия. Практическая ценность предложенной понятийной модели проверяется ее способностью упорядочить инструментарий противодействия. Ниже он рассматривается не как перечень существующих механизмов, а в соотношении с признаками, выделенными в составе понятия. Каждому признаку соответствует

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с киберпреступностью; укреплении международного сотрудничества в борьбе с некоторыми преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, и об обмене доказательствами в электронной форме по тяжким преступлениям : принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 79/243 от 24.12.2024, Ханойская конвенция). Открыта для подписания 25–26 октября 2025 г. // Организация объединенных наций : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 30.08.2026).

определенная группа средств, а пределы их применимости обнаруживаются там, где переменный слой изменяет форму проявления признака.

Устойчивость и воспроизводимость предопределяют требование о переносе предмета правовой оценки с отдельного эпизода на объединение как таковое. Историческим прообразом такого подхода послужила конструкция «предприятие» в законодательстве США, воспринятая затем статьей 2 Палермской конвенции и в известной мере отраженная в части 4 статьи 35 УК РФ. Оперативным выражением того же требования выступают многосторонние операции Международной организации уголовной полиции (International Criminal Police Organization, INTERPOL)¹ – НАЕСН² и Storm Makers³, рассчитанные на одновременное пресечение деятельности связанных объектов, а не отдельных эпизодов. Здесь же обнаруживается и наиболее существенное ограничение. При сервисной модели организации, характерной для мошеннических комплексов Юго-Восточной Азии, участники отдельных звеньев могут не состоять в устойчивой связи друг с другом, поскольку взаимодействуют как самостоятельные поставщики услуг. Доказывание устойчивости в ее традиционном понимании при этом существенно осложняется, что ставит вопрос о признании функциональной, а не персональной устойчивости объединения – устойчивости схемы, а не состава участников.

Корыстная направленность преступной деятельности определяет приоритет финансовых инструментов противодействия. Высокая скорость перемещения цифровых активов обуславливает преимущество неформальных каналов оперативного обмена информацией между подразделениями финансовой разведки и сетями по возврату активов. При этом действенной признается двухканальная схема, где оперативный негласный обмен обеспечивает экстренное блокирование имущества, а официальные механизмы международной правовой помощи – его последующую процессуальную конфискацию.

Юрисдикционная множественность требует инструментов, устраняющих не различия правопорядков как таковые, а издержки их преодоления. Универсальной основой здесь остается статья 3 Палермской конвенции, дополненная в новейший период Ханойской конвенцией ООН против киберпреступности, специально рассчитанной на обмен электронными доказательствами, а на региональном уровне – документами АСЕАН и Совместным заявлением АСЕАН и КНР. Ограничение и на этом направлении носит содержательный характер. Применительно к «уязвимым юрисдикциям» – Шанской специальной области № 2 в Мьянме, особой экономической зоне «Золотой треугольник» в Лаосе, особому административному району Окуси-Амбено в Тимор-Лешти – затруднение состоит не в отсутствии применимой нормы, а в отсутствии субъекта, способного обеспечить ее применение. Международно-правовой инструментарий в таких условиях сохраняет действенность лишь при опоре на механизмы, не требующие участия местного правоприменителя, – прежде всего на контроль трансграничных финансовых потоков и раскрытие бенефициарного владения.

¹ Международная организация уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.interpol.int> (дата обращения: 30.08.2026).

² Операция НАЕСН VI (апрель–август 2025 г., 40 юрисдикций; возвращено и изъято около 439 млн долларов США) : Интерпол : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2025/USD-439-million-recovered-in-global-financial-crime-operation> (дата обращения: 30.08.2026).

³ Операции Storm Makers против торговли людьми и принудительной криминальной эксплуатации в мошеннических центрах : Интерпол : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2025/INTERPOL-releases-new-information-on-globalization-of-scam-centres> (дата обращения: 30.08.2026).

Встраивание в легальную экономику обуславливает переход от уголовно-правовых средств к регуляторным. Нормативной основой выступают стандарты ФАТФ, включая требования к прозрачности переводов виртуальных активов, раскрытию бенефициарных владельцев и механизмам конфискации¹, а также положения Конвенции ООН против коррупции. Значение этого направления определяется рассмотренным выше феноменом инвестиционного проникновения. Структура, юридическое оформление которой безупречно, формально не подпадает под признаки организованной преступной группы по смыслу статьи 2 Конвенции, а потому доступна для правовой оценки лишь через установление действительного бенефициара. Логическим развитием подхода следует признать распространение стандартов проверки на инвестиционные режимы специальных экономических зон, где сочетание льготного порядка допуска капитала с ограниченной прозрачностью собственности образует основное условие закрепления преступной инфраструктуры.

Адаптивность преступных объединений задает итоговое требование ко всей системе инструментов. Поскольку изменение организационной формы, ресурсной базы и способов обращения доходов происходит быстрее, чем пересмотр международных договоров и национального законодательства, центр тяжести противодействия закономерно смещается с материально-правовых конструкций на организационные и технические механизмы, допускающие изменение без изменения нормы. Дополняющее значение сохраняют профильные инструменты УНП ООН – информационно-правовой портал SHERLOC и Программа контроля контейнеров – и региональные структуры, к числу которых относятся Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег, АСЕАНАПОЛ и Центр сотрудничества правоохранительных органов в Джакарте².

Изложенное позволяет сформулировать критерий оценки инструментария противодействия. Его действенность определяется не полнотой нормативного охвата и не числом созданных механизмов, а соответствием темпу адаптации преступных структур, то есть способностью выявить финансовый след, заблокировать перемещение активов и обеспечить обмен доказательствами в сроки, сопоставимые со сроками изменения самой преступной схемы. Этим же критерием объясняется наблюдаемое смещение от универсальных конвенционных решений к специализированным, региональным и неформальным формам взаимодействия.

Заключение. Транснациональная организованная преступность не образует единого и однородного явления. Она предстает как компромиссная родовая категория, вобравшая черты американской модели преступного предприятия, итальянской модели мафиозного объединения и отечественной модели преступного сообщества, но не сводимая ни к одной из них. Ее структурная, функциональная, географическая, социально-экономическая и технологическая неоднородность носит неустранимый характер и взаимно усиливается, что и обрекало на неудачу все попытки описать явление одноуровневой дефиницией.

¹ FATF. Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and VASPs (2025); Asset Recovery Guidance and Best Practices (2025) // Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (The Financial Action Task Force) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2025.html>; URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsand Trends/asset-recovery-guidance-best-practices-2025.html> (дата обращения: 30.08.2026).

² Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег (APG) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.apgml.org> (дата обращения: 30.08.2026); АСЕАНАПОЛ : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.aseanapol.org> (дата обращения: 30.08.2026); Договор АСЕАН о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2004 г. : Центр сотрудничества правоохранительных органов в Джакарте (JCLEC) : [сайт] – 2026. – URL: <https://jclec.org> (дата обращения 30.08.2026).

Неудача эта, однако, объясняется не природой явления, а конструкцией определения. Разделение признаков по выполняемой ими функции позволяет сохранить и определенность уголовного закона, и полноту охвата, отнеся эти требования к разным уровням понятия. Инвариантное ядро – устойчивость связей, функциональная специализация, корыстная направленность, юрисдикционная множественность и воспроизводимость – описывает условия существования преступного объединения, а не способы его деятельности, и потому не нуждается в расширении по мере появления новых криминальных практик. Переменный слой – организационная форма, ресурсная база, способ обращения преступных доходов и тип принуждения – остается открытым и изменяется вместе с явлением, не затрагивая пределов уголовно-правовой оценки.

В соотношении с общим понятием организованной преступности рассматриваемое явление выступает как вид по отношению к роду. Транснациональность характеризует пространственно-юрисдикционную связь деяния с несколькими государствами и служит основанием применения механизмов международного сотрудничества, но не образует качественно обособленного феномена, чем и предопределен закрепленный статьей 34 Палермской конвенции принцип криминализации соответствующих деяний безотносительно к их трансграничному компоненту.

Прикладное значение предложенной модели состоит в том, что переменный слой определяет выбор средств противодействия. Систематизация инструментария по признакам понятия обнаруживает не только распределение средств по направлениям, но и пределы их применимости. Сервисная организация преступной деятельности затрудняет доказывание устойчивости в его традиционном понимании. Неформальные каналы обмена финансовой информацией выигрывают в скорости, но не порождают допустимых доказательств, что делает необходимой двухканальную схему взаимодействия. В юрисдикциях с ослабленным контролем действенны лишь механизмы, не требующие участия местного правоприменителя. Критерием эффективности инструментария выступает при этом не полнота нормативного охвата, а соответствие темпу адаптации преступных структур.

Опыт Азиатско-Тихоокеанского региона подтверждает, что универсальные стандарты нуждаются в последовательной региональной и национальной адаптации. Существенный разброс показателей криминальности в государствах региона, распространенность территорий с ослабленным юрисдикционным контролем и сервисная организация мошеннических комплексов исключают построение мер противодействия по единому образцу и требуют сочетания сравнительно-правового опыта, данных специализированного анализа, международного информационного обмена и технологически ориентированных методов выявления трансграничных преступных связей.

Теоретическое значение изложенного состоит в обосновании двухуровневой понятийной модели, позволяющей примирить требование *lex certa* с эмпирическим многообразием явления. Практическое значение заключается в предложенном критерии оценки инструментов противодействия и в систематизации последних применительно к условиям Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы / References

1. Гилинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. 574 с.
Gilinsky Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol' [Criminology: Theory, History, Empirical Base, Social Control]. 3rd ed. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2014. 574 p.
2. Гуров, А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность. Москва: Знание, 1992. 80 с.
Gurov A.I. Organized Crime Is Not a Myth but a Reality. Moscow, Znanie Publ., 1992. 80 p.

3. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. Москва : Юридическая литература, 1990. 304 с.
Gurov A.I. Professional Crime: Past and Present. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 304 p.
4. Демчук, С.Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. – 2022. – Т. 75, № 2 (183). – С. 34–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045. EDN: RTSCEQ.
Sergey D. Demchuk, Criminal Law Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) and their Correlation with the Signs other Forms of Complicity // Lex Russica. – 2022. – Vol. 75, no. 2 (183). – Pp. 34–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045. EDN: RTSCEQ.
5. Карпец, И.И. Преступления международного характера. Москва: Юридическая литература, 1979. 264 с.
Karpets I.I. Crimes of an International Character. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1979. 264 p.
6. Кудрявцев, В. Н. Преступность и нравы переходного общества. Москва : Гардарики, 2002. 238 с.
Kudryavtsev V.N. Crime and Morals of a Transitional Society. Moscow : Gardariki Publ. 2002. 238 p.
7. Летунов, Д.А. Оперативно-тактические аспекты борьбы с организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2002. 269 с. EDN: YZXSUH.
Letunov D.A. Operational and Tactical Aspects of Combating Organized Crime. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow, 2002. 269 p. EDN: YZXSUH.
8. Маслов, Г.Ф. Особенности организованной преступности и противодействие ей в условиях Дальневосточного региона : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 1997. 166 с. EDN: NLIFUH.
Maslov G.F. Features of Organized Crime and Counteraction to It in the Far Eastern Region. Cand. Sci. (Law) Diss. Khabarovsk, 1997. 166 p. EDN: NLIFUH.
9. Номоконов, В.А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 160 с. EDN: RXHCLZ.
Nomokonov V.A. Transnational Organized Crime: Definitions and Reality. Vladivostok, Far Eastern Univ. Publ., 2001. 160 p. EDN: RXHCLZ.
10. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация: теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. 2-е изд., доп. Москва : ИНФРА-М, 2024. 415 с.
Ovchinsky S.S. Operational-Search Information. 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2024. 415 p.
11. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. Москва : ИНФРА-М, 1996. 397 с.
Foundations of Combating Organized Crime. Ed. by V. S. Ovchinsky, V. E. Eminov, N. P. Yablokov. Moscow, INFRA-M Publ., 1996. 397 p.
12. Шеслер, А.В. Формы соучастия в преступлении : отражение в уголовном законе и судебной практике // Вестник Томского государственного университета – 2025. – № 513. – С. 228–233. DOI: 10.17223/15617793/513/26 EDN: HELUCM.
Shesler A.V. Forms of Complicity in a Crime: Reflection in Criminal Law and Judicial Practice. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – No. 513. – Pp. 228–233. DOI: 10.17223/15617793/513/26 EDN: HELUCM.
13. Calderoni F.A Definition That Could Not Work: the EU Framework Decision on the Fight against Organised Crime // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice – 2008. – Vol. 16. – P. 265–282. DOI: 10.1163/157181708X333346.
14. Calderoni F. Article 2: Use of Terms // The UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary / ed. by A. Schloenhardt et al. Oxford : Oxford University Press – 2023. – P. 23–48. DOI: 10.1093/law/9780192847522.003.0003.
15. Cressey D.R. Theft of the Nation: The Structure and Operations of Organized Crime in America. New York : Harper & Row, 1969. 367 p.
16. Falcone G., Padovani M. Cose di Cosa Nostra. Milano : Rizzoli, 1991. 179 p.
17. Hill P.B.E. The Japanese Mafia: Yakuza, Law and the State. Oxford : Oxford University Press, 2003. 336 p. DOI: 10.1093/0199257523.001.0001.
18. Lampe K. von. Organized Crime: Analyzing Illegal Activities, Criminal Structures, and Extra-Legal Governance. Thousand Oaks : SAGE Publications, 2016. 480 p. DOI: 10.4135/9781506305110.
19. Maljević A. «Participation in a Criminal Organisation» and «Conspiracy»: Different Legal Models against Criminal Collectives. Berlin : Duncker & Humblot, 2011. 226 p.
20. McClean D. Transnational Organized Crime: A Commentary on the UN Convention and its Protocols. Oxford : Oxford University Press, 2007. 472 p.
21. Obokata T. Transnational Organised Crime in International Law. Oxford : Hart Publishing, 2010. 268 p.
22. Reuter P. Disorganized Crime: Illegal Markets and the Mafia. Cambridge, MA : MIT Press, 1983. 233 p.
23. Smith D. C. The Mafia Mystique. New York : Basic Books, 1975. 384 p.
24. The UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary / ed. by A. Schloenhardt, F. Calderoni, J. Lelliott, B. Weißer. Oxford : Oxford University Press, 2023. 720 p.
25. Williams P. Transnational Criminal Networks // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy / ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica : RAND Corporation – 2001. – P. 61–97.

Жилкин Максим Геннадьевич

профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; профессор Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный редактор журнала «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, доцент

Zhilkin Maxim G.

Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Professor at the Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Editor-in-Chief of the journal "Union of Criminalists and Criminologists"; Doctor of Legal Sciences; Associate Professor

Статья
поступила в редакцию:
21.07.2026
одобрена после
рецензирования:
14.08.2026
принята к публикации:
21.09.2026

Российская Федерация
Москва

19234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корпус 51

Russian Federation
Moscow

19234, Moscow, Leninskie gory, 1,
building 51

✉ zmax71@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ) 8173-5696

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6128-0283>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК 343.01

Оценочные понятия в уголовном праве

Evaluative concepts in criminal law

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что оценочные понятия остаются одним из наиболее сложных инструментов уголовно-правовой регламентации: они позволяют учитывать многообразие жизненных ситуаций, но одновременно повышают риск неодинакового толкования уголовного закона.

Цель статьи состоит в раскрытии юридической природы оценочных понятий, определении их места в механизме квалификации преступлений и формулировании требований к мотивировке правоприменительного решения.

Методы исследования включают формально-юридический, логико-догматический, системный и интерпретационный методы, а также анализ доктринальных подходов, правовых позиций высших судов и опубликованных материалов правоприменительной практики.

Результаты исследования выражаются в обосновании вывода о том, что оценочное понятие не является проявлением произвольного усмотрения правоприменителя. Его содержание формируется на пересечении законодательной, доктринальной, судебной и индивидуальной правоприменительной оценки. Предложено рассматривать стандарт применения оценочного понятия как совокупность трех элементов: установление предмета оценки, соотнесение его с выработанным общим понятием и мотивированное описание признаков, позволяющих признать соответствующий уголовно-правовой признак установленным.

Ключевые слова: оценочные понятия, уголовное право, квалификация преступлений, правоприменение, юридическая оценка, судебное усмотрение, толкование закона, законодательная техника.

Abstract. Relevance. Evaluative concepts remain one of the most complex instruments of criminal-law regulation: they make it possible to take into account the diversity of factual situations, but at the same time increase the risk of inconsistent interpretation of criminal law.

Purpose. The article aims to reveal the legal nature of evaluative concepts, to determine their place in the mechanism of qualification of crimes, and to formulate requirements for the reasoning of law-enforcement decisions.

Methods. The research uses formal legal, logical-dogmatic, systemic, comparative legal and interpretative methods, as well as an analysis of doctrinal approaches, legal positions of the higher courts and published materials of law-enforcement practice.

Results. The article substantiates that an evaluative concept is not a manifestation of arbitrary discretion of the law enforcer. Its content is formed at the intersection of legislative, doctrinal, judicial and individual law-enforcement evaluation. It is proposed to regard the standard for applying evaluative concepts as including three elements: identifying the object of evaluation, correlating it with the developed general concept, and providing a reasoned description of the features that allow the relevant criminal-law element to be considered established.

Keywords: evaluative concepts, criminal law, classification of crimes, law enforcement, legal assessment; judicial discretion, interpretation of the law, legislative technique.

Для цитирования: Жилкин М.Г. Оценочные понятия в уголовном праве // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 17–27.

For citation: Zhilkin Maxim G. Evaluative concepts in criminal law // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 17–27.

Введение. Основная проблема оценочных понятий в уголовном праве состоит в том, что отказаться от них уголовный закон не может, поскольку общественные отношения меняются быстрее, чем их удастся исчерпывающе описать в виде жестких, раз и навсегда заданных формулировок. Если стремиться к полной формализации всех признаков, закон неизбежно станет либо чрезмерно казуистичным, либо недостаточно пригодным для оценки новых и нетипичных ситуаций. Именно поэтому такие конструкции, как «существенный вред», «тяжкие последствия», «грубое нарушение», «явное неуважение», «значительный ущерб» и иные сходные признаки, сохраняют в уголовном праве самостоятельное регулятивное значение.

Но та же гибкость, которая делает оценочные понятия практически необходимыми, одновременно создает и риск неодинакового применения. Источник этого риска не в том, что правоприменитель будто бы склонен выходить за пределы закона сам по себе; проблема глубже – сам законодатель оставляет пространство для оценки. Поэтому научный вопрос заключается не в том, удачен или неудачен этот прием законодательной техники вообще, а в том, какими юридическими средствами удержать его в границах законности, чтобы необходимая гибкость уголовно-правовой нормы не превращалась в произвольное усмотрение.

Вклад настоящей статьи состоит в том, что акцент переносится с общей характеристики оценочных понятий на мотивировку их применения. Оценочное понятие предлагается рассматривать не как разрешение на свободное усмотрение, а как основание для более сложной и более ответственной юридической аргументации. Иными словами, чем менее формально определен признак в тексте закона, тем более развернуто должно быть показано, какие именно обстоятельства дела, в какой совокупности и по каким правовым основаниям позволяют наполнить соответствующий термин конкретным уголовно-правовым содержанием.

Такой ракурс позволяет по-новому поставить и вопрос о пределах усмотрения. Полностью устранить его при работе с оценочными понятиями невозможно, да это и не требуется. Требуется другое: сделать усмотрение проверяемым. Это достигается не количеством общих ссылок на судебную практику и не декларативным упоминанием доктрины, а последовательной логикой правовой оценки – от фактического обстоятельства к юридически значимому признаку, от признака к общему стандарту оценки, а от него

к мотивированному выводу по конкретному делу. Именно здесь и проходит граница между допустимой правовой оценкой и субъективизмом.

Научная проблема, таким образом, состоит не в простом перечислении существующих подходов, а в выявлении того предела, за которым оправданная гибкость уголовно-правового регулирования начинает создавать риск произвольной квалификации. Оценочные понятия, используемые в уголовном законе, обоснованно рассматриваются как самостоятельный и исторически сложившийся прием законодательной техники, отражающий особенности уголовной политики соответствующего периода [7, с. 1]. В современной литературе справедливо подчеркивается, что полное устранение оценочных понятий из нормативного материала не только невозможно, но и нецелесообразно, поскольку именно они позволяют праву реагировать на многообразие социальных ситуаций без чрезмерной казуистичности закона [16, с. 90–93]. Поэтому центральным становится вопрос о юридических гарантиях их применения: понятном стандарте оценки, проверяемой мотивировке и устойчивых границах усмотрения.

Актуальность темы подтверждается и тем, что проблематика оценочных понятий в уголовном праве разрабатывалась на диссертационном уровне в разные годы: от исследования Е.В. Кобзевой, посвященного оценочным признакам уголовного закона, до современного теоретико-прикладного анализа Д.Р. Касимова и специального исследования Н.С. Мусиенко применительно к преступлениям против общественной безопасности [7; 6, с. 3–5; 12, с. 3–4]. Вместе с тем вклад настоящей статьи состоит не в реконструкции всей истории научной дискуссии и не в анализе отдельной группы составов преступлений, а в формировании прикладного стандарта применения оценочного понятия. Такой стандарт должен быть пригоден для проверки мотивировки правоприменительного решения: он связывает предмет оценки, общее понятие, фактические обстоятельства и вывод о наличии либо отсутствии уголовно-правового признака.

Цель настоящего исследования состоит в раскрытии сущности оценочных понятий в уголовном праве и в обосновании такого подхода к их применению, при котором оценочное усмотрение сохраняет необходимую гибкость, но получает проверяемые правовые пределы.

Основное содержание. Оценка в уголовном праве имеет двойственную природу. С одной стороны, она неизбежно связана с ценностью охраняемых уголовным законом общественных отношений: вред, ущерб, опасность, существенность, значительность, тяжесть последствий невозможно понять вне характеристики объекта посягательства. С другой стороны, уголовно-правовая оценка не может растворяться в личном правопонимании следователя или суда. Она предполагает сопоставление фактических обстоятельств с нормативным смыслом признака, с разъяснениями высших судебных инстанций, устойчивой практикой и доктринально выработанными критериями [5, с. 7–9; 17, с. 106].

Такой подход позволяет избежать двух крайностей. Первая – воспринимать оценочное понятие как сферу практически свободного усмотрения, когда один и тот же термин наполняется разным содержанием в зависимости от индивидуального правосознания правоприменителя. Вторая – пытаться полностью нейтрализовать оценочный элемент и свести его к чисто формальному признаку, как если бы любой юридически значимый вывод можно было заранее выразить числом, исчерпывающим перечнем или жесткой формулой. Для уголовного закона обе крайности одинаково неблагоприятны: первая разрушает предсказуемость квалификации, вторая обедняет саму нормативную ткань регулирования.

Поэтому в уголовном праве требуется не устранение оценочных понятий как таковых, а выработка стандарта их применения. Такой стандарт должен включать,

как минимум, установление предмета оценки, выявление его юридически значимых свойств, сопоставление этих свойств с нормативным и доктринальным смыслом признака и, наконец, мотивированное объяснение вывода. Только при такой последовательности оценочный признак перестает быть словесной формулой и становится проверяемым элементом квалификации. Именно мотивировка превращает оценку в юридическую деятельность, а не в произвольное усмотрение.

В правовой норме понятие выполняет роль логической формы отражения действительности. Оно фиксирует существенные признаки предметов и явлений, позволяя законодателю описывать модель запрещенного поведения. Формально определенные понятия характеризуются тем, что их признаки заранее обозначены законом или устойчиво раскрыты в правовой системе. Правоприменитель в таком случае преимущественно проверяет наличие уже известных признаков. Оценочное понятие устроено иначе: его содержание в полной мере раскрывается только в процессе применения нормы к конкретной ситуации.

В науке оценочные понятия определялись по-разному. В.Н. Кудрявцев связывал их применение с ситуацией, когда суд не только сравнивает явление с общим понятием, но и в известных пределах формулирует содержание самого понятия [9]. В.В. Питецкий указывал на раскрытие содержания оценочного понятия в процессе применения нормы с учетом конкретных обстоятельств дела [14, с. 89]. Е.В. Кобзева предложила материально-формальное понимание оценочных признаков как неконкретизированных в законе уголовно-правовых понятий, содержание которых устанавливается лицом, применяющим норму, на основе обстоятельств конкретного уголовного дела [7, с. 1]. Эти подходы позволяют выделить не произвольный, а нормативно ограниченный характер оценочного усмотрения.

Представляется, что оценочное понятие в уголовном праве можно определить как закрепленный в уголовно-правовой норме термин или словосочетание, содержание которого не исчерпывается текстом закона и подлежит конкретизации при применении нормы на основании фактических обстоятельств дела, нормативного контекста, правовых позиций высших судов, устойчивой практики и доктринальных критериев. В этом смысле оценочное понятие не тождественно неопределенности закона. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что оценочный признак наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом его толкования в правоприменительной практике, а потому сам по себе не препятствует единообразному пониманию закона¹.

К числу основных признаков оценочного понятия относятся: частичная неопределенность содержания; зависимость от конкретной фактической ситуации;

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петухова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 159 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 части первой статьи 389²⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 1201-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чернова Юрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 146, 217, 278, 281¹ и частью второй статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, а также положениями Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2026 № 999-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

необходимость дополнительной юридической оценки; возможность использования постоянных и переменных критериев; связь с пределами правоприменительного усмотрения; требование мотивированного раскрытия в процессуальном решении. При этом оценочное понятие обычно включает не только переменные обстоятельства, выявляемые по конкретному делу, но и устойчивые признаки, без которых соответствующая правовая оценка утрачивает проверяемость [2].

Интересное наблюдение делает А.В. Фиошин: «В некотором смысле оценочное понятие можно сравнить с пресс-формой – устройством, посредством которого производятся изделия разной конфигурации из разнообразных материалов (металл, пластмасса, резина и др.). Подобно материалу, помещенному в пресс-форму, содержание оценочного понятия может быть различным. Оно может обнимать самые разные жизненные обстоятельства. При этом конструкция оценочного понятия, как представляется, имеет границы. Иными словами, объем оценочного понятия не является безграничным. В него нельзя включить все что угодно» [16]. Полагаем, что границы оценочного понятия действительно существуют, но их линия проводится не столько в законе или ином нормативном документе, сколько в акте конкретного правоприменения, где оценочное понятие как форма наполняется совершенно определенным содержанием.

В этой связи заслуживает внимания взгляд Д.Р. Касимова, который провел актуальное и достаточно убедительное исследование оценочных понятий в уголовном праве. В частности, он пишет: «Открытый характер объема любого и каждого уголовно-правового оценочного понятия и невозможность подсчитать все случаи словоупотребления таких понятий не свидетельствуют о том, что диапазон значений какого-либо оценочного понятия является бесконечным, поскольку подразумеваемый таким понятием количественно-качественный состав объектов (предметов, явлений, процессов и др.) и форм их возможного проявления всегда ограничен, с одной стороны, многообразием форм выражения действительности на момент интерпретации, а с другой – юридическим дискурсом (потому лишь теми объектами и формами их проявления, которые могут быть подвергнуты правовому регулированию)» [6, с. 12]. Иными словами, позиция автора может быть изложена так, что помимо ситуативной оценки действительности при определении содержания оценочного понятия следует учитывать научный уровень оценки, складывающийся на основе теоретических выводов и обобщения судебно-следственной практики. Достоинство данного подхода состоит в переносе акцента с простой констатации неопределенности на анализ условий словоупотребления оценочного понятия в юридическом дискурсе.

В диссертационном исследовании Д.Р. Касимова оценочные понятия определяются как закрепленные в уголовном законе понятия, лишенные точных, исчерпывающих и ситуативно неизменных условий своей словоупотребительной применимости. Этот вывод важен, поскольку он исключает отождествление оценочного понятия с пробелом закона или произвольным усмотрением.

Вместе с тем лингво-семантическая модель оценочных понятий нуждается в практическом продолжении. Для следователя, прокурора и суда недостаточно установить, что термин обладает словоупотребительной неопределенностью. Необходимо показать, какие фактические признаки и какие ценностно-правовые ориентиры позволяют применить его в конкретном деле. Поэтому мы предлагаем сместить акцент с общей онтологии оценочного понятия на стандарт мотивировки, обеспечивающий проверяемость результата уголовно-правовой оценки.

Дополнительного уточнения требует вопрос о разграничении оценочных понятий со смежными правовыми явлениями. Л.А. Бегоян справедливо обращает внимание на то, что не

всякое понятие, содержание которого нуждается в уточнении при применении нормы, является оценочным. К числу не оценочных следует относить, во-первых, понятия, содержание которых раскрывается специалистами или экспертами на основе специальных познаний; во-вторых, понятия, смысл которых определяется нормами иных отраслей права, то есть бланкетные элементы; в-третьих, общеупотребительные понятия, не требующие специальной уголовно-правовой конкретизации [1, с. 6].

Значение указанного разграничения состоит в том, что оно не позволяет расширять сферу оценочного усмотрения за счет тех случаев, где правоприменитель должен не самостоятельно формировать юридический стандарт, а обратиться к специальному знанию, отраслевому регулированию или общезыковому смыслу термина. Поэтому оценочное понятие не должно подменять ни бланкетную норму, ни экспертное установление факта, ни обычное толкование общеупотребительного слова.

Существенным является и вывод о том, что оценочное понятие обычно характеризует не явление в целом, а отдельное его свойство или отношение. Например, само хулиганство не является оценочным понятием, однако такие его признаки, как грубое нарушение общественного порядка или явное неуважение к обществу, имеют оценочный характер [1, с. 7]. В этом смысле оценочный признак выступает не самостоятельной заменой состава преступления, а способом юридического описания определенной стороны деяния.

Отсюда вытекает еще одно практическое следствие: если раскрытие оценочного признака требует специальных знаний, правоприменитель не вправе компенсировать их отсутствие собственным усмотрением. В таких случаях необходимо привлекать специалиста или назначать экспертизу, иначе оценочное понятие превращается в источник произвольного суждения, не обеспеченного доказательственной основой [1, с. 8].

Ключевым элементом применения оценочного понятия является так называемое общее понятие. Под ним следует понимать не произвольное представление правоприменителя, а сформированный на основе законодательства, судебной практики и науки стандарт оценки соответствующего юридически значимого свойства. В этом смысле общее понятие выполняет роль ориентира, позволяющего соотнести конкретное обстоятельство дела с типовыми признаками, которые уже признаны юридически значимыми. Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что содержание оценочного признака раскрывается с учетом фактических обстоятельств дела и правоприменительного толкования¹. Общее понятие не превращает оценочный признак в формально определенный. Оно не закрывает перечень возможных обстоятельств и не исключает появления новых признаков, ранее не описанных в практике. Однако оно задает правоприменителю точку отсчета и пределы оценки. С этой точки зрения

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петухова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 159 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 части первой статьи 389²⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 1201-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чернова Юрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 146, 217, 278, 281¹ и частью второй статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, а также положениями Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2026 № 999-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оценочное понятие можно представить как нормативную форму, которая нуждается в фактическом наполнении, но не допускает произвольного изменения своего юридического назначения.

С этой точки зрения заслуживает поддержки предложенное Д.Р. Касимовым требование одновременной семантической, аксиологической и юридико-квалификационной состоятельности формы проявления оцениваемого объекта [6, с. 12]. Однако для уголовного судопроизводства указанное требование должно быть переведено на язык процессуальной мотивировки: решение должно показывать, что установленный факт не только подходит под словарное значение термина, но и соответствует охраняемой уголовным законом ценности и цели конкретной нормы.

Например, при оценке таких признаков, как существенный вред, крупный ущерб, тяжкие последствия, особая жестокость, значительность или общественная опасность, правоприменитель не может ограничиться простой констатацией термина. Он должен раскрыть, в чем именно проявилось качество, обозначенное оценочным словом. Если речь идет о последствиях, необходимо установить их характер, размер, длительность, влияние на потерпевшего, организацию или охраняемый общественный интерес. Если оценивается способ деяния, требуется показать его интенсивность, направленность, опасность, связь с наступившими или возможными последствиями.

Особое значение имеет вывод о том, что основанием юридической оценки не может быть одно лишь правосознание субъекта. Правосознание влияет на понимание закона и оценку обстоятельств, но его нельзя ставить на место объективных критериев. Иначе оценочное понятие становится зависимым от индивидуальных представлений конкретного следователя, прокурора или судьи. Более убедительным является подход, при котором правосознание выполняет вспомогательную роль, а основной материал оценки составляют признаки предмета, стандарты доктрины, судебные ориентиры и фактические данные дела [8; 14].

Отсюда вытекает требование к мотивировке. Полагаем, что вопрос об определении содержания оценочного понятия может быть переведен из плоскости унификации понятий и определения универсального набора их признаков в плоскость аргументации – мотивировки конкретного судебного решения ответами на вопросы, почему именно представленные в процессуальном акте фактические обстоятельства позволили признать, что, например, ущерб является значительным, а иные последствия – тяжкими.

Немаловажным вопросом в дискуссии об оценочных понятиях в уголовном праве является их востребованность законодателем. Исследователи отмечают, что новеллы уголовного законодательства тяготеют к формулированию специальных норм со сложными казуистичными конструкциями, отмечая, тем не менее, что «при конструировании уголовно-правовых норм преимущественно должно сохраняться традиционное абстрактное регулирование, характеризующееся высоким уровнем обобщения» [13]. В этих условиях оценочные признаки выступают не только техническим приемом, но и способом поддержания адаптивности уголовного закона.

Поэтому вопрос заключается не в том, допустимы ли оценочные понятия вообще, а в том, в каких пределах они оправданы. Они необходимы там, где предмет уголовно-правовой оценки зависит от сочетания многих факторов: характера объекта, степени вреда, способа поведения, обстановки, длительности воздействия, круга потерпевших, формы вины и мотива. В то же время расширение «оценочности» не должно подменять обязанность законодателя формулировать ясные признаки состава преступления.

Однако оценочное понятие не должно использоваться там, где законодатель может и должен сформулировать четкий критерий. Особенно осторожным должно быть включение оценочных признаков в нормы, определяющие основания уголовной ответственности и составообразующие признаки. Интенсивная и не всегда системная модернизация уголовного закона повышает риск терминологической несогласованности, а значит, требует более строгой техники формулирования оценочных признаков и их последующего судебного толкования [4].

Сходные требования к законодательному конструированию оценочных признаков сформулированы А.В. Курсаевым, который связывает их допустимость прежде всего с дифференциацией ответственности, а не с самой криминализацией деяния [10, с. 256]. Данный тезис имеет принципиальное значение для уголовного права: чем ближе оценочный признак расположен к основанию уголовной ответственности, тем выше риск нарушения предсказуемости уголовного закона.

Из этого следует, что пределы содержания оценочного признака должны быть выводимы из общего смысла уголовного закона; при отсутствии количественных критериев законодатель обязан усиливать качественное описание признака, а при невозможности полной формализации – сохранять такие ориентиры, которые позволяют установить волю и смысл законодателя [10, с. 256–258]. Тем самым оценочное понятие становится допустимым приемом законодательной техники только при наличии одновременно двух условий: объективной необходимости и достаточной интерпретируемости.

С этой точки зрения заслуживает поддержки идея категоризации наиболее распространенных понятий уголовного закона [11, с. 12]. Такие термины, как «вред», «ущерб», «последствия», «размер», «значительность», «существенность», иногда используются в разных главах УК РФ неодинаково. Если законодатель не закрепляет общий стандарт, задача его выработки неизбежно переносится на судебную практику и доктрину. Наиболее заметны такие трудности при применении признаков существенного вреда, тяжких последствий, особой жестокости, опасности для жизни и здоровья, грубого нарушения и других сходных конструкций. Их содержание нельзя установить только по словарному значению: необходим учет уголовно-правового смысла нормы и обстоятельств дела [2].

Для уголовного права это принципиально, поскольку неопределенность терминологии непосредственно отражается на законности и предсказуемости квалификации. Когда одно понятие обозначает различные правовые явления, законодатель должен либо раскрыть его специальное значение, либо обозначить критерии, позволяющие установить это значение применительно к конкретной норме.

Между тем очевидно, что значительный ущерб в нормах о краже (ст. 158 УК РФ), предпринимательском мошенничестве (ч. 5–7 ст. 159), умышленном уничтожении или повреждении имущества (ст. 167), террористическом акте (ст. 205 УК РФ), нарушении правил охраны недр (ст. 255), уничтожении или повреждении лесных насаждений (ст. 261), нарушении режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262), диверсии (ст. 281 УК РФ) имеет разное качественное и количественное содержание. Это прямо следует как из текста закона, когда в примечаниях к соответствующим статьям определяются количественные границы этих признаков, так и из правовых позиций высшей судебной инстанции. Так, например, в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства

об ответственности за нарушения в области окружающей среды и природопользования»¹ прямо указывается, что разрешение вопроса о значительном ущербе зависит от конкретных обстоятельств дела, примерный перечень которых далее приводится. Схожие разъяснения мы можем увидеть в постановлениях по другим категориям дел. При этом набор критериев для определения терминологически одинакового оценочного понятия предлагается совершенно разный.

Проблема, таким образом, состоит не столько в наличии оценочных понятий, сколько в том, что их содержание нередко остается без надлежащего обоснования. В решении воспроизводится термин закона, но не объясняется, какие факты и правовые критерии послужили основанием для соответствующего вывода.

Отсюда возникают распространенные ошибки. В первом случае оценочный признак называется без указания обстоятельств, которые его образуют. Во втором – им пытаются восполнить недостатки доказывания, хотя оценочное понятие предназначено для юридической характеристики установленного факта, а не для его замены. В третьем случае – в уголовно-правовой текст механически переносится смысл из смежного административного, финансового, экологического или иного законодательства без учета целей и структуры уголовного закона [15].

Преодолеть эти ошибки можно только при переходе от терминологической краткости к полноценному стандарту мотивировки. Суд и иные правоприменители должны не просто назвать оценочный признак, а показать, каким образом установленные обстоятельства формируют его содержание в данном деле. В этом смысле пределы усмотрения проходят не по линии полного отказа от оценки, а по линии обязанности ее убедительно обосновать; именно такая аргументация позволяет одновременно обеспечить единообразие практики и индивидуализацию ответственности [3].

Заключение. В качестве заключения нами предлагается алгоритм определения содержания оценочного понятия в процессе уголовно-правовой оценки конкретного деяния, включающий пять последовательных этапов.

На первом этапе правоприменитель должен определить, к какой группе признаков состава преступления (объективных или субъективных) относится оцениваемое обстоятельство. Объективные признаки обычно характеризуют как само деяние, так и способ совершения и его последствия. Субъективные признаки, как правило, содержат оценочные понятия при описании мотивов и целей совершения преступления.

Второй этап – выявление нормативного контекста. Один и тот же термин может использоваться в разных главах уголовного закона и получать различные оттенки содержания. Поэтому необходимо определить место нормы в системе УК РФ, объект уголовно-правовой охраны, конструкцию состава, связь с примечаниями, бланкетными положениями, разъяснениями высших судебных инстанций и смежным отраслевым регулированием.

Третий этап – обращение к общему понятию. На этом этапе учитываются законодательные дефиниции, примечания к статьям, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, устойчивая практика, научные позиции и методические ориентиры. Именно здесь формируется стандарт оценки, ограничивающий субъективное усмотрение и переводящий

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оценочный термин из сферы интуитивного понимания в сферу проверяемого юридического аргумента [16, с. 101–108].

Четвертый этап – фактическая конкретизация. Правоприменитель устанавливает, какие свойства конкретного деяния соответствуют оценочному признаку. Здесь важны не любые обстоятельства дела, а только те, которые связаны с юридическим смыслом признака: размер и характер вреда, длительность поведения, интенсивность воздействия, круг потерпевших, степень нарушения охраняемых интересов, способ совершения деяния, предсказуемость последствий, мотив и цель.

На пятом этапе осуществляется мотивировка выдвинутого правового суждения, которое должно быть выражено в решении таким образом, чтобы его можно было проверить. Здесь требуется представить используемые нормативные и доктринальные стандарты оценки, обосновывающие, что выявленные фактические обстоятельства являются юридически значимыми и достаточными для определения содержания конкретного оценочного признака. В то же время следует указать, какие иные критерии оценки были исключены и почему.

Предложенную модель возможно использовать для подготовки процессуальных решений, судебных актов и методических рекомендаций по квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки.

Список литературы / References

1. Бегоян, Л.А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации // КриминалистЪ. – 2025. – № 1 (50). – С. 3–8. ISSN: 2686-7753. EDN: IYPRSD.
Begoyan, L.A. The content and signs of evaluative concepts in the criminal legislation of the Russian Federation // Criminalist. – 2025. – No. 1 (50). – Pp. 3–8. EDN: IYPRSD.
2. Гармышев, Я.В. Особенности установления оценочных понятий при квалификации отдельных видов преступлений // Российский следователь. – 2015. – № 19. – С. 35–39. ISSN: 1812-3783. EDN: UJHDKZ.
Garmshev, Ya.V. Features of the establishment of evaluative concepts in the qualification of certain types of crimes // Russian investigator. – 2015. – No. 19. – Pp. 35–39. EDN: UJHDKZ.
3. Грачева, Ю.В., Аубакирова-Тер-Григорян, Н.М. Пределы судейского усмотрения в применении смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ // Уголовное право. – 2024. – № 11. – С. 16–23. DOI: 10.52390/20715870_2024_11_16. EDN: RRJYSV.
Gracheva, Yu.V., Aubakirova-Ter-Grigoryan N.M. The limits of judicial discretion in the application of mitigating circumstances provided for in paragraph "z" of Part 1 of art. 61 of the Criminal Code // Criminal Law. – 2024. – No. 11. – Pp. 16–23. EDN: RRJYSV.
4. Гримальская, С.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 106–110. ISSN: 1991-6027. EDN: TNGWYD.
Grimal'skaya, S.A. The concept of criminal law policy of the Russian Federation // Modern law. – 2024. – No. 4. – Pp. 106–110. EDN: TNGWYD.
5. Жеребин, В.Е. Логический анализ понятий права. – Киев, 1976. – 150 с.
Zharebin, V.E. Logical analysis of the concepts of law. Kiev, 1976. 150 p.
6. Касимов, Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Касимов Дамир Ринатович. – Ижевск, 2024. – 238 с. EDN: OVCHDH.
Kasimov D.R. Theoretical and applied aspects of evaluative concepts in criminal law: dissertation of the cand. jurid. Sciences: 5.1.4 / Kasimov Damir Rinatovich. Izhevsk. – 2024. – 238 p. EDN: OVCHDH.
7. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 31 с. EDN: NMBKVR.
Kobzeva, E.V. Evaluative signs in the criminal law: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Saratov. – 2002. – 31 p. EDN: NMBKVR.
8. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – 352 с. EDN: ZGVREV.
Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification, Moscow. – 1972. – 352 p. EDN: ZGVREV.
9. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с. EDN: ZGTQCL.
Kudryavtsev, V.N. Theoretical foundations of crime qualification. Moscow: Gosyurizdat. – 1963. – 324 p. EDN: ZGTQCL.
10. Курсаев, А.В. Конструирование оценочных признаков в уголовном законе // 30 лет Уголовному и Уголовно-исполнительному кодексам Российской Федерации: итоги и перспективы: материалы XV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2026 года. – Москва : ЮрЛитИнформ, 2026. – С. 255–258. EDN: VEXWTW.

Kursaev, A.V. Construction of evaluative features in criminal law // 30 years of the Criminal and Penal Codes of the Russian Federation: results and prospects: proceedings of the XV Russian Congress of Criminal Law, held on May 28-29, 2026. Moscow : Yurlitinform, 2026. – Pp. 255–258. EDN: VEXWTW.

11. Милуханова, Е.Е. Концепция уголовно-правовой категоризации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2026. – 40 с.

Milyukhanova, E.E. The concept of criminal law categorization: abstract of the dissertation of Dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2026. – 40 p.

12. Мусиенко, Н.С. Оценочные признаки в составах преступлений против общественной (общей) безопасности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2026. – 21 с.

Musienko, N.S. Evaluative signs in the composition of crimes against public (general) security: theoretical and applied research: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – Krasnodar, 2026. – 21 p.

13. Нудель, С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 5–22. DOI: 10.12737/jrp.2023.001. EDN: ZYYDDU.

Nudel, S.L. Modernization of criminal policy: problems of legal regulation // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 1. – Pp. 5–22. EDN: ZYYDDU.

14. Питецкий, В.В. К вопросу о сущности оценочного понятия в праве // Социальное управление и право: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 61. – Свердловск, 1977. – С. 89–93.

Pitetsky, V.V. On the issue of the essence of the evaluative concept in law // Social management and law: interuniversity collection of scientific papers. Issue 61. Sverdlovsk, 1977. – Pp. 89–93.

15. Пономарев, Н.С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 40–45. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-4-40-45. EDN: PHALKH.

Ponomarev N.S. Discretionary powers of judges in criminal proceedings: a critical analysis // Criminal proceedings. – 2023. – No. 4. – Pp. 40–45. EDN: PHALKH.

16. Фиошин, А.В. Об оценочных понятиях частного и публичного права // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 5. – С. 90–113. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-5-90-113. EDN: PDUIFS.

Fioshin, A.V. On evaluative concepts of private and public law // Bulletin of the Civil Procedure. – 2022. – No. 5. – Pp. 90–113. EDN: PDUIFS.

17. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург, 1993. – 192 с. ISBN: 5-02-007351-2 EDN: QTWVDT.

Cherdantsev, A.F. Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg, 1993. 192 p. ISBN: 5-02-007351-2. EDN: QTWVDT.

Забавко Роман Алексеевич

доцент кафедры уголовного права
Юридического института Иркутского
государственного университета;
научный сотрудник лаборатории
правовых исследований
высокотехнологичных отраслей
производства Иркутского института
химии им. А.Е. Фаворского
Сибирского отделения Российской
академии наук, кандидат юридических
наук, доцент

Российская Федерация
Иркутск

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

Zabavko Roman A.

Associate Professor of the Department
of Criminal Law at the Irkutsk State
University Law Institute; Researcher
at the Laboratory of Legal Research
of High-Tech Industries at the Irkutsk
Favorsky Institute of Chemistry, Siberian
Branch of the Russian Academy
of Sciences, Candidate of Law, Associate
Professor

Russian Federation
Irkutsk

664003, Irkutsk, K. Marx St., 1

Статья

поступила в редакцию:
22.06.2026

одобрена после
рецензирования:
11.08.2026

принята к публикации:
21.09.2026

✉ zrairk@mail.ru

SPIN-код (ПИНЦ) 2248-3852

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1613-9317>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.533.6

Уголовная ответственность за ограничение конкуренции путем картельного сговора

Criminal liability for restriction of competition through cartel agreement

Аннотация. Актуальность. Вопросы обеспечения конкуренции для рыночной экономики являются принципиально важными. Это обусловлено необходимостью формирования высокоэффективной саморегулирующейся экономики, оптимизации государственных расходов, снижения издержек потребителей товаров, услуг и результатов работ. Самые опасные формы нарушения конкуренции криминализированы в уголовном законе. Законодатель длительное время находился в поиске наиболее оптимальных механизмов уголовно-правовой охраны общественных отношений, обеспечивающих свободу конкуренции, и остановился на запрете исключительно ограничения конкуренции путем картельного сговора. Между тем, признаки данного преступления весьма сложны, а практика применения соответствующей нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) столь неоднозначна, что требуется комплексное уголовно-правовое исследование уголовной ответственности за ограничение конкуренции путем картельного сговора.

Целью статьи является определение на основе комплексного анализа признаков основного и квалифицированных составов преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, а также практики ее применения, сложных вопросов и вынесение на основе этого анализа научно обоснованных предложений по оптимальному толкованию, применению и совершенствованию данной нормы.

Методы. Основными методами исследования выступили общенаучные методы диалектического познания, прежде всего анализ, синтез, сравнение, а также дедукция, индукция и системно-структурный метод правового моделирования.

Результаты. В результате проведенного исследования сделаны выводы об особенностях уголовной ответственности за ограничение конкуренции путем картельного сговора. К ним относятся: высокая общественная опасность, связанная с воздействием на рыночные процессы в экономике; сложности определения потерпевших, которыми могут быть граждане, организации и государство; определение состава преступления как полностью материального с выделением общественно опасного деяния – заключения картеля; общественно опасные последствия двух уровней (первый уровень – ограничение конкуренции, второй уровень – извлечение дохода в крупном размере или причинение крупного ущерба); установление признаков субъекта преступления, которым выступают, как правило, управленцы коммерческих организаций, включая государственные и муниципальные предприятия;

а также роль должностных лиц – представителей власти, которые могут совершить данное преступление в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Ключевые слова: ограничение конкуренции, картельный сговор, уголовная ответственность, неправомерное соглашение, экономический ущерб.

Abstract. Relevance. Issues of ensuring competition are fundamentally important for a market economy. This is due to the need to create a highly efficient self-regulating economy, to optimise public expenditure, and to reduce costs for consumers of goods, services, and works. The most dangerous forms of competition violations are criminalised in criminal law. For a long time, the legislator has been searching for the most optimal mechanisms of criminal-law protection of social relations that ensure freedom of competition, and has settled on the prohibition exclusively of restriction of competition through cartel agreements. At the same time, the elements of this crime are extremely complex, and the practice of applying the corresponding norm of the Criminal Code of the Russian Federation is so ambiguous that a comprehensive criminal-law study of criminal liability for restriction of competition through cartel agreements is required.

Objective. The aim of the article is to determine, on the basis of a comprehensive analysis of the elements of the basic and qualified compositions of the crime provided for in Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the practice of its application, the difficult issues, and to propose, on the basis of this analysis, scientifically grounded recommendations for the optimal interpretation, application and improvement of this norm.

Methods. The main research methods employed were general scientific methods of dialectical cognition, primarily analysis, synthesis, comparison, as well as deduction, induction, and the system structural method of legal modelling.

Results. As a result of the conducted research, conclusions were drawn regarding the peculiarities of criminal liability for restriction of competition through cartel agreements: its high public danger, associated with the impact on market processes in the economy; the difficulties in determining the victims, which may include citizens, organisations and the state; the definition of the offence as fully material, with the identification of a socially dangerous act – the conclusion of a cartel – and socially dangerous consequences of two levels (the first level – restriction of competition, the second level – extraction of income on a large scale or causing major damage); the determination of the characteristics of the perpetrator of the crime, who are usually managers of commercial organisations, including state and municipal enterprises, as well as the role of officials and representatives of authority who may commit this crime as organisers, instigators or accessories.

Keywords: restriction of competition, cartel agreement, criminal liability, unlawful agreement, economic damage

Для цитирования: Забавко Р.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции путем картельного сговора // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). С. 28–42.

For citation: *Zabavko Roman A. Criminal liability for restriction of competition through cartel agreement // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 28–42.*

Введение. В условиях обострившейся геополитической обстановки, потребности в интенсификации промышленного производства все большее значение приобретает необходимость обеспечения честной конкуренции, являющейся главным механизмом саморегуляции рыночной экономики, создающим баланс между ценой и качеством предложения, стимулирующим развитие народного хозяйства. Важность этого вопроса столь высока, что в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации (ст. 178 УК РФ).

Очевидно, законодатель находится в поиске оптимальных механизмов борьбы с картельными сговорами посредством норм уголовного закона. Об этом свидетельствуют многочисленные редакции ст. 178 УК РФ, которая несколько раз сменила название и содержание признаков основного и квалифицированных составов. В первой редакции в ней были криминализованы деяния «Монополистические действия и ограничение конкуренции», в 2003 году название статьи было изменено на «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», а в 2015 году она получила название «Ограничение конкуренции». При этом наименование «картель» появилось в статье 178 УК РФ только в последней редакции. Закрепив действующее название, законодатель не остановился в поиске оптимальных средств уголовной ответственности и еще неоднократно изменял ст. 178 УК РФ, дополняя ее новыми квалифицирующими признаками, примечаниями и совершенствуя ее санкции. В 2024 году законодатель вновь оптимизировал ст. 178 УК РФ, существенно изменив структуру статьи, закрепив в качестве квалифицирующего признака повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, и изменив подходы к дифференциации уголовной ответственности за данное преступление в зависимости от различных признаков [7, с. 78].

Ежегодно регистрируется небольшое число преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ. Так, в 2025 году по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России зарегистрировано 18 случаев уголовно наказуемого ограничения конкуренции, в 2024 году – 19, в 2023 году – 14, в 2022 году – 16, в 2021 году – 26¹. Небольшое количество зарегистрированных преступлений обусловлено их спецификой (для уголовной ответственности требуется извлечение дохода в крупном размере), высокой латентностью (участвующие в картеле стороны крайне заинтересованы в сохранении их ценового сговора в тайне и обладают для этого всеми необходимыми ресурсами), сложностями в выявлении и расследовании данного преступления, требующими специальных познаний в сфере экономики и изучения огромной массы финансовой документации, и рядом иных факторов. Между тем повышенная общественная опасность ограничения конкуренции путем картельного сговора требует адекватных мер реагирования, в том числе научно-практической рефлексии качества уголовного законодательства и практики его применения.

Основное содержание. Нужно отметить, что законодатель прислушивается к рекомендациям научного сообщества, которое неоднократно критиковало выбранные подходы к криминализации ограничения конкуренции в редакции до 2015 года, называя ст. 178 УК РФ коррупциогенной, малоприменимой, дающей возможность «откупиться» от уголовного преследования [10, с. 76]; ее признаки – нелогичными, нарушающими научно разработанные подходы к дифференциации уголовной ответственности [6, с. 14] и принцип *non bis in idem* [12, с. 23]. Все это подтверждалось фактически нулевой практикой применения ст. 178 УК РФ в редакции до 2015 года.

Практика применения ст. 178 УК РФ показала неэффективность механизмов административной преюдиции, отсутствие потребности в криминализации злоупотребления доминирующим положением на рынке, неточности в формулировках, связанных с лицом, использующим служебное положение, потерпевшими-гражданами, вред которым по

¹ По данным ФГКУ ГИАЦ МВД России. Сборник по России «Единый отчет о преступности» (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за 2021 – 2025 годы // доступ из Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

определению установить невозможно, на что уже было указано правоведами [9, с. 116], и т.д.

Таким образом, законодатель, учтя проблемы правоприменительного характера, критику и предложения научного сообщества, значительным образом изменил подходы к основаниям уголовной ответственности за наиболее опасные антимонопольные нарушения и оставил криминализированным только такое ограничение конкуренции, которое совершено путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, что либерализовало уголовную ответственность в рассматриваемой сфере и одновременно сделало ее более эффективной [2, с. 23].

Родовым объектом ограничения конкуренции выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное существование и развитие экономики, а видовым – общественные отношения, обеспечивающие нормальную экономическую деятельность.

Это вполне обоснованно, так как конкуренция – один из постулатов рыночной экономики, который обеспечивает ее саморегуляцию посредством выбора потребителем и другими участниками экономических отношений товаров, услуг, работ, которые являются лучшими предложениями на рынке по соотношению цены и качества, а также других сопутствующих аспектов (постпродажное обслуживание, логистика, дополнительные финансовые услуги и т.д.). Все это приводит к тому, что на рынке остаются только те субъекты, которые способны приспособиться к сложным рыночным условиям, конкуренции, повышают производительность труда, охватывают новые рынки и т.д.

Между тем, конкуренция может быть ограничена государством (например, в целях поддержки отечественного производителя или демпингования внешних рынков в интересах, опять-таки, национального производства, в условиях естественных монополий, национальной безопасности и обороны и т.д.). Важным аспектом конкуренции являются равные экономические условия, которые государство обеспечивает для всех участников общественных отношений, полагаясь на презумпцию добросовестной конкуренции хозяйствующих субъектов и обеспечение для себя наилучших условий исключительно за счет организованности, внутренних ресурсов и оптимального управления имуществом и финансами.

Посягая на свободу конкуренции, виновные лица разрушают целый комплекс общественных отношений в сфере экономики – препятствуют повышению производительности труда, способствуют росту цен, вмешиваются в управленческие процессы, вредят рынку труда и т.д. Вместе с тем некоторые авторы говорят о невысокой общественной опасности деяния, необходимости исследования возможности декриминализации данного деяния или снижения уровня пенализации [1, с. 23].

В ст. 178 УК РФ при указании на общественно опасные последствия в широком виде приводятся потерпевшие от ограничения конкуренции – граждане, организации и государство. Между тем, на практике доказать причинение крупного ущерба гражданам фактически невозможно. Это связано с тем, что контроль продажи товаров, исполнения услуг, выполнения работ на потребительском рынке существенно затруднен. Большинство товаров, продающихся в розницу, распространяется достаточно свободно, и подсчитать завышение цен, которое и причиняет крупный ущерб, весьма затруднительно даже для контролируемого сектора потребительского рынка – оборота алкоголя, никотинсодержащей продукции или товаров, оборот которых осуществляется с использованием

автоматизированных систем, таких как «Честный знак»¹. В этой связи, полагаем, данный признак фактически не может быть учтен при квалификации, так как, будучи конструктивным признаком, он должен быть установлен точно, с учетом сумм, указанных в уголовном законе в рублях. Возможно, с появлением более точных систем учета цен на потребительском рынке (например, при дальнейшем развитии цифрового рубля и автоматизированной системы «Честный знак» или подобных) этот признак получит более существенное значение на практике.

Потерпевшими чаще всего признаются коммерческие организации, которые потеряли доступ к рынкам ввиду картельного сговора конкурентов, а также государство, которое оказалось лишено по той же причине лучшего рыночного (в основном ценового) предложения. Ученые спорят относительно того, нужно ли вообще было включать граждан в круг лиц, которым причиняется ущерб в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Так, Т.Д. Устинова задается вопросом: «Сколько граждан надо выявить, чтобы посчитать общий совокупный ущерб?», полагая, что это либо невозможно из-за существенных сумм ущерба, закрепленных в статье, либо затруднительно из-за ограниченных возможностей средств уголовной юстиции, отмечая, что законодатель, вероятно, под гражданами имел в виду индивидуальных предпринимателей [9, с. 116]. Вместе с тем, полагаем, указание на граждан как потенциальных потерпевших от ограничения конкуренции вполне оправдано. Например, этот ущерб вполне подлежит учету при реализации топлива или на рынке недвижимости. Кроме того, как правило, граждане в конечном итоге и ощущают на себе последствия ограничения конкуренции посредством роста цен и налогов, ухудшения экономической ситуации и т.д. Следует помнить, что одна из задач УК РФ – охрана прав и свобод человека и гражданина.

Причинение вреда государству, если оно не выступает участником конкретной сделки (например, в лице государственного казенного предприятия), хоть и опосредованно, но также вполне ощутимо – оно недополучает налоги и сборы, вынуждено оказывать поддержку пострадавшим от ограничения конкуренции добросовестным участникам рыночных отношений, ощущает структурные нарушения на рынке труда и т.д.

Пожалуй, в характеристике сущности объекта данного преступления точнее всего изъяснился Конституционный Суд, определив, что «в России должны создаваться благоприятные условия для развития экономической системы, приниматься меры, направленные на достижение конституционно значимой цели оптимального регулирования экономических отношений, что требует стимулирования свободной рыночной экономики, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как важных ее субъектов, а также надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости, надежности гражданского оборота, эффективной судебной защиты прав и законных интересов его участников»².

Общественно опасное деяние, составляющее преступление, предусмотренное ст. 178 УК РФ, включает в себя ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения

¹ Государственная информационная система мониторинга оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, посредством национальной системы, разработанной и управляемой оператором «Центр развития перспективных технологий».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

(картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации.

Основные термины, использованные в ст. 178 УК РФ, определены положениями Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (далее – ФЗ «О защите конкуренции»). Данный закон трактует конкуренцию как «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». Закон не определяет понятия ограничения конкуренции, однако устанавливает его признаки, относя к ним: «сокращение числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке, рост или снижение цены товара, не связанные с соответствующими изменениями иных общих условий обращения товара на товарном рынке, отказ хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке, определение общих условий обращения товара на товарном рынке соглашением между хозяйствующими субъектами или в соответствии с обязательными для исполнения ими указаниями иного лица либо в результате согласования хозяйствующими субъектами, не входящими в одну группу лиц, своих действий на товарном рынке, иные обстоятельства, создающие возможность для хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на товарном рынке, а также установление органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, участвующими в предоставлении государственных или муниципальных услуг, при участии в предоставлении таких услуг требований к товарам или к хозяйствующим субъектам, не предусмотренных законодательством Российской Федерации».

При расследовании ограничения конкуренции следует обращать повышенное внимание на установление таких признаков. Например, в качестве доказательства по уголовному делу могут быть использованы сведения о банкротстве предпринимателей, вынужденном уходе их с определенных рынков и т.д. Эти сведения содержатся, в частности, в соответствующих реестрах и государственных отчетах.

Уголовный закон определяет, каким именно способом происходит ограничение конкуренции – путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). В свою очередь, под картелем в соответствии со ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции» понимаются «соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к:

- 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
- 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;
- 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
- 4) сокращению или прекращению производства товаров;

¹ О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками)».

Диспозиция ч. 1 ст. 178 УК РФ весьма специфична по юридической технике. Как правило, в диспозиции в первую очередь описывается общественно опасное деяние, а термин «путем» указывает на способ его совершения. Вместе с тем, как видно из указанных выше положений ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции», ограничение конкуренции – это последствия, которые наступают в результате заключения соглашения субъектами-конкурентами (картеля).

Таким образом, заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, в рассматриваемой статье является общественно опасным деянием, а ограничение конкуренции – общественно опасными последствиями (между ними при этом должна быть прямая причинно-следственная связь), что позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое преступление имеет материальный состав. В этой связи справедливо утверждение Г.А. Есакова о том, что «в действующей судебной практике сложилось понимание ст. 178 УК РФ как материального состава преступления». Впрочем, сам Г.А. Есаков, говоря о двойных последствиях, полагает, что крупный размер деяния следовало бы относить к обстановке совершения преступления [3, с. 43].

Наша позиция о том, что для квалификации оконченного преступления (в варианте крупного размера деяния) необходимо наступление общественно опасных последствий, подтверждается и судебной практикой. Так, согласно материалам уголовного дела 1-18/2021, рассмотренного Новгородским районным судом Новгородской области, *вследствие реализации картельного соглашения подсудимых в результате победы ПАО «<данные изъяты>» на торгах и заключения контракта по результатам участия в конкурсе доход должен был составить 733 422 967 рублей 30 копеек, что в соответствии с примечанием к ст. 178 УК РФ является особо крупным размером. Вместе с тем, подсудимые не смогли довести до конца свой преступный умысел по независящим от них обстоятельствам, поскольку оплата по договору в сумме 733 422 967 рублей 30 копеек по созданию аппаратно-программного комплекса фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения (АПК ФВФ ПДД) не произведена, в связи с чем их действия верно квалифицированы органом предварительного расследования как покушение¹.*

Несмотря на то, что наличие в определении словосочетания «могут привести» позволяет сделать вывод, что картель признается состоявшимся даже и тогда, когда соглашение достигнуто, но указанные выше последствия не наступили, для целей уголовного права требуется наступление общественно опасных последствий в виде ограничения конкуренции, а при ориентированности на такие последствия до их достижения содеянное образует покушение на ограничение конкуренции.

В этой связи суд признал несостоятельным довод стороны защиты об отсутствии состава преступления ввиду неполучения крупного дохода и отсутствия крупного ущерба по делу Е., рассмотренному Саяногорским городским судом Республики Хакасия, который указал, что *моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, соответственно является момент наступления крупного ущерба или момент извлечения*

¹ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 10.03.2021 по делу № 1-18/2021 // Новгородский районный суд Новгородской области : [сайт] – 2026. – URL: https://novgorodski-nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=40274132&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 20.08.2026).

дохода в крупном размере, в отличие от покушения, в связи с чем доводы стороны защиты об отсутствии в материалах дела документов, свидетельствующих о крупном ущербе, а также отсутствие причинения имущественного вреда ПАО (ответ на адвокатский запрос), суд признает несостоятельными¹. Содеянное было оценено как совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ.

Законодательное закрепление объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, предопределяет предмет и особенности доказывания по уголовным делам данной категории – особое внимание следует уделять установлению картельного сговора, который оставляет соответствующие следы – переписку, переговоры, встречи представителей договаривающихся сторон, синхронность их действий на рынке и т.д.

Из содержания диспозиции ч. 1 ст. 178 УК РФ следует, что ее применение ограничено альтернативными признаками:

- 1) причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству;
- 2) извлечение дохода в крупном размере.

Причинение крупного ущерба при этом происходит не само по себе (в рассматриваемой сфере это невозможно), а является самостоятельным последствием ограничения конкуренции. Таким образом, конструкция состава преступления в этой части представляет собой общественно опасное деяние в виде заключения ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), находящиеся с ним в причинной связи последствия первого уровня в виде ограничения конкуренции и производных от него последствий второго уровня в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству.

Такая интерпретация в полной мере соответствует позиции ФАС России, хотя и изложенной в упрощенной форме², и мы ее поддерживаем.

Вместе с тем, в науке уголовного права такая точка зрения не является единственной. Некоторые авторы полагают, что общественно опасным деянием выступает ограничение конкуренции [4] и, соответственно, при извлечении дохода в крупном размере в результате такого деяния это лишь характеризует его размер и не является последствием, следовательно, при извлечении крупного дохода состав преступления следует считать формальным, а заключение соглашения (картеля) – способом совершения преступления [8, с. 97].

Извлечение дохода в крупном размере обычно оценивается как характеристика общественно опасного деяния (как, например, в ст. 178 УК РФ в редакции до 06.04.2024), однако в данном случае извлечение дохода без фактически произошедшего ограничения конкуренции невозможно. Таким образом, в части извлечения дохода в крупном размере конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, представляет собой заключение ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) (общественно опасное деяние), ограничение конкуренции (общественно опасное последствие) и извлечение крупного дохода как необоснованной выгоды от результата ограничения конкуренции (в общем виде – от незаконного получения нерыночных преимуществ).

¹ Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 15.09.2020 по делу № 1-82/2020 // Саяногорский городской суд Республики Хакасия : [сайт] – 2026. – URL: https://sajanogorsky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22771243&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 20.08.2026).

² Об утверждении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации) : приказ ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В свою очередь, понятие этого дохода определено в примечании 1 к ст. 178 УК РФ: «Доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения в результате исполнения такого соглашения, без вычета произведенных или необходимых (планируемых) расходов», что подтверждает сделанный выше вывод о том, что рассматриваемое нами преступление сформулировано полностью как материальный состав.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопрос о конституционности ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ, указал, что такое понимание дохода не противоречит Конституции Российской Федерации¹.

Еще одной особенностью данного преступления является то, что размеры ущерба и дохода (крупного в ч. 1 и особо крупного в ч. 3) разделены и составляют в соответствии с примечаниями 2 и 3 к ст. 178 УК РФ суммы, превышающие восемьдесят миллионов рублей (крупный доход), триста девяносто пять миллионов рублей (особо крупный доход); шестнадцать миллионов рублей (крупный ущерб), сорок семь миллионов пятьсот тысяч рублей (особо крупный ущерб).

Значительные сложности вызывает определение субъекта преступления, указание на которого в общем виде содержится в ч. 1 ст. 178 УК РФ – «хозяйствующие субъекты-конкуренты». Таким образом, субъект данного преступления специальный, и в совершении преступления должно участвовать не менее двух лиц.

Данное преступление может совершить только лицо, уполномоченное действовать от имени хозяйствующего субъекта, то есть коммерческой организации, некоммерческой организации, осуществляющих деятельность, приносящую им доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но применяющее специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» либо осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход («самозанятый»), в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации. Кроме того, это могут быть и лица, уполномоченные от лица государственного или муниципального органа, учреждения, организации и других субъектов экономических отношений, указанных в примечании к ст. 285 УК РФ, которые в соответствии с законом признаются должностными лицами. Уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ они подлежат в том случае, если представляют интересы хозяйствующих субъектов и, действуя в их интересах, заключают неправомерное соглашение об ограничении конкуренции (картель) с иными участниками рыночных отношений. Как правило, это руководители и иные должностные лица государственных и муниципальных унитарных предприятий, хозяйствующих обществ, прямо или косвенно контролируемых государственными или муниципальными органами.

Между тем, должностные лица, являющиеся представителями власти, могут участвовать в картелях и в иной форме. Обладая возможностями по управлению социальными процессами, они могут организовывать картели или способствовать им. В таком случае они выступают соучастниками преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, их действия квалифицируются со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ, а

¹ По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 № 19-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

также по совокупности по соответствующим статьям главы 30 УК РФ (прежде всего, по ст. 285 и 286 УК РФ).

В случаях, когда соглашение заключается между организациями, фактически исполнителями данного преступления могут быть только лица, наделенные правом действовать от имени коммерческой или иной организации, государственного или муниципального субъекта, а также индивидуальные предприниматели, участвующие в рыночных отношениях. Полагаем, что все указанные лица, включая индивидуального предпринимателя, являются лицами, использующими свое служебное положение. Работники коммерческой или иной организации, государственного или муниципального субъекта, а также работники, нанятые индивидуальным предпринимателем, могут быть признаны субъектом данного преступления, если в круг их полномочий в соответствии с трудовым договором входит возможность управлять представляемыми ими организациями или ИП, то есть если они являются лицами, обладающими служебными полномочиями. В противном случае их решения юридически ничтожны, и они не могут заключить картельное соглашение от имени своих организаций.

На практике содеянное всегда квалифицируется с применением признака использования лицом своего служебного положения (п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ), так как даже представить ситуацию, когда картельное соглашение заключается с участием самозанятого, очень сложно, так как степень вовлеченности такого лица в экономические отношения незначительна, и причинение им крупного ущерба гражданам, организациям или государству фактически исключено. В частности, одно из ограничений на профессиональную деятельность без получения статуса индивидуального предпринимателя или без образования юридического лица – наличие дохода, не превышающего 2,4 млн. рублей. В этой связи был проведен анализ опубликованной правоприменительной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ, и преступлений, совершенных такими лицами, мы в ней не обнаружили – содеянное всегда совершалось лицами, обладающими служебными полномочиями.

Между тем, в совершении рассматриваемого преступления могут принимать участие и другие лица, которые не являются индивидуальными предпринимателями, самозанятыми, лицами, обладающими служебным положением в коммерческой или иной организации, должностными лицами, но непосредственно общественно опасного деяния они, не будучи специальными субъектами, совершить не могут. Их действия в зависимости от конкретной роли надлежит квалифицировать как содеянное организатором, подстрекателем или пособником со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Даже определение субъективной стороны вызывает затруднения – преступление всегда совершается с прямым умыслом (цели и мотивы на квалификацию не влияют, хотя по факту всегда являются корыстными), что предполагает четкое понимание лицом общественно опасного деяния, его последствий и желание их наступления. С учетом сложности этих категорий определение субъективной стороны при правовой оценке содеянного на практике весьма затруднительно [5; 11].

Анализ ограничения конкуренции был бы неполным без уголовно-правовой характеристики квалифицированных и особо квалифицированных составов, предусмотренных ч. 2–4 ст. 178 УК РФ. В действующей редакции данной статьи предусмотрены следующие виды ограничения конкуренции:

Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 2);

Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные (ч. 3):

- а) лицом с использованием своего служебного положения;
- б) организованной группой;
- в) с причинением особо крупного ущерба;
- г) с извлечением дохода в особо крупном размере.

Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения (ч. 4).

Рассмотрим их более подробно.

В общем виде необходимость проведения торгов при заключении отдельных видов договоров установлена ст. 447 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Кроме того, ГК РФ прямо устанавливает один из случаев обязательного проведения торгов – при реализации заложенного имущества при обращении на него взыскания во внесудебном порядке (ст. 350¹). Такие случаи могут быть установлены и иными законами, например:

продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (ч. 1 ст. 39³ Земельного кодекса Российской Федерации);

продажа государственного или муниципального имущества в случае, если его покупатели не должны выполнить какие-либо условия в отношении такого имущества (п. 1 ст. 18 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»¹);

заключение соглашения о разделе продукции (ст. 6 Федерального закона от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»²) и т.д.

Таким образом, квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. 178 УК РФ, относится к обстановке совершения преступления, и для его установления необходимо определить, не предусмотрено ли для данной ситуации обязательное проведение торгов, например, в форме аукциона.

Полагаем, выделение такого признака вполне оправдано – государство устанавливает обязательность проведения торгов из-за наличия в соответствующих случаях потребности в повышенном социальном контроле и обеспечении доступа к таким торгам, а также в связи с масштабностью вредных последствий, которые из-за этого потенциально могут возникнуть. Как следствие, содеянное имеет повышенную общественную опасность. Иных принципиальных отличий в подходах к квалификации данного преступления по сравнению с основным составом нет.

Признак использования служебного положения (п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ) мы уже ранее подробно рассмотрели при анализе субъекта преступления. Повторимся, что в настоящее время совершение преступления лицами, не обладающими таким статусом, теоретически возможно, но практически исключено, так как действовать от имени организаций, которые вступают в картельный сговор, могут только уполномоченные на то лица. Если право вести переговоры о заключении такого соглашения субъекты, не являющиеся управленцами в коммерческой или иной организации, получили от их управленцев, но юридически это не закреплено в трудовом договоре, то они являются

¹ О приватизации государственного и муниципального имущества : Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О соглашениях о разделе продукции : Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не исполнителями, а пособниками рассматриваемого преступления, а исполнителями выступают все те же управленцы, и содеянное ими надлежит квалифицировать именно с учетом данного признака.

Более сложным в теоретическом и практическом плане является признак совершения преступления организованной группой (п. «б» ч. 3 ст. 178 УК РФ). Во-первых, законодатель не учел в квалифицированных составах такие формы соучастия, как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору. Полагаем, сделал он это намеренно – первый вариант при совершении данного преступления невозможен в принципе, а второй – фактически присутствует всегда. Ограничение конкуренции можно отнести к преступлениям с «необходимым соучастием», то есть к таким, которые не могут быть совершены одним лицом – для возникновения логической конструкции, которая делает деяние общественно опасным, требуются взаимообусловленные действия двух или более не связанных между собой лиц (точнее, связь между ними образуется как раз в процессе совершения преступления). Такие конструкции встречаются и в других преступлениях. Например, оконченная дача взятки невозможна без оконченного получения взятки (ст. 290 и 291 УК РФ). Собственно, все это объясняется указанием в ч. 1 ст. 178 УК РФ термина «заклучение соглашения». Таким образом, чтобы заключить такое соглашение, стороны всегда должны предварительно об этом договориться. Впрочем, термин «соучастие» в данном случае весьма условен и не обязательно отражает истинную волю всех сторон – одна из них может быть принуждена к картельному сговору (подробнее об этом мы укажем при анализе ч. 4 ст. 178 УК РФ), и заключенным признается также такое соглашение, к которому одна сторона принуждена помимо ее воли.

Во-вторых, вменение признака совершения преступления организованной группой имеет ряд особенностей именно применительно к ограничению конкуренции. Организованной признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Устойчивость определяется стабильностью связей между участниками. Они могут возникнуть как до совершения преступления (например, между деловыми партнерами, долгое время работающими в одной или смежных отраслях или рынках), а равно и для совершения данного преступления, когда соучастники долго и тщательно готовятся к совершению преступления, разделяя роли и вырабатывая устойчивые модели взаимного поведения в различных ситуациях. Как правило, организованная группа создается для совершения нескольких преступлений, но, думается, картельный сговор в составе организованной группы может быть образован и единожды (например, такое соглашение может быть длящимся или удовлетворить многомиллионными результатами его участников единожды).

В-третьих, в состав организованной группы не следует включать работников организаций, руководители которых заключают соглашение об ограничении конкуренции (при условии их неучастия в таком сговоре). Даже осведомленность работников (например, управленцев среднего звена или рядовых работников) о таком сговоре не может автоматически означать причастность их к совершению преступления. Выполняя свои штатные обязанности по трудовому договору, они не совершают противоправного деяния, хотя и могут косвенно способствовать ему. Полагаем, формула ответственности участников организованной группы при картельном сговоре достаточно проста – они либо должны выполнить часть объективной стороны ограничения конкуренции, четко осознавая это (тогда их следует привлекать к ответственности в качестве соисполнителей), либо принять на себя роль организаторов, подстрекателей или пособников.

В-четвертых, фактически рассматриваемое преступление может быть совершено и преступным сообществом. В таком случае помимо ст. 210 УК РФ виновным надлежит вменять и признак совершения преступления «организованной группой».

Пункты «в» и «г» ч. 3 ст. 178 УК РФ предусматривают такие квалифицирующие признаки как причинение особо крупного ущерба и извлечение особо крупного дохода, суммы которых мы указали ранее. Особенности их определения и учета при квалификации аналогичны признакам дохода в крупном размере и особо крупного ущерба, рассмотренным при анализе основного состава преступления.

Еще один особо квалифицированный состав предполагает применение насилия или угрозу его применения, а равно сопряженность с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения (ч. 4 ст. 178 УК РФ). В данной части имеется в виду любое насилие – как опасное для жизни и здоровья (причинение вреда здоровью любой степени тяжести или убийства), так и не опасное для жизни и здоровья (побои, истязания, кратковременное лишение свободы путем связывания, удержания, заламывания рук и т.д.). При этом ч. 4 ст. 178 охватывается причинение любого вреда, кроме тяжкого, а также убийства, что требует вменения по совокупности ст. 111 или ст. 105 УК РФ соответственно.

Угроза применения такого насилия учитывается в том случае, если виновный реально имел возможность причинить любой из указанных видов вреда жизни и здоровью, а потерпевший воспринимал такую угрозу как реальную. При этом, если угроза состояла в возможном причинении тяжкого вреда здоровью или в убийстве, дополнительная квалификация по ст. 119 УК РФ не требуется, содеянное полностью охватывается ч. 4 ст. 178 УК РФ. Следует иметь в виду, что в случае, если виновный под угрозой насилия требует передать имущество или право на него, а равно совершить действия имущественного характера, то содеянное охватывается квалификацией ст. 163 УК РФ, а не ст. 178 УК РФ. Впрочем, не исключается их совокупность, но при этом следует учитывать, к чему именно относилась угроза применения насилия – если она не была сопряжена с ограничением конкуренции, а высказывалась с целью вымогательства, то содеянное подлежит оценке по ст. 163 УК РФ, но не образует ч. 4 ст. 178 УК РФ, хотя и может быть квалифицировано по ч. 1, 2 или 3 при наличии к тому самостоятельных признаков.

Угроза уничтожения или повреждения имущества состоит в высказывании, сделанном в любой форме, а также конклюдентных действиях, из которых потерпевшему понятно, что его имущество будет полностью или частично утрачено (в случае повреждения – обратимо).

Угроза уничтожения или повреждения имущества также характерна для вымогательства, в связи с чем ее высказывание не в целях ограничения конкуренции, а в целях получения имущества или права на имущество, а также совершения действий имущественного характера, исключает квалификацию по ст. 178 УК РФ и оценивается по ст. 163 УК РФ. Если же указанная угроза преследовала цель ограничения конкуренции, то деяние подпадает под квалификацию ч. 4 ст. 178 УК РФ. Реальное уничтожение или повреждение имущества, совершенное с целью заключения картельного соглашения, не требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ.

В случае если насилие, уничтожение или повреждение имущества, а равно угроза их применения носили для второй стороны непреодолимый характер и вынудили ее заключить картельное соглашение, действия такого лица подлежат оценке по правилам крайней необходимости, что исключает преступность деяния. При этом субъект, осуществивший принуждение, понесет уголовную ответственность по ч. 4 ст. 178 УК РФ за оконченное

ограничение конкуренции. В этом проявляется специфика квалификации «необходимого соучастия» применительно к исследуемой норме.

Дополнительно отметим, что в действующей редакции законодатель «уравнил» степень общественной опасности двух последних признаков, разместив их в одной части, хотя ранее признак причинения (угрозы причинения) вреда жизни и здоровью при ограничении конкуренции оценивался как более опасный.

Заключение. Таким образом, уголовная ответственность за ограничение конкуренции путем картельного сговора характеризуется рядом особенностей. Во-первых, данное преступление затрагивает экономические отношения, способствующие функционированию саморегулируемой рыночной экономики за счет конкуренции хозяйствующих субъектов. Такое преступление причиняет ущерб государству (субъекту, заинтересованному в эффективной экономике), организациям – участникам рыночных отношений (т.к. они имеют право на равный доступ к рыночным процессам), а также гражданам, которые напрямую заинтересованы в повышенном предложении продукции на рынке, так как это обеспечивает качество и цену товара.

Во-вторых, данный состав сформулирован как полностью материальный и включает в себя заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, общественно опасные последствия в виде ограничения конкуренции, причинно-следственную связь между ними. Кроме того, обязательным условием уголовной ответственности является извлечение дохода в крупном размере или причинение крупного ущерба, которые в свою очередь являются следствием ограничения конкуренции.

В-третьих, субъектами преступления выступают, как правило, лица, обладающие служебными полномочиями в коммерческих и иных организациях, включая хозяйствующих субъектов, контролируемых государством или органами местного самоуправления (если они действуют от имени и в интересах представляемых ими субъектов), а также индивидуальные предприниматели. Теоретически это могут быть и граждане-самозанятые, однако с учетом масштабов экономической деятельности сложно представить извлечение ими дохода в крупном размере или причинение крупного ущерба. Должностные лица, обладающие властными полномочиями и действующие в интересах участников картеля, подлежат ответственности в качестве организаторов и подстрекателей рассматриваемого преступления, а также как исполнители соответствующих должностных преступлений.

Понимание указанных аспектов уголовной ответственности за ограничение конкуренции путем картельного сговора в случае их учета при дальнейшем реформировании текста уголовного закона позволит совершенствовать правовые конструкции, используемые в ст. 178 УК РФ, и разработать более действенную норму. Наибольшее значение выводы, сделанные в статье, имеют для оптимизации правоприменительного процесса – исключения квалификационных ошибок, определения предмета доказывания, составления плана расследования, определения следственных действий и экспертиз. Все это позволит проводить расследование более качественно и оперативно.

Список литературы / References

1. Антонов, А.Г., Шепель, В.В. Об оптимизации ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции) // Конкурентное право. 2026. – № 1. – С. 21–23. DOI: 10.18572/2225-8302-2026-1-21-23 EDN: BSYWQJ.
Antonov, A.G., Shepel V.V. On optimizing Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation (restriction of competition) // Competition Law. – 2026. – No. 1. – Pp. 21–23. DOI: 10.18572/2225-8302-2026-1-21-23. EDN: BSYWQJ.
2. Гаврилов, А. Либерализация уголовной ответственности за ограничение конкуренции // Конкуренция и право. – 2015. – № 3. – С. 19–23.

Gavrilov, A. Liberalization of criminal liability for restriction of competition // Competition and Law. – 2015. – No. 3. – Pp. 19–23.

3. Есаков, Г.А. Судебная практика по ст. 178 УК РФ: спорные вопросы квалификации // Уголовное право. 2022. – № 6. – С. 39–47. DOI: 10.52390/20715870_2022_6_39. EDN: CFKQHX.

Esakov, G.A. Judicial practice under Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation: controversial issues of qualification // Criminal Law. – 2022. – No. 6. – Pp. 39–47. DOI: 10.52390/20715870_2022_6_39. EDN: CFKQHX.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. (постатейный). Т. 1 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. – 792 с.

Brilliantov, A.V. (ed.). Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vols. (article-by-article). Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2015. – 792 p.

5. Лопашенко, Н.А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 9. – С. 72–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083 EDN: SWQULN.

Lopashenko, N.A. Guilty without guilt, or once again on fault and objective imputation // Current Problems of Russian Law. – 2025. – No. 9. – Pp. 72–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083 EDN: SWQULN.

6. Лопашенко, Н.А. Новая редакция ст. 178 УК // Законность. – 2009. – № 11. – С. 9–14. EDN: KZEKJV.

Lopashenko, N.A. The new version of Article 178 of the Criminal Code // Legality. – 2009. – No. 11. – Pp. 9–14. EDN: KZEKJV.

7. Росляков, В.Д. Уголовно-правовая политика в сфере экономики: обзор изменений законодательства в 2024 г. // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 11. – С. 72–80. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080 EDN: KAWIJW.

Roslyakov, V.D. Criminal law policy in the economic sphere: a review of legislative changes in 2024 // Current Problems of Russian Law. – 2025. – No. 11. – Pp. 72–80. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080 EDN: KAWIJW.

8. Тесленко, А.В. Уголовно наказуемое ограничение конкуренции: закон, теория, практика: монография. Москва: Проспект, 2023. 272 с. ISBN: 978-5-392-40096-6 EDN: LCPIMZ.

Teslenko, A.V. Criminally Punishable Restriction of Competition: Law, Theory, Practice : monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 272 p. ISBN: 978-5-392-40096-6 EDN: LCPIMZ.

9. Устинова, Т.Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. – № 7. – С. 110–117. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.68.7.110-117 EDN: XQOEDT.

Ustinova, T.D. Criminal law protection of freedom of competition in the context of amendments and additions to criminal legislation // Current Problems of Russian Law. – 2016. – No. 7. – Pp. 110–117. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.68.7.110-117 EDN: XQOEDT.

10. Хутов, К.М. О новой редакции ст. 178 УК РФ // Уголовное право. 2009. – № 6. – С. 74–76. EDN: KYNPXJ.

Khutov, K.M. On the new version of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. – 2009. – No. 6. – Pp. 74–76. EDN: KYNPXJ.

11. Шаститко, А.Е., Дозмаров К.В. Уголовное право в антитрасте - хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. – № 9. – С. 141–150. EDN: MXEQUD.

Shastitko, A.E., Dozmarov K.V. Criminal law in antitrust – a good place for the meeting of law and economics // Law. – 2020. – No. 9. – Pp. 141–150. EDN: MXEQUD.

12. Яни, П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция. 2010. – № 11. – С. 22–26. EDN: NDGOWV.

Yani, P.S. Problems of criminal law protection of the economy from unfair competition // Russian Justice. – 2010. – No. 11. – Pp. 22–26. EDN: NDGOWV.

Бякина Светлана Игоревна

доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Российская Федерация
Самара

443022, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в

Byakina Svetlana I.

Associate Professor at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from society, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law

Russian Federation
Samara

443022, Samara, 24 v Rylskaya str.

Статья

поступила в редакцию:
08.05.2026

одобрена после
рецензирования:
10.07.2026

принята к публикации:
21.09.2026

✉ iana.byakina@bk.ru

SPIN-код (РИНЦ) 2643-2000

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3229-8425>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.214

Отдельные проблемы иерархии источников уголовно-исполнительного права

Selected problems of the hierarchy of criminal execution law sources

Аннотация. Актуальность. Изучение иерархии источников права остается востребованной задачей юридической науки и практики. Рассмотрение источников уголовно-исполнительного права в иерархической последовательности имеет теоретическое и практическое значение: противоречия между ними порождают парадоксы правоприменения, которые разрешаются в пользу нормативного правового акта с высшей юридической силой.

Цель. Исследование направлено на анализ иерархической структуры и взаимосвязей нормативных правовых актов в области исполнения уголовных наказаний, применения мер уголовно-правового характера. Отдельное внимание уделено оценке воздействия нетрадиционных источников на преобразование системы источников уголовно-исполнительного права.

Методы. Методологическую основу составляют формально-юридический анализ уголовно-исполнительного законодательства и смежных отраслей права, системный подход к определению источников данной правовой сферы.

Результаты. На основе формально-юридического анализа осуществлено разграничение категорий «источник уголовно-исполнительного права» и «источник уголовно-исполнительного законодательства», отражающее соотношение содержания правовой материи и ее внешнего нормативного выражения. Определено специфическое место Конституции Российской Федерации как акта прямого действия, обладающего высшей юридической силой и задающего базовые векторы отраслевого регулирования, но не исчерпывающегося отраслевым инструментарием. Обосновано регулятивное значение ратифицированных международных договоров и решений Конституционного Суда Российской Федерации, обладающих юридическим приоритетом по отношению к федеральному законодательству и корректирующим соответствующие правоотношения. Выявлены коллизии между кодифицированным актом и новыми некодифицированными законами равного юридического уровня (в частности, рассогласованность положений статьи 180 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 16 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» относительно сроков подготовки осужденных к освобождению). Сформулированы теоретические предпосылки нормативной фиксации верховенства кодекса в сфере исполнения наказаний и предложена авторская редакция части 1 статьи 2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, направленная на устранение правовой неопределенности формулировки «другие федеральные законы».

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительные правоотношения, источник права, иерархия.

Abstract. The relevance of this research stems from both theoretical and practical needs within legal science to examine how sources of law are ranked hierarchically. When applied to criminal executive law, arranging these sources in order of their authority serves more than an academic purpose: it directly affects legal practice. Contradictions between different sources generate enforcement paradoxes that must be resolved by giving precedence to the legal act possessing greater juridical force.

The purpose. The study aims to analyze how regulatory legal acts governing criminal penalty execution and criminal-legal measures form a coherent system with its own internal hierarchy. An additional goal involves evaluating the extent to which non-traditional sources reshape this system of criminal-executive law sources.

Methods. Formal-legal analysis of criminal-executive legislation and related legal frameworks provides the methodological foundation for this research. A systematic approach complements this analysis, enabling identification of the full range of sources within criminal-executive law.

Results. Based on formal legal analysis, a doctrinal distinction is drawn between the categories "source of penal enforcement law" and "source of penal enforcement legislation", reflecting the relationship between the substantive content of legal provisions and their external statutory expression. Scientific approaches to the subordination of elements within the penitentiary legal system are systematized. The specific status of the Constitution of the Russian Federation is defined as an act of direct effect possessing supreme juridical force that establishes fundamental guidelines for branch regulation without being limited to sectoral instruments. The study substantiates the regulatory significance of ratified international treaties and interpretive decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which take precedence over ordinary federal legislation and transform penal enforcement relations. Practical conflicts between the codified statute and newly enacted non-codified laws of equal juridical hierarchy are identified, notably the divergence between Article 180 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation and Article 16 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" concerning the timelines for pre-release procedures. Finally, theoretical prerequisites for statutory securing the primacy of the Code are articulated, and an author-developed amendment to Part 1 of Article 2 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation is proposed to eliminate the ambiguity of the phrase "other federal laws".

Keywords: penal enforcement law, penal enforcement legislation, penal enforcement legal relations, source of law, hierarchy.

Для цитирования: Бякина С.И. Отдельные проблемы иерархии источников уголовно-исполнительного права // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). С. 43–50.

For citation: Byakina Svetlana I. Selected problems of the hierarchy of criminal execution law sources // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – № 3 (7). С. 43–50.

Введение. Уголовно-исполнительное право относится к отраслям современного российского права и обладает специфической чертой: оно регулирует механизм государственного принуждения при исполнении уголовных наказаний, мер уголовно-правового характера, а также применения к осужденным исправительного воздействия. Формирование этой отрасли, подобно любой другой, происходит на базе определенных источников. Часть 1 статьи 2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) устанавливает, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации включает данный Кодекс и иные федеральные законы, чем нормативно закрепляется система, содержащая уголовно-исполнительные нормы.

Как и любая специализированная область права, уголовно-исполнительное право имеет свою систему источников, определяющих его содержание и структуру. В частности, часть 1 статьи 2 УИК РФ фактически устанавливает состав нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-исполнительные отношения.

Термины «источник уголовно-исполнительного права» и «источник уголовно-исполнительного законодательства» не тождественны друг другу. Связь между ними определяется тем, как соотносятся уголовно-исполнительное право и уголовно-

исполнительное законодательство между собой. Современная юридическая наука выработала как минимум два основных подхода к пониманию этого соотношения. Согласно первому подходу, право отождествляется с законодательством [1], то есть уголовно-исполнительное право и уголовно-исполнительное законодательство признаются единым явлением.

Согласно второму подходу, уголовно-исполнительное право и уголовно-исполнительное законодательство представляют собой содержательно различные понятия. Ф.В. Грушин указывает на «достаточно негативную ситуацию, когда развитие законодательства опережает развитие системы права и не синхронизируется с ним» [2, с. 213], что явно свидетельствует о неидентичности этих категорий. Ю.А. Головастова придерживается схожей позиции: в контексте предмета уголовно-исполнительного права она также отвергает отождествление права и законодательства [3, с. 23–24].

Мы также считаем, что было бы некорректно полностью отождествлять рассматриваемые понятия. Уголовно-исполнительное право и уголовно-исполнительное законодательство, несмотря на их взаимосвязь, отличаются друг от друга. Уголовно-исполнительное право – это самостоятельная отрасль российского права, обладающая уникальным предметом, методом правового регулирования и собственной системой норм. Оно является более объемным понятием, включающим в себя как законодательные акты, так и доктринальные разработки в этой области.

Уголовно-исполнительное законодательство образует систему нормативных правовых актов, которые регулируют отношения, возникающие при исполнении и отбывании уголовных наказаний, при применении мер уголовно-правового характера и средств исправительного воздействия на осужденных. Такое законодательство выступает внешней формой уголовно-исполнительного права. Уголовно-исполнительное право можно рассматривать как саму идею, тогда как законодательство в этой области – способ ее закрепления в правовых нормах.

Доктринальное понимание системы источников уголовно-исполнительного права допускает существенно более широкую трактовку по сравнению с перечнем, закрепленным в ч. 1 ст. 2 УИК РФ. Юридическая литература последних лет фиксирует рост числа исследований, посвященных нетрадиционным (дискуссионным) источникам права: авторы анализируют их применительно к правовой системе в целом и к уголовно-исполнительной отрасли в частности [4, 5, 6].

Основное содержание. Г.А. Стеничкин предлагает оригинальную интерпретацию иерархии источников уголовно-исполнительного права. Конституция Российской Федерации, по его мнению, выступает исходным основанием для определения этих источников. Сама иерархия выстраивается им в определенной последовательности: международные нормы, регулирующие исполнение наказаний, затем Конституция Российской Федерации, федеральные законы, президентские указы. Далее следуют подзаконные акты – правительственные постановления, ведомственные документы МВД России, Минюста России, Минобороны России. Завершают эту систему постановления Конституционного Суда Российской Федерации [7, с. 155].

Согласно позиции Ф.В. Грушина, источники уголовно-исполнительного права делятся на три группы: международные договоры, прошедшие ратификацию в Российской Федерации и напрямую регулирующие отношения между осужденными к уголовным наказаниям (или мерам уголовно-правового характера) и учреждениями, эти наказания исполняющими; федеральные нормативные акты, охватывающие все стороны уголовно-исполнительных правоотношений; решения Конституционного Суда Российской Федерации

с регулятивными нормами соответствующей отрасли [8]. Такой подход к систематизации источников выглядит наиболее удачным.

Четкое выстраивание иерархии источников уголовно-исполнительного права приобретает принципиальное значение при обеспечении законности в ходе исполнения наказаний, равно как и при защите прав осужденных. Противоречия между нормами или размытость их соподчинения способны привести к серьезным негативным последствиям.

Комплексного анализа иерархии источников уголовно-исполнительного права в юридической литературе до сих пор не проводилось. Данный пробел ощущается особенно остро с учетом преобразований в системе исполнения наказаний: формируется институт пробации, решения Конституционного Суда Российской Федерации все заметнее влияют на практику исполнения наказаний.

Слово «иерархия» в общеупотребительном значении обозначает порядок подчинения низших чинов или должностей высшим, расположение элементов по возрастанию либо убыванию¹. В юридическом контексте этот термин целесообразно понимать как соотношение нормативных правовых актов, определяемое их юридической силой.

Для уголовно-исполнительного права подобное соотношение означает обязательное соответствие актов меньшей юридической силы актам большей силы. Конституция Российской Федерации как основной закон государства занимает верхнюю ступень этой иерархии и обладает высшей юридической силой.

О.В. Демидова рассматривает ее как источник уголовно-исполнительного права, указывая на то, что «она регулирует важнейшие общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, непосредственно определяя уголовно-исполнительную политику государства на современном этапе развития общества» [9, с. 105]. Позиция о том, что Конституция Российской Федерации не может быть исключена из числа источников уголовно-исполнительного права, популярна в науке [10, с. 9; 11, с. 42].

В.А. Уткин придерживается противоположной позиции, поскольку даже в случае, когда конкретная норма Конституции Российской Федерации прямо упоминает о лицах, «содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда», она не является уголовно-исполнительной, а относится к конституционным нормам [12, с. 13]. Данный тезис находит отражение и в других юридических публикациях [13, с. 69].

Подробнее рассмотрим конституционные нормы, затрагивающие отдельные уголовно-исполнительные аспекты. Принципиально важную роль для уголовно-исполнительного права играют такие нормы Конституции Российской Федерации, как ст. 53 (Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц); ч. 2 ст. 54 (Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон); ч. 3 ст. 55 (Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства); п. «о» ст. 71 (Уголовно-исполнительное законодательство находится в ведении Российской Федерации). Отдельного внимания заслуживает ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, в которой содержится ограничение избирательных прав осужденных (не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также

¹ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, под ред. Проф. Л.И. Скворцова. Москва : Издательство АСТ: Издательство «Мир и Образование», 2025. С. 735.

содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда). Вместе с тем эти нормы прямо не регулируют уголовно-исполнительные правоотношения, а лишь задают векторы для их развития. Поэтому обозначенные конституционные предписания не в полной мере соответствуют признакам источника уголовно-исполнительного права.

Особое положение Конституции Российской Федерации в правовой системе страны исключает возможность противоречия ей любого нормативного акта, что следует из смысла части 1 статьи 15. Конституцию нецелесообразно рассматривать в качестве формального источника уголовно-исполнительного права. Международные договоры Российской Федерации в сфере исполнения уголовных наказаний должны соответствовать двум требованиям: согласованности с Конституцией Российской Федерации и прохождению процедуры ратификации. Соблюдение этих условий с учетом национальных социально-экономических обстоятельств придает международным договорам обязательную силу и приоритет над нормами отечественного уголовно-исполнительного права.

Так, например, Ашхабадская конвенция о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, принятая 11.10.2019 государствами – участниками СНГ и ратифицированная Россией 12.12.2023, оказала воздействие на порядок исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества [14, с. 44]. Законодательство претерпело соответствующие коррективы: Федеральный закон от 22.04.2024 № 85-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ уточнил отдельные аспекты передачи исполнения подобных наказаний в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. При фактической передаче осужденного в государство его гражданства появится новое основание освобождения от отбывания наказания согласно статье 172 УИК РФ. Этот случай наглядно демонстрирует превращение ратифицированного международного акта в источник уголовно-исполнительного права. Международные договоры, выступая специфическим источником данной отрасли, по юридической силе располагаются выше национальных правовых актов.

Довольно полемично отнесение решений Конституционного Суда Российской Федерации к числу источников уголовно-исполнительного права. Вместе с тем, как отмечает Ф.В. Грушин, современным направлением является их внедрение в систему источников уголовно-исполнительного права [8].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2003 № 20-П² была признана неконституционность тех положений статьи 118 УИК РФ, которые запрещали осужденным, находящимся в штрафном изоляторе, свидания с адвокатом. Это решение стало правовой основой для реформирования норм уголовно-исполнительного права и внесения изменений в правоприменительную практику [8, с. 40].

Поэтому если говорить о месте данного источника в иерархии, то логично было бы расположить его выше УИК РФ и других федеральных законов.

Федеральные нормативные акты занимают подчиненное положение относительно международных договоров в системе источников, регулирующих уголовно-исполнительные правоотношения. Эти акты подразделяются на кодифицированные (УИК РФ) и некодифицированные: к последним относится, в частности, Закон Российской Федерации

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 22.04.2024 № 85-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгеля Зазы Ревазовича : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2003 № 20-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от 21.06.1993 № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»¹, а также ряд иных законов.

Включение прочих федеральных законов (кодифицированных и некодифицированных) в перечень источников уголовно-исполнительного права остается предметом дискуссий. Некоторые из таких нормативных актов будут рассмотрены далее. Трудовой кодекс Российской Федерации² (далее – ТК РФ) наряду с УИК РФ определяет правовое положение осужденных при отбывании наказаний в виде лишения свободы, исправительных работ, принудительных работ.

Для указанных категорий осужденных труд выступает обязанностью, а не правом. Трудовое законодательство устанавливает базовые принципы регулирования соответствующих правоотношений: свободу труда, права и обязанности сторон – работодателей и работников. Эти субъекты вступают в трудовые отношения добровольно, что принципиально отличает их положение от положения осужденных. По этой причине ТК РФ не относится к формальным источникам уголовно-исполнительного права; при коллизии норм ТК РФ и УИК РФ приоритет принадлежит последнему.

Статья 9 УИК РФ относит общее образование и профессиональное обучение осужденных к средствам исправления. Эта сфера, подобно трудоустройству, регулируется нормами нескольких отраслей права. Помимо статей 108 и 112 УИК РФ, образовательную деятельность в исправительных учреждениях затрагивает статья 80 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³. Указанная норма определяет организационные вопросы: создание условий для освоения общеобразовательных программ (с акцентом на воспитательные колонии), обязательное профессиональное обучение для лиц без специальности, доступность заочной формы с учетом режима содержания.

Можно ли включить упомянутый закон в систему формальных источников уголовно-исполнительного права? Ответ отрицателен. Хотя диспозиция статьи 80 упомянутого закона оперирует термином «осужденные», собственно уголовно-исполнительных предписаний этот акт не содержит.

Множественность «иных законов», призванных дополнить УИК РФ, порождает юридические коллизии между нормативными актами данного уровня.

В частности, формулировка ч. 1 ст. 2 УИК РФ «... других федеральных законов» позволяет спрогнозировать разногласия одинаковых по юридической силе нормативных правовых актов. Данная гипотеза подтверждается при сопоставлении норм УИК РФ и Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»⁴ (далее – Закон о пробации). Его отнесение к источникам уголовно-исполнительного права на сегодняшний день является спорным вопросом. Не углубляясь в эту дискуссию, отметим, что с практической точки зрения нормы Закона о пробации развивают положения УИК РФ относительно проведения с осужденными воспитательной работы (глава 15 УИК РФ) и оказания им помощи в социальной адаптации (глава 22 УИК РФ) и фактически Закон о пробации возможно отнести к источникам уголовно-исполнительного права.

¹ Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

П.В. Тепляшин в своей монографии довольно точно указывает на взаимосвязь пробационных и уголовно-исполнительных правоотношений: они не охватывают уголовно-исполнительные, но находятся в состоянии пересечения [15, с. 14]. Вместе с тем ст. 180 УИК РФ гласит, что работа по подготовке осужденного к освобождению из мест лишения свободы должна начинаться не позднее чем за 6 месяцев до истечения срока отбывания наказания. На этот счет Закон о пробации в статье 16 изменяет данный срок – «не позднее чем за 9 месяцев...». Это приводит к рассогласованности норм права.

Такое положение дел возможно ввиду отсутствия формализованной иерархии источников уголовно-исполнительного права по юридической силе. Иерархия нормативных правовых актов, как и прежде, остается очевидной проблемой, при этом отечественная правовая доктрина и законодатель пока не демонстрируют значимого стремления к формализации системы источников права [6, с. 316].

Законодательная защита приоритета УИК РФ перед иными федеральными законами видится обоснованной. Кодифицированный характер этого акта, целенаправленно разработанного для регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, отличает его от федеральных законов, касающихся подобных вопросов лишь опосредованно.

Статья 2 УИК РФ содержит в своей конструкции слово «другие», что порождает серьезную опасность для правоприменительной практики. Буквальное прочтение данной дефиниции позволяет отнести к источникам уголовно-исполнительного права фактически любой закон.

Заключение. Изучение научной литературы показало, что исследователи расходятся во взглядах на систему источников уголовно-исполнительного права. Стабильность правопорядка при исполнении уголовных наказаний напрямую зависит от четкого выстраивания иерархии нормативных правовых актов, которые служат формальными источниками данной отрасли. Поскольку законодатель не закрепил эту иерархию официально, ее выстраивание остается задачей доктрины. Было бы разумно подготовить почву для того, чтобы источники уголовно-исполнительного права получили законодательное упорядочение с учетом их юридической силы.

Вполне целесообразной представляется корректировка части 1 статьи 2 УИК РФ следующим образом: «1. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов, которые раскрывают порядок и условия исполнения и отбывания наказания». При таком варианте употребления нормы возможно «отсечь» псевдоисточники уголовно-исполнительного права, сохранив приоритет УИК РФ.

Список литературы / References

1. Лившиц, Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства / Р.З. Лившиц // Советское государство и право. – 1984. – № 2. – С. 26–32.
Livshicz, R.Z. Otrasl' prava – otrasl' zakonodatel'stva / R.Z. Livshicz // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1984. – № 2. – Pp. 26–32.
2. Грушин, Ф.В. Перспективы развития предмета уголовно-исполнительного права / Ф. В. Грушин // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 514. – С. 212–218. DOI: 10.17223/15617793/514/24. EDN: JRXRPC.
Grushin, F.V. Perspektivy` razvitiya predmeta ugovovno-ispolnitel'nogo prava / F.V. Grushin // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – № 514. – Pp. 212–218.
3. Головастова, Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права : предмет, метод, источники, система : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.08 / Головастова Юлия Александровна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова (МГУ)]. – Москва, 2019. – 56 с. EDN: TJSREN.
Golovastova, Yu.A. Ugovovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossijskogo prava : predmet, metod, istochniki, sistema : avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskix nauk : 12.00.08 / Golovastova Yuliya Aleksandrovna; [Mesto zashhity': Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova (MGU)]. – Moskva, 2019. – 56 s.

4. Демидова, О.В. Дискуссионные источники уголовно-исполнительного права России : Монография / О. В. Демидова. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. – 188 с. ISBN: 978-5-4446-0729-9. EDN: VZRKUL.

Demidova, O.V. Controversial sources of Russian penal enforcement law : A monograph / O.V. Demidova. Voronezh : Scientific Book Publishing and Printing Center, 2015. – 188 p.

5. Головастова, Ю.А. Нормы международных договоров и Конституции Российской Федерации как источники отрасли уголовно-исполнительного права / Ю. А. Головастова // Союз криминалистов и кримиологов. – 2016. – № 1-4. – С. 157–161. EDN: ZENRPP.

Golovastova, Yu.A. Norms of international treaties and the Constitution of the Russian Federation as sources of the branch of penal enforcement law / Yu.A. Golovastova // Union of Criminologists and Criminologists. – 2016, – No. 1-4. – Pp. 157–161. EDN: ZENRPP.

6. Иерархия и координация источников права: теоретические и сравнительные аспекты / под ред. А.А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. – 396 с. ISBN: 978-5-7904-2726-8.

Hierarchy and coordination of sources of law: theoretical and comparative aspects / ed. by A.A. Vasiliev. Barnaul: Publishing house of the Alt. University, 2023. – 396 p.

7. Стеничкин, Г.А. Источники уголовно-исполнительного права / Г.А. Стеничкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 2. – С. 154–158. EDN: KLSSWP.

Stenichkin, G. A. Istochniki ugovolno-ispolnitel'nogo prava [Tekst] / G. A. Stenichkin // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 2. – Pp. 154–158.

8. Грушин, Ф.В. Источники уголовно-исполнительного права: современное состояние / Ф.В. Грушин // Уголовно-исполнительное право. – 2026. – Т. 21, № 1. – С. 35–42. EDN: N1HUXU.

Grushin, F.V. Istochniki ugovolno-ispolnitel'nogo prava: sovremennoe sostoyanie / F.V. Grushin // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2026. – T. 21, № 1. – Pp. 35–42.

9. Демидова, О.В. Конституция Российской Федерации как основополагающий источник уголовно-исполнительного права / О.В. Демидова // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2012. – № 1. – С. 105–107. EDN: PDUWTP.

Demidova, O.V. The Constitution of the Russian Federation as a Fundamental Source of Penal Law / O.V. Demidova // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2012. – No. 1. – Pp. 105–107. EDN: PDUWTP.

10. Уголовно-исполнительное право: учебник для юридических вузов и факультетов / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. – М.: Межрегиональный институт экономики и права, Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ООО «Волтерс Клувер», 2009. – 310 с.

Malinin, V.B., Smirnov, L.B. Penal Law. Textbook for Law Schools and Faculties. – M.: Interregional Institute of Economics and Law, Law Firm «KONTRAKT», LLC «Volters Kluver», 2009. – 310 p.

11. Головастова, Ю.А. Нормы международных договоров и Конституции Российской Федерации как источники отрасли уголовно-исполнительного права / Ю.А. Головастова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2017. – № 2 (11). – С. 41–45. EDN: YPHSTL.

Golovastova, Yu. A. Norms of International Treaties and the Constitution of the Russian Federation as Sources of the Branch of Penal Law / Yu. A. Golovastova // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2017. – No. 2(11). – Pp. 41–45. EDN: YPHSTL.

12. Уткин, В.А. Конституция России как источник развития уголовно-исполнительного права / В.А. Уткин // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9-ти томах, Рязань, 17–19 ноября 2021 года. Том 1. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 13–16. EDN: MBHQQZ.

Utkin, V.A. The Constitution of Russia as a Source of the Development of Penal Law / V.A. Utkin // V International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (timed to coincide with the Year of Science and Technology in the Russian Federation in 2021) : Collection of Abstracts of Speeches and Reports by Participants. In 9 volumes, Ryazan, November 17–19, 2021. Volume 1. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2021. – Pp. 13–16. EDN: MBHQQZ.

13. Уткин, А.В. О роли конституционных норм в формировании и развитии уголовно-исполнительного права / А. В. Уткин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2024. – № 52. – С. 67–79. – DOI 10.17223/22253513/52/5. EDN: QGVEVT.

Utkin, A.V. On the Role of Constitutional Norms in the Formation and Development of Penal Law / A. V. Utkin // Bulletin of Tomsk State University. Law. – 2024. – No. 52. – Pp. 67–79. DOI 10.17223/22253513/52/5. EDN: QGVEVT.

14. Бякина, С.И. Передача исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы / С.И. Бякина // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 23.10.2024. – Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 43–45. EDN: TXTRMN.

Byakina, S.I. Peredacha ispolneniya nakazaniy, ne svyazanny'x s lisheniem svobody' / S.I. Byakina // Aktual'ny'e problemy' mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu : Sbornik nauchny'x trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 23 oktyabrya 2024 goda. – Moskva: Moskovskij universitet MVD RF im. V.Ya. Kikotya, 2024. – Pp. 43–45. EDN: TXTRMN.

15. Тепляшин, П.В. Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы : монография. – М.: Юрлитинформ, 2026. – 168 с. – ISBN 978-5-605-44216-5. EDN: QUIIDN.

Tepliyashin, P.V. Probation: Theoretical and Legal Foundations and Research Problems: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2026. – 168 p. ISBN 978-5-605-44216-5. EDN: QUIIDN.

Агарков Алексей Вячеславович

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Университета ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Agarkov Aleksey V.

Assistant Professor of Crime Detection Department of the University of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

Статья
поступила в редакцию:
11.06.2026
одобрена после
рецензирования:
17.07.2026
принята к публикации:
21.09.2026

Российская Федерация
Санкт-Петербург, Пушкин

196602, г. С.-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная,
д. 34, лит. А

Russian Federation
St. Petersburg, Pushkin

196602, St. Petersburg, Pushkin,
Sapernaya Street, 34, building A

✉ oper72.kum@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ): 8772-2459

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

Шубников Роман Андреевич

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Кузбасского института ФСИН России

Shubnikov Roman A.

Lecturer of the department of operational investigative activities at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Российская Федерация
г. Новокузнецк

654066, Кемеровская область, г. Новокузнецк,
проспект Октябрьский, 49

Russian Federation
Novokuznetsk

654066, Kemerovo Region,
Novokuznetsk, Oktyabrsky Avenue,
49

✉ shubnikov777@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ): 2940-7440

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1233-7171>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.8; 343.98

Незаконный оборот наркотических средств среди осужденных к принудительным работам: проблемы оперативно-розыскного противодействия

Illegal drug trafficking among people sentenced to forced labor: problems of operational search counteraction

Аннотация. Актуальность. Оперативно-розыскная деятельность является ключевым инструментом пресечения преступлений и иных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств в исправительных центрах. Актуальность исследования обусловлена пробелами в правовом регулировании и недостаточной адаптацией методов организации работы оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы к специфике исполнения и отбывания наказания в виде принудительных работ, что приводит к снижению эффективности противодействия незаконному обороту наркотических средств в исправительных центрах.

Целью работы является выявление проблем оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту наркотических средств среди осужденных к принудительным работам и разработка предложений по совершенствованию методов оперативного обеспечения деятельности исправительных центров по рассматриваемому направлению деятельности.

Методы. В работе использованы методы сравнительного анализа, аналогии, дедукции и моделирования, позволившие сопоставить традиционные и инновационные методы организации оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту наркотических средств применительно к специфике исполнения и отбывания наказания в виде принудительных работ.

Выводы. Авторы статьи обосновывают неэффективность текущих подходов к организации оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту наркотических средств среди осужденных к принудительным работам, констатируя отсутствие специализированной методики работы оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по данному направлению, проблемы межведомственного взаимодействия и оперативного поиска информации о подготавливаемых и совершаемых правонарушениях в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: исправительный центр, незаконный оборот наркотических средств, оперативно-розыскное противодействие, осужденные к принудительным работам, взаимодействие.

Abstract. Relevance. Investigative operations are a key tool for combating drug trafficking crimes and other offenses in correctional centers. The relevance of this study stems from gaps in legal regulation and the inadequate adaptation of operational units within the penal system to the specifics of the execution and serving of forced labor sentences, which reduces the effectiveness of countering drug trafficking in correctional centers.

The aim of this study is to identify the challenges of countering drug trafficking among those sentenced to forced labor and to develop proposals for improving operational support methods for correctional centers in this area of work.

Methods. The study utilizes comparative analysis, analogy, deduction, and modeling, allowing for a comparison of traditional and innovative methods for organizing investigative operations against drug trafficking in relation to the specifics of the execution and serving of forced labor sentences.

Conclusions. The authors of the article substantiate the ineffectiveness of current approaches to organizing operational investigative measures to combat drug trafficking among those sentenced to forced labor, noting the lack of specialized operational methods for the UIS units in this area, as well as problems with interagency cooperation and the rapid retrieval of information on planned and ongoing offenses in this area.

Keywords: correctional center, drug trafficking, operational investigative measures, those sentenced to forced labor, cooperation.

Для цитирования: Агарков А.В., Шубников Р.А. Незаконный оборот наркотических средств среди осужденных к принудительным работам: проблемы оперативно-розыскного противодействия // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 51–57.

For citation: Agarkov Aleksey V., Shubnikov Roman A. Illegal drug trafficking among people sentenced to forced labor: problems of operational search counteraction // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 51–57.

Введение. Противоправная деятельность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств (далее – НОН) в исправительных центрах (далее – ИЦ) и участках, функционирующих в режиме исправительных центров (далее – УФИЦ), представляет собой самостоятельный криминологический феномен, качественно отличающийся от аналогичных проявлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), обеспечивающих исполнение меры пресечения в виде заключения под стражу и наказания в виде лишения свободы [9, с. 358]. Повышенная общественная опасность указанного явления детерминирована прежде всего тем обстоятельством, что осужденные, отбывающие наказание в виде принудительных работ, не только не утрачивают прежние, но и устанавливают новые деструктивные социальные связи с внешней криминогенной средой, что объективно создает условия для развития и функционирования НОН.

Существенным пробелом в системе правового регулирования организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в ИЦ (УФИЦ) выступает отсутствие легитимной и нормативно верифицированной методологической модели проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ориентированной на выявление,

предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сфере НОН, совершаемых осужденными к принудительным работам. Указанный «нормативный вакуум» существенно снижает эффективность оперативно-розыскного противодействия НОН и препятствует формированию единообразной правоприменительной практики в данной сфере.

Существуют детально проработанные тактические и методические основы проведения ОРМ, а также алгоритм действий сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений (далее – ИУ) и следственных изоляторов (далее – СИЗО) при получении оперативно значимой информации о фактах подготовки или совершения преступлений в сфере НОН со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных, который успешно реализуется на практике. Пробелы и коллизии федерального законодательства в данной сфере разрешаются положениями ведомственных нормативных актов и отдельными указаниями Главного оперативного управления и территориальных органов ФСИН России, чего нельзя констатировать при организации оперативно-розыскной деятельности в ИЦ (УФИЦ). В результате оперативные сотрудники в рассматриваемых видах учреждений вынуждены выборочно применять нормы действующего законодательства по организации ОРД в ИУ и СИЗО, которые, по понятным причинам, не адаптированы к специфике функционирования ИЦ (УФИЦ), причем в различных территориальных органах УИС практика применения этих норм существенно различается. Такой подход приводит к отсутствию единых стандартов и критериев деятельности оперативных подразделений УИС по противодействию НОН в ИЦ (УФИЦ) [1, с. 149].

Основное содержание. Оперативное обеспечение ИЦ (УФИЦ), в том числе вопросы оперативного перекрытия объектов оперативной заинтересованности из числа осужденных к принудительным работам, как правило, является обязанностью сотрудников оперативных подразделений территориальных органов или учреждений УИС, при которых функционирует ИЦ (УФИЦ). Принятие приказа ФСИН России от 06.12.2024 № 857¹, который вводит в типовые структуры ИЦ возможность создания оперативной группы, несколько изменило прежнюю практику. В то же время приложение № 3 к приказу оговаривает, что формирование такой группы производится исключительно по распоряжению начальника территориального органа ФСИН России, то есть оставляет за руководителем право не создавать ее, фактически сохраняя существующее положение вещей². В результате может возникнуть ситуация, при которой в разных регионах сложатся разные подходы: в одних ИЦ оперативные группы будут действовать, в других – нет. Такая нерегулярность нарушает принцип единообразия в организации ОРД и снижает ее эффективность в целом [5, с. 299].

При этом риски совершения правонарушений и нарушений режима существуют в любом ИЦ, независимо от численности контингента. Наличие оперативной группы должно быть обязательным структурным элементом, поскольку именно она обеспечивает решение базовых задач, закрепленных в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее – ФЗ об ОРД). Отдельной проблемой является отсутствие аналогичного механизма создания оперативных групп в УФИЦ. Данный правовой пробел не может быть оправдан, так как криминогенный потенциал, характер связей и склонность к рецидиву у осужденных в УФИЦ сопоставимы с таковыми в ИЦ [7, с. 94]. В результате возникает ситуация, когда сотрудник оперативного подразделения учреждения УИС, помимо исполнения должностных обязанностей

¹ Об утверждении типовых структур, штатного расписания и порядка расчета штатной численности исправительного центра : приказ ФСИН России от 06.12.2024 № 857 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: там же.

³ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

непосредственно в учреждении, должен фактически организовывать ОРД и на закрепленном за ним УФИЦ. Практический опыт показывает, что в данном случае о надлежащем оперативном обеспечении говорить нельзя ввиду следующих причин:

- закрепленный за УФИЦ оперативный сотрудник просто физически не сможет организовать ежедневную работу с осужденными к принудительным работам, а в зависимости от уровня нагрузки и количества задач, стоящих перед оперативным подразделением, его посещения УФИЦ станут «ситуационными», т.е. при поступлении информации о фактах преступной деятельности или иных происшествиях;

- организация труда осужденных к принудительным работам на промышленных объектах за пределами ИЦ (УФИЦ) с вечерним окончанием рабочего дня (примерно в 18:00) приводит к хронологическому конфликту с графиком работы оперативного сотрудника, курирующего организацию ОРД в рассматриваемых учреждениях, исключая возможность индивидуальных бесед и организации мероприятий с фигурантами в пределах служебного дня. В результате возникает ситуация вынужденного несоблюдения установленного служебного регламента и норм трудового законодательства (в части сверхурочной работы) в отношении оперативных сотрудников, что актуализирует проблему разработки альтернативных моделей оперативно-служебного взаимодействия для обеспечения баланса между исполнением наказания и эффективностью ОРД [4, с. 159].

Стоит отметить, что оперативно-розыскное противодействие НОН в ИЦ (УФИЦ) включает в себя не только выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие наркопреступлений, но и по большей части, противодействие употреблению наркотических средств со стороны осужденных к принудительным работам.

Одной из ключевых проблем методического обеспечения деятельности оперативных подразделений УИС в сфере противодействия НОН в ИЦ (УФИЦ) является отсутствие на сегодняшний день научно обоснованной и законодательно закрепленной методики осуществления оперативного поиска информации о фактах подготовки или совершения осужденными к принудительным работам противоправных действий в рассматриваемой сфере. Проблематика связана с разграничением составов правонарушений и преступлений в сфере уголовного и административного законодательства при правовой оценке деяний осужденных [8, с. 113].

При получении сведений о том, что осужденный к принудительным работам причастен к употреблению наркотических средств, либо при выявлении у него признаков наркотического опьянения сотрудники ИЦ (УФИЦ) организуют доставку фигуранта в медицинскую организацию для проведения освидетельствования. После поступления в оперативное подразделение медицинского заключения (акта, протокола) об установлении у осужденного состояния наркотического опьянения проводится сбор информации и формируются материалы для направления в территориальный отдел полиции с целью решения вопроса о привлечении фигуранта к административной ответственности по ст. 6.9 КоАП РФ¹.

Если в процессе проверки обстоятельств употребления наркотических средств устанавливается, что осужденный приобрел их (как правило, через интернет-мессенджеры – Telegram, WhatsApp и т.п., бесконтактным способом через так называемые закладки), но при этом не выявлен конкретный субъект сбыта, оперативное подразделение УИС регистрирует данный факт в книге регистрации сообщений о преступлениях, после чего материалы проверки направляются по подследственности как факт сбыта наркотических средств

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

неустановленным лицом (согласно ст. 228¹ УК РФ). Практика уголовного судопроизводства показывает, что при отсутствии изъятого наркотического средства (особенно в случаях, когда оно уже употреблено лицом), органы предварительного расследования и суды зачастую прекращают уголовное преследование по подобным преступным эпизодам, а в качестве основания для таких решений ссылаются на разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14¹.

В рассматриваемой ситуации с учетом отсутствия в действиях осужденного к принудительным работам состава преступления (за употребление наркотических средств предусмотрена административная ответственность), в отношении него не будет возбуждено уголовное дело, что ставит под сомнение реальную и законную возможность заведения дела оперативного учета (далее – ДОУ) и организации в рамках него комплекса ОРМ. Более того, с учетом изложенных выше положений можно констатировать следующее: сам факт того, что с большой вероятностью уголовное дело в отношении неустановленного сбытчика наркотических средств будет приостановлено еще на стадии предварительного расследования, делает не просто нецелесообразным заведение ДОУ, но и фактически невозможной его дальнейшую реализацию.

В этой связи возникает вопрос о законности применения методики осуществления оперативного поиска информации о правонарушениях в сфере НОН со стороны осужденных к принудительным работам, ведь по своей сущности он представляет комплекс ОРМ, направленный на получение первичной информации о подготовке или совершении фигурантами преступных действий. Цели оперативного поиска полностью коррелируют с общими задачами ОРД, предусмотренными ст. 2 ФЗ об ОРД². Однако факт употребления наркотических средств образует состав административного правонарушения и одновременно является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания в виде принудительных работ в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ. Но ни первое, ни второе, в силу положений ст. 7 ФЗ об ОРД, не являются основаниями для проведения ОРМ³.

Стоит отметить, что без содействия территориальных подразделений Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России (далее – УНК) невозможно построить эффективную систему противодействия НОН в ИЦ (УФИЦ), но стоит констатировать тот факт, что на сегодняшний день процесс организации взаимодействия между оперативными подразделениями УИС, курирующими ИЦ (УФИЦ), и подразделениями УНК не проработан ни на теоретическом, ни на законодательном, ни на практическом уровне, что выражается в следующем:

1) отсутствии закрепления в межведомственном законодательстве методики организации и проведения совместных ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере НОН, совершаемых осужденными к принудительным работам [6, с. 290];

2) отсутствии законодательного разграничения полномочий оперативных подразделений УИС и УНК, а именно:

– нет законодательного закрепления полномочий сотрудников УНК проводить ОРМ на территории ИЦ и УФИЦ (хотя с учетом специфики наркопреступности в этих учреждениях было бы целесообразно проводить ОРМ «Проверочная закупка»

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: там же.

и «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» именно на территории ИЦ силами УИС и МВД одновременно);

– нет разграничения территории оперативного обслуживания (например, если осужденный совершает преступление на территории организации работодателя, то чьими силами следует проводить первичные ОРМ?) [2, с. 57].

В рамках оперативно-розыскной профилактики (не предусмотренной законодательно, но активно реализуемой на практике) целесообразно проработать вопрос о внеплановых мероприятиях по выборочному медицинскому освидетельствованию осужденных к принудительным работам на состояние наркотического опьянения во взаимодействии оперативных подразделений УИС и УНК [3], а также с присутствием работников медицинских организаций (не менее одного раза в месяц). Данные мероприятия позволяют повысить эффективность в решении вопросов о привлечении осужденных к принудительным работам к административной ответственности по ст. 6.9 КоАП РФ.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) Установлено, что действующее ведомственное законодательство и практика правоприменения не содержат методологической основы для организации и проведения ОРМ при поступлении оперативно значимой информации о подготовке либо совершении осужденными к принудительным работам преступлений в сфере НОН. Недостаточная нормативная и методическая регламентация оперативно-розыскного обеспечения деятельности ИЦ (УФИЦ) препятствует формированию к нему унифицированных требований и стандартов, что обуславливает фрагментарное применение общей правовой базы и снижает эффективность противодействия НОН среди осужденных к принудительным работам.

2) Приоритетными направлениями совершенствования процесса взаимодействия оперативных подразделений УИС и подразделений УНК является разработка межведомственных методических рекомендаций, предусматривающих алгоритм совместных действий при получении оперативно значимой информации о противоправной деятельности в сфере НОН со стороны осужденных к принудительным работам, разграничение зон оперативного обслуживания подразделений МВД России и УИС.

3) Применение методики оперативного поиска должно быть обосновано фактом наличия информации именно о преступном поведении фигуранта. Следует понимать, что факту употребления наркотических средств всегда предшествует факт их приобретения осужденным к принудительным работам, а данное обстоятельство, в свою очередь, предполагает наличие лица, осуществляющего их сбыт. Считаем, что под таким вектором интерпретации оперативно значимой информации о противоправной деятельности осужденных к принудительным работам в сфере НОН, заведение ДОУ и реализация в рамках него комплекса ОРМ допустима.

Список литературы / References

1. Агарков, А.В. О необходимости законодательного закрепления вопросов оперативного обеспечения деятельности исправительных центров как нового вида учреждений уголовно-исполнительной системы / А.В. Агарков // Вестник Кузбасского института. – 2025. – № 2(63). – С. 146–154. EDN: IHAMIL.

Agarkov, A.V. On the Need for Legislative Enshrinement of Operational Support for the Activities of Correctional Centers as a New Type of Institution of the Penal System / A.V. Agarkov // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2025. – No. 2 (63). – Pp. 146–154. EDN: IHAMIL.

2. Жандров, В.Ю. Совершенствование взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и учреждений уголовно-исполнительной системы при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков / В.Ю. Жандров // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2(70). – С. 51–59. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-270-51-59. EDN: DZEXSV.

Zhandrov, V.Yu. Improving the Interaction between Operational Units of Internal Affairs Bodies and Institutions of the Penal System in Detecting Drug-Related Crimes / V.Yu. Zhandrov // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 2 (70). – Pp. 51–59. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-270-51-59 EDN: DZEXSV

3. Жеребцова, Е. Н. Исполнение норм уголовно-исполнительного права сотрудниками оперативных подразделений в исправительных учреждениях России / Е. Н. Жеребцова // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 4(4). – С. 56–64. – EDN: YDLZSM.

Zherebtsova, E. N. Execution of the norms of criminal-executive law by employees of operational units in correctional institutions of Russia / E.N. Zherebtsova // Scientific studies of crime and punishment. – 2025. – No. 4 (4). – Pp. 56–64. EDN: YDLZSM.

4. Журавлев, А.Н. Анализ и оценка оперативной обстановки в исправительных центрах и участках, функционирующих как исправительные центры, оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний / А.Н. Журавлев, Н.Д. Моисеев, Н.В. Румянцев // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября – 01 ноября 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 159–163. EDN: ILABKP.

Zhuravlev, A.N. Analysis and assessment of the operational situation in correctional centers and sites functioning as correctional centers, by operational units of the Federal Penitentiary Service / A. N. Zhuravlev, N. D. Moiseyev, N. V. Rumyantsev // The criminal-executive system of the Russian Federation: issues of execution of criminal sentences, implementation of probation measures, interaction with public authorities and civil society institutions: a collection of abstracts of speeches and reports of participants in the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the foundation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, October 31 – November 1 October 31 – January 2024. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. – P. 159–163. EDN: ILABKP.

5. Земсков, И.Н. Проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности в исправительных центрах / И.Н. Земсков // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей, Томск, 26–28 января 2023 года. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. – С. 299–300. EDN: EWFQAN.

Zemskov, I.N. Problems of implementing operational-search activities in correctional centers / I.N. Zemskov // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles, Tomsk, January 26–28, 2023. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2023. – Pp. 299–300. EDN: EWFQAN.

6. Моисеев, Н.Д. Организация взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России с органами внутренних дел Российской Федерации / Н. Д. Моисеев, В. И. Силенков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 288–291. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_288 EDN: KSKPZI.

Moiseev, N.D. Organization of Interaction between Operational Units of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation / N. D. Moiseev, V. I. Silenkov // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 11 (239). – Pp. 288–291. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_288 EDN: KSKPZI.

7. Сика, А.М. Особенности профилактики повторной преступности осужденных к наказанию в виде принудительных работ / А.М. Сика // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2025. – № 2(57). – С. 91–97. EDN: DCLURG.

Sika, A.M. Features of Preventing Repeat Offenses of Persons Sentenced to Forced Labor / A.M. Sika // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2025. – No. 2 (57). – Pp. 91–97.

8. Тихомиров, А.И. Некоторые вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования осуществления оперативно-розыскной деятельности в исправительных центрах / А.И. Тихомиров, Д.А. Высоцкий // Профессиональное юридическое образование и наука. – 2022. – № 3(7). – С. 112–116. EDN: JHWOCL.

Tikhomirov, A.I. Certain issues of improving the legal regulation of operational-search activities in correctional centers / A.I. Tikhomirov, D.A. Vysotsky // Professional legal education and science. – 2022. – No. 3 (7). – P. 112–116. EDN: JHWOCL.

9. Ярабаева, О.О. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, как одна из основных задач сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений / О.О. Ярабаева // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 358–360. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_358 EDN: WJOLNQ.

Yarabayeva, O.O. Prevention of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, as one of the main tasks of the employees of operational units of correctional institutions / O. O. Yarabayeva // Agrarian and land law. – 2024. – No. 6 (234). – P. 358–360. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_358 EDN: WJOLNQ.

Гаврилов Борис Яковлевич

профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, заслуженный
юрист Российской Федерации,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации

Российская Федерация
Москва

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д.8

Gavrilov Boris Ya.

Professor of the Department
of Management of Crime Investigation
Agencies, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian
Federation, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Honorary Worker
of Education of the Russian Federation

Russian Federation
Moscow

125171, Moscow, Zoya and Alexander
Kosmodemyanskikh str., 8

Статья

поступила в редакцию:
30.07.2026

одобрена после
рецензирования:
20.08.2026

принята к публикации:
21.09.2026

✉ profgavrilov@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 6464-9253

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2529-491X>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.985

Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления: алгоритм судебной проверки

Distinction between an operational experiment and provocation of a crime: an algorithm for judicial review

Аннотация. Актуальность. Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления обусловлено необходимостью совершенствования законодательства и правоприменительной практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. По мнению автора, внешнее соблюдение требований к форме оперативно-розыскного мероприятия не обеспечивает его фактической законности. Определяющее значение здесь должно иметь фактическое содержание взаимодействия между проверяемым лицом, оперативными сотрудниками, конфиденнтами и заявителями. На основе анализа законодательства, судебной практики Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации, а также научных источников предложена система критериев судебной проверки законности оперативного эксперимента, к числу которых отнесены предварительная обоснованность данного оперативно-розыскного мероприятия, источник инициативы, сформированность умысла, интенсивность воздействия, альтернативность поведения лица и судебная проверяемость имеющей место коммуникации. Делается вывод, что оперативный эксперимент допустим лишь тогда, когда он направлен на выявление, фиксацию или пресечение уже существующего преступного поведения, а не на создание правоохранительными органами условий для совершения преступления.

Целью статьи является совершенствование положений уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, а также правоприменительной и судебной практики использования в качестве доказательства по уголовному делу результатов такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент.

Выводы. В работе исследуется оперативно-розыскное мероприятие «Оперативный эксперимент» как средство доказывания по уголовным делам. Анализ проведен на основе норм уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, правовых позиций Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, а также реальной следственной и судебной практики, что позволило автору разграничить законные действия сотрудников правоохранительных органов и провокацию преступления. Именно с этих позиций требования действующего законодательства, несмотря на имеющиеся в его содержании противоречия, не дающие в полной мере использовать результаты оперативного эксперимента в уголовном судопроизводстве, будут методологически верно

подчинены всеобщим законам диалектики. Их реализация в правоприменительной деятельности оперативных сотрудников, следователей, прокуроров и судей призвана обеспечить выявление, раскрытие преступлений, в том числе таких как получение или дача взятки и незаконный оборот наркотиков, их расследование и последующее судебное разбирательство при условии соблюдения требований закона при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия и обеспечения тем самым прав и законных интересов лиц, подвергаемых государством уголовному преследованию.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность и ее результаты, оперативный эксперимент, провокация преступления, проверочная закупка, допустимость доказательств, оперативно-розыскные мероприятия, уголовный процесс, сформированность умысла.

Abstract. Relevance. The distinction between an operational experiment and a provocation of a crime is driven by the need to improve legislation and law enforcement practices regarding the use of operational investigative activity results in criminal evidence. The author assumes that the formal registration of an operational investigative measure, in terms of formal adherence to its form, does not in itself guarantee its legality. The decisive factor here should be the actual content of the interaction between the subject of the investigation, the operatives, the confidants, and the applicants. Based on an analysis of legislation, the case law of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as scientific sources, a system of criteria for judicial review of the legality of an operational experiment is proposed. These criteria include the preliminary justification for the operational investigative measure, the source of the initiative, the formation of intent, the intensity of the impact, the alternative nature of the individual's behavior, and the judicial verifiability of the communication. It is concluded that an operational experiment is permissible only when it is aimed at identifying, recording, or preventing existing criminal behavior, rather than at creating conditions for law enforcement agencies to commit a crime.

The purpose of this article is to improve the provisions of criminal procedure and operational-investigative legislation, as well as law enforcement and judicial practice regarding the use of the results of operational-investigative measures such as operational experiments as evidence in criminal cases.

Conclusions. The author's study of operational experiments as a category of investigative measures used in criminal proceedings was conducted taking into account not only the norms of criminal procedure and investigative legislation and the practice of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, but also the evolving investigative and judicial practice of using their results, which allows for their distinction from criminal provocation. It is from this perspective that the requirements of current legislation, despite the contradictions in its content that prevent the full use of operational experiment results in criminal proceedings, will be methodologically correctly subordinated to the universal laws of dialectics. Their implementation in law enforcement activities of operational officers, investigators, prosecutors and judges is intended to ensure the identification and disclosure of crimes, including such crimes as bribery and drug trafficking, their investigation and subsequent judicial proceedings, subject to compliance with the requirements of the law during the conduct of this operational-search activity and thereby ensuring the rights and legitimate interests of persons subject to criminal prosecution by the state.

Keywords: operational investigative activity and its results, operational experiment, provocation of a crime, verification purchase, admissibility of evidence, operational investigative measures, criminal process, formation of intent.

Для цитирования: Гаврилов Б.Я. Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления: алгоритм судебной проверки // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 58–66.

For citation: Gavrilov Boris Ya. Distinction between an operational experiment and provocation of a crime: an algorithm for judicial review // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 58–66.

Введение. Несмотря на значительное количество научных исследований, проблема разграничения оперативного эксперимента и провокации преступления в теории уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности остается весьма актуальной. Особенно

актуальна необходимость разграничения данных правовых категорий при возбуждении уголовных дел о взяточничестве и незаконном обороте наркотических средств, их расследовании и последующем судебном разбирательстве с точки зрения обеспечения законности проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «оперативный эксперимент» и признания его результатов в качестве доказательств по уголовному делу.

Основное содержание. Оперативный эксперимент занимает в российской практике деятельности правоохранительных органов особое место: он, как правило, реализуется там, где обычные способы выявления преступления часто оказываются недостаточными. Так, по уголовным делам о взяточничестве, коммерческом подкупе, посредничестве в совершении данных преступлений, а также незаконном обороте наркотических средств доказательственная картина нередко строится вокруг действий, которые проходили под контролем правоохранительных органов [4]. Само по себе в этом нет ничего незаконного, поскольку государство вправе не только реагировать на уже совершенные преступления, но и выявлять готовящиеся либо совершаемые деяния.

Проблема состоит в том, что между контролируемым выявлением преступного поведения и фактически искусственным созданием условий для совершения преступления существует тонкая грань. Если у лица созрел умысел на совершение преступления, а сотрудники лишь создают условия для фиксации его действий, то оперативный эксперимент, соответственно, выполняет свою законную функцию. Если же преступный умысел возникает в результате настойчивых предложений, оказанного давления, обещания выгоды или при использовании зависимости лица, государство перестает выявлять преступление и начинает его «производить». Конституционный статус задается здесь положениями о судебной защите, праве на защиту, презумпции невиновности и недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона.

В уголовном судопроизводстве эти гарантии реализуются через правила доказывания, состязательность сторон, свободу оценки доказательств и прямой запрет использования недопустимых доказательств. Для оценки результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – результаты ОРД) особенно важна ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, устанавливающая запрет на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством.

С учетом изложенного, представляется актуальным сформулировать систему критериев, позволяющих отграничить правомерный оперативный эксперимент от провокации преступления. Для решения этой задачи необходимо уяснить правовую природу данного мероприятия, определить признаки провокации и установить критерии выявления умысла лица на совершение преступления. Кроме того, требуется проанализировать последствия признания оперативно-розыскных мероприятий незаконными и предложить алгоритм их судебной проверки.

Характеризуя правовую природу оперативного эксперимента, отметим, что согласно Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД) он относится к числу оперативно-розыскных мероприятий, однако закон не раскрывает его понятия и признаков. В результате правоприменитель вынужден реконструировать его правовую природу через цели и задачи ОРД, основания проведения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12. 2001 № 174-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08. 1995 № 144-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ОРМ, запрет провокации и правила представления результатов ОРД следователю, дознавателю или суду.

В научных источниках оперативный эксперимент часто описывается как создание контролируемых условий, в которых проявляется преступное поведение лица [9]. Так, В.Н. Омелин связывает его с моделированием условий, оперативным контролем, воспроизведением ситуации и проверкой намерений лица, в отношении которого имеются данные о преступной деятельности [10], показывая тем самым активный характер оперативного эксперимента, поскольку он не сводится к пассивному наблюдению со стороны сотрудников, а наоборот, порождает их активность, чем создается риск подмены выявления преступления формированием оперативными сотрудниками условий его совершения.

В свою очередь, В.И. Шаров понимает оперативный эксперимент как включенное наблюдение в обстановке, способствующей проявлению события преступления, проводимое с целью получения доказательств преступной деятельности подозреваемого лица и исключающее провокационные действия наблюдателя [13], что переносит акцент с проверки способности человека совершить преступление (которая не может быть задачей ОРД) на фиксацию уже проявляющейся противоправной деятельности. Аналогичную позицию занимает и И.А. Королев [8], говоря о необходимости предоставления лицу возможности вариантного поведения в виде добровольного отказа от совершения преступления, что имеет принципиальное значение. Следовательно, оперативный эксперимент допустим не в силу одного лишь указания на него в законе или формального вынесения постановления, а в связи с единством его процессуальной формы и фактического содержания.

Ведя речь о сущности понятия и признаков провокации преступления [6; 12], следует указать на то, что провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности – это ситуация, при которой должностные лица правоохранительных органов либо лица, действующие под их контролем, не выявляют преступное поведение, а создают его. Следует обратить внимание на содержание ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД, прямо запрещающей органам и должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, а также фальсифицировать результаты ОРД.

В.А. Семенцов определяет провокацию в ОРД как действия субъектов этой деятельности, несовместимые с ее назначением [11], подчеркивая, что умысел объекта оперативно-розыскного мероприятия должен формироваться независимо от деятельности оперативных сотрудников, с чем следует согласиться, но с уточнением: независимость формирования умысла должна проверяться не декларативно, а по конкретным обстоятельствам взаимодействия. В этой связи суду следует не только установить факт согласия лица на совершение преступления, но и выяснить, кто первым инициировал преступный сценарий, как часто повторялись предложения, были ли отказы, чем мотивировалось согласие и имелись ли у оперативных сотрудников до проведения ОРМ сведения о преступной активности лица, проверяемого на причастность к совершению конкретного преступления.

Изложенное позволяет утверждать, что, например, по уголовным делам о коррупционных преступлениях передача денег под контролем правоохранительных органов может быть законной, если до этого должностное лицо само потребовало незаконное вознаграждение либо иным образом проявило готовность его получить. Иная оценка требуется, когда инициатива исходит от заявителя или конфиденнта, действующего по указанию оперативного сотрудника, а проверяемое лицо до вмешательства государства

не совершало действий, свидетельствующих о намерении получить незаконное вознаграждение.

В этой связи Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ указал, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по делу о коррупционном преступлении, если они свидетельствуют о наличии у лица умысла, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД. Тем самым центральным становится вопрос о том, от кого исходила первичная инициатива, поскольку именно данное обстоятельство является определяющим в рассматриваемом контексте.

Переходя к критериям разграничения допустимого оперативного эксперимента и провокации преступления, выражающейся в незаконном склонении к совершению преступления, а также к критериям предварительной обоснованности проведенного ОРМ и полученного результата, следует исходить из того, что:

во-первых, у правоохранительных органов до начала оперативного эксперимента должны быть достаточные фактические сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления либо о лице, причастном к такой деятельности. В противном случае данное ОРМ превращается в проверку нравственной устойчивости лица, в связи с чем В.И. Шаров указывает, что проведение оперативного эксперимента при наличии лишь ориентирующей информации является неправомерным [13];

во-вторых, инициатива зарождения преступного поведения должна исходить от проверяемого лица, а оперативные сотрудники лишь ставят его дальнейшее поведение под контроль. По мнению В.Н. Омелина, оперативный эксперимент отличается от провокации тем, что не инициирует преступное поведение подозреваемого лица, а вмешивается в уже начавшуюся реализацию его преступного умысла [10], с чем, безусловно, следует согласиться;

в-третьих, сформированность умысла до вмешательства государства. Наличие такого умысла, однако, не может выводиться исключительно из того факта, что лицо в конечном счете приняло предложение. Иначе любое удавшееся склонение автоматически превращалось бы в доказательство виновности. В этой связи важную формулу содержит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»². Суть его формулы в том, что результаты ОРМ могут использоваться в доказывании, если они свидетельствуют о наличии умысла, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД. А непосредственно сформированность умысла может подтверждаться предшествующими действиями лица, его инициативными переговорами, определением условий, например, получения взятки и др. И напротив, отсутствие таких признаков, особенно в сочетании с активным поведением оперативных сотрудников или конфиденанта, должно оцениваться в пользу версии о провокации;

в-четвертых, интенсивность воздействия на проверяемое лицо. Недопустимое склонение начинается там, где сотрудники или привлеченные ими лица, как отмечено выше,

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.06.2013 № 24 : в ред. от 09.12.2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.06.2006 № 14 : в ред. от 16.05.2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

убеждают, уговаривают, повторяют предложение после отказа, обещают выгоду, используют зависимость или уязвимость лица. И в этой связи судебная проверка должна включать вопросы: были ли отказы; как на них реагировали участники проведения ОРМ; кто направлял (возвращал) разговор к преступному сценарию; предлагалась ли дополнительная выгода; создавалась ли ситуация срочности; использовались ли личные отношения;

в-пятых, доброкачественность оформления и проведения ОРМ, что предполагает наличие оснований, соблюдение условий проведения, вынесение постановления уполномоченным руководителем, фиксацию хода мероприятия и надлежащее представление результатов следователю или суду. Однако даже идеально оформленные результаты ОРД не могут легализовать ситуацию, если умысел фактически сформирован оперативными сотрудниками (особое значение в этой части приобретают требования межведомственной Инструкции о порядке представления результатов ОРД¹);

в-шестых, это обеспечение возможности судебной проверки всей значимой коммуникации. Суд должен иметь возможность установить, как возник преступный сценарий, кто управлял его развитием, какие действия совершали сотрудники и привлеченные лица, какие слова произносились, какие отказы или сомнения выражались проверяемым лицом. В этой связи К.К. Клевцов отмечает, что отсутствие провокации может подтверждаться не только показаниями оперативных сотрудников, но и изучением оперативно-служебных документов, сведений об основаниях, условиях и порядке проведения ОРМ, приложенных предметов, документов и электронных носителей [7]. Если ключевые переговоры не записаны, начало коммуникации скрыто, а наиболее важные обстоятельства подтверждаются только словами заинтересованных участников ОРМ, сомнения в этом случае должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого, что, однако, не означает автоматического признания провокации.

В заключение анализа данной составляющей описываемой проблемы оперативного эксперимента отметим последствия признания его провокационным. Они состоят в том, что полученные результаты не могут использоваться в доказывании. Здесь действует не только специальный запрет, связанный с проведением ОРД, но и основной принцип уголовного процесса о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, недопустимы и не имеют юридической силы.

Особенность результатов ОРД состоит в том, что они сами по себе не тождественны уголовно-процессуальным доказательствам. В доктрине по этому вопросу существуют разные позиции. В частности, автор настоящей публикации [1; 2; 3] отмечает, что использование результатов ОРД в доказывании возможно в совокупности с иными доказательствами, при соблюдении требований закона, в том числе с учетом решений Европейского Суда по правам человека.

В свою очередь, Е.А. Доля [5] проводит более строгую мысль: результаты ОРД могут служить основой для формирования доказательств, но сами по себе доказательствами не являются. По этому вопросу Конституционный Суд Российской Федерации² указывает,

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (зарегистрирован в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2020 № 1093-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а сведениями об источниках фактов, которые могут стать доказательствами только после надлежащего процессуального закрепления.

Особое внимание следует уделить практике Верховного Суда Российской Федерации по выработке критериев оценки провокации при проведении оперативного эксперимента. В ней существенное значение имеют не только общие разъяснения Пленума Верховного Суда, но и конкретные судебные акты, в которых суд оценивал фактическую необходимость продолжения оперативных мероприятий, наличие самостоятельного умысла лица и пределы допустимого поведения сотрудников правоохранительных органов.

Значимым примером здесь является постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2012 № 131-П12¹, в котором исследован вопрос осуждения лица за несколько эпизодов покушения на сбыт наркотиков, выявленных в ходе нескольких проведенных проверочных закупок. По этому делу защита указывала, что после первой закупки сотрудники уже располагали необходимыми данными о преступной деятельности и могли пресечь противоправное поведение, однако вместо этого организовали новые аналогичные мероприятия, с чем данная судебная инстанция согласилась, указав, что последующие проверочные закупки не были обусловлены оперативной необходимостью.

Изложенная позиция Верховного Суда Российской Федерации позволяет говорить о том, что задачи ОРД состоят не в искусственном выявлении новых эпизодов, а в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений. Поэтому каждое новое ОРМ требует самостоятельного основания и должно быть направлено на достижение задач ОРД, а не на искусственное создание дополнительных эпизодов обвинения, что на практике имеет распространенный характер в погоне за показателями работы правоохранительных органов.

Но еще более актуальным с правовой точки зрения и крайне негативным для лица, привлекаемого в данном случае к уголовной ответственности за совершение не одного, а в силу указанного, нескольких преступлений, является то обстоятельство, что суд при назначении наказания в этом случае применяет положения ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)² о сложении наказаний по совокупности совершения преступлений. На практике это приводит к назначению в ряде случаев необоснованно высоких мер уголовного наказания в виде лишения свободы за незаконный оборот наркотиков.

Самостоятельным источником в обязательном разъяснении для коррупционных составов преступлений является п. 36.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24³. В нем закреплено правило о том, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по делу о коррупционном преступлении, если они получены и переданы в соответствии с законом и свидетельствуют о наличии у лица умысла на получение или дачу взятки, коммерческий подкуп либо посреднические действия, сформировавшегося независимо от деятельности

¹ Производство по делу о покушении на незаконный сбыт наркотических средств в части осуждения виновного по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228-1 УК РФ прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Судебные акты по делу изменены: из наказания по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228-1 УК РФ исключено осуждение виновного за покушение на незаконный сбыт наркотических средств по одному из эпизодов; смягчено назначенное наказание : постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2012 № 131-П12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.07.2013 № 24 : в ред. от 09.12. 2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сотрудников органов, осуществляющих ОРД, и при этом судом проверена законность и обоснованность каждого оперативно-розыскного мероприятия. Этот пункт следует сделать одним из центральных нормативно-судебных оснований. Он позволяет перенести критерий самостоятельного формирования умысла из уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств в сферу взяточничества, коммерческого подкупа и посредничества в этих противоправных действиях.

Заключение. Подводя итог изложенному, в качестве выводов следует констатировать, что оперативный эксперимент должен считаться допустимым только при одновременном наличии трех базовых условий: *первое* – предварительная обоснованность, означающая, что до начала мероприятия должны существовать проверяемые сведения о преступной активности лица, а сам оперативный эксперимент не может быть средством проверки законопослушности гражданина; *второе* – пассивно-контролируемый характер поведения сотрудников, который не означает, однако, полной пассивности; *третье* – судебная проверяемость проведенного оперативного эксперимента.

В заключение возможно констатировать, что изложенные выше предложения сводятся к тому, что в судебной практике следует закрепить более четкий алгоритм проверки доводов о провокации; необходимо усилить значение полной аудио- и видеофиксации ключевых этапов оперативного эксперимента; при отсутствии проверяемой фиксации начальной стадии контакта сомнения относительно источника инициативы и сформированности умысла должны толковаться в пользу обвиняемого; целесообразно рассмотреть возможность принятия отдельного разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о критериях разграничения допустимого оперативного эксперимента и провокации либо включения соответствующих положений в обзор судебной практики; при представлении результатов ОРД следователю или в суд необходимо уделять особое внимание не только итоговым материалам, но и сведениям о происхождении оперативной информации: когда она получена, кем, на каком основании проверена, какие действия предшествовали проведению оперативного эксперимента.

Список литературы / References

1. Гаврилов, Б.Я., Боженко, С.Я. К вопросу о провокации преступлений // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 44–50. EDN: HTEWIT.
Gavrilov, B.Ya., Bozhenok, S.Ya. On the issue of provocation of crimes // Russian Justice. – 2006. – No. 5. – Pp. 44–50. EDN: HTEWIT.
2. Гаврилов, Б.Я., Боженко, С.Я. О разграничении оперативно-розыскных мероприятий и провокации преступления (с учетом решения Европейского Суда по правам человека) // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. – 2006. – № 3. – С. 17–29.
Gavrilov, B.Ya., Bozhenok S.Ya. On the distinction between operational search measures and provocation of a crime (taking into account the decision of the European Court of Human Rights) // Newsletter of the Investigative Committee under the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – No. 3. – Pp. 17–29.
3. Гаврилов, Б.Я., Урбан, В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: законодательное регулирование и проблемы правоприменения // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 151–156. EDN: YSIIQP.
Gavrilov, B.Ya., Urban, V.V. The use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings: legislative regulation and problems of law enforcement // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4 (48). – Pp. 151–156. EDN: YSIIQP.
4. Гармаев, Ю.П. Защитные версии о провокации и об отсутствии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 930–937. DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3).930-937. EDN: XCNWPS.
Garmaev, Yu.P. Protective versions about provocation and the absence of grounds for conducting operational search activities // Baikal Research Journal. – 2025. – Vol. 16. – No. 3. – Pp. 930–937. DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3). EDN: XCNWPS.
5. Доля, Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. – 2012. – № 10. – С. 46–51. EDN: PHCWHV.
Dolya, E.A. Operational information: origin and relation to evidence // Legality. – 2012. – No. 10. – Pp. 46–51. EDN: PHCWHV.

6. Жарких, И.А. Актуальные вопросы разграничения правомерного оперативно-розыскного мероприятия и провокации преступления // Уголовное право. – 2021. – № 2 (126). – С. 19–24. EDN: SLKTIN.
Zharkikh, I.A. Actual issues of differentiation of lawful operational search activity and provocation of crime // Criminal law. – 2021. – № 2 (126). – Pp. 19–24. EDN: SLKTIN.
7. Клевцов, К.К. Оперативно-розыскная деятельность: дискуссионные вопросы // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1 (59). – С. 66–72. EDN: KSCMMZ.
Klevtsov, K.K. Operational investigative activities: controversial issues // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (59). – Pp. 66–72. EDN: KSCMMZ.
8. Королев, И.А. Оперативный эксперимент и провокация: вопросы теории и практики // Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 155–157. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-155-157. EDN: TTWDPD.
Korolev, I.A. Operational experiment and provocation: issues of theory and practice // Law and Pravo. – 2021. – No. 3. – Pp. 155–157. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-155-157. EDN: TTWDPD.
9. Кучин, О.С. Проблемы ОРД: оперативный эксперимент // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 1. – С. 154–161. DOI: 10.31085/2310-8681-2025-1-240-154-161. EDN: MLHZPO.
Kuchin, O.S. Problems of the ORD: an operational experiment // Union of Criminologists and Criminologists. – 2025. – No. 1. – Pp. 154–161. DOI 10.31085/2310-8681-2025-1-240-154-161. EDN: MLHZPO.
10. Омелин, В.Н. Оперативный эксперимент: понятие и правила проведения, исключающие провокацию преступления // Право и управление. – 2024. – № 9. – С. 392–395. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-9-392-395. EDN: EGD XOQ.
Omelin, V.N. Operational experiment: the concept and rules of conducting, excluding provocation of a crime // Law and management. – 2024. – No. 9. – Pp. 392–395. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-9-392-395. EDN: EGD XOQ.
11. Семенцов, В.А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 4. – С. 45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53. EDN: DKRDCR.
Sementsov, V.A. Provocation of a crime in operational investigative activities // Union of Criminologists and Criminologists. – 2020. – No. 4. – Pp. 45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53. EDN: DKRDCR.
12. Титова, А.С. Провокация преступления в уголовном праве Российской Федерации: содержание, классификация и правовая оценка // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 2 (2). – С. 6–16. EDN: JWUMXT.
Titova, A.S. Provocation of a crime in the criminal law of the Russian Federation: content, classification and legal assessment // Scientific research of crime and punishment. – 2025. – № 2 (2). – Pp. 6–16. EDN: JWUMXT.
13. Шаров, В.И. Оперативный эксперимент: о понятии и формальных основаниях его проведения // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 532–537. EDN: GOUKSU.
Sharov, V.I. Operational experiment: on the concept and formal grounds for its implementation // Legal technique. – 2025. – No. 19. – Pp. 532–537. EDN: GOUKSU.

Михайлов Валентин Иванович

профессор кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Российская Федерация
Москва

125167, г. Москва, вн.тер. г. муниципальный округ Хорошевский, пр-кт Ленинградский, д. 49/2

Mikhailov Valentin I.

Professor of the Department of International and Public Law at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Researcher at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Russian Federation
Moscow

125167, Moscow, Khoroshevsky Municipal District, 49/2 Leningradsky Ave

Статья

поступила в редакцию:
24.07.2026

одобрена после
рецензирования:
31.08.2026

принята к публикации:
21.09.2026

✉ vim2007@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 4422-4836

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5871-2612>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.102

Правовая оценка результатов оперативно-разыскной деятельности: понятие, направления использования и виды

Legal assessment of the results of operational investigative activities: the concept, areas of use and types

Аннотация. В статье анализируются направления оперативно-разыскной деятельности. Дается определение понятия «результаты оперативно-разыскной деятельности», показаны принципы и алгоритм их правовой оценки. Предметом правовой оценки выступает юридический факт, представляющий интерес для органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Показаны отличия правовой оценки от квалификации деяний, предусмотренных в Общей и Особенной частях УК РФ.

Актуальность темы обусловлена необходимостью расширения теоретических знаний о предусмотренных законодательством и поддерживаемых практикой направлениях осуществления оперативно-разыскной деятельности и использования ее результатов в решении различных социальных задач.

Целью исследования является выявление направлений осуществления оперативно-разыскной деятельности и возможностей использования ее результатов не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в иных предусмотренных законом случаях, формирование понятия «правовая оценка оперативной информации» и определение предмета оценки для всех направлений оперативно-разыскной деятельности.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ положений законодательства, закрепляющих направления осуществления оперативно-разыскной деятельности применительно к различным сферам социальной жизни и использования ее результатов, рассмотрение судебной практики и литературы по теме правовой оценки результатов оперативно-разыскной деятельности.

Результаты исследования. Показаны направления осуществления оперативно-разыскной деятельности не только в сфере судопроизводства, но и при принятии административно-управленческих

решений; в сфере налогообложения, регистрации юридических лиц, при осуществлении иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение; при обеспечении защиты государственной тайны; в противодействии коррупции и совершению правонарушений в исправительных учреждениях; обосновано, что предметом правовой оценки выступает юридический факт, под которым понимаются имеющие правовое значение деяния и события; обозначены отличия правовой оценки от квалификации преступлений.

Ключевые слова: правовая оценка, оперативно-разыскная деятельность, результаты оперативно-разыскной деятельности, направления оперативно-разыскной деятельности, квалификация преступления.

Annotation. The article analyzes the areas of operational investigative activity. It defines the concept of “results of operational investigative activity” and outlines the principles and algorithm for their legal assessment. The subject of legal assessment is a legal fact that is of interest to the bodies conducting operational investigative activity. The differences between legal assessment and the classification of acts provided for in the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation are shown.

The relevance of the topic is due to the need to expand theoretical knowledge about the areas of operational investigative activities provided for by law and supported by practice, as well as the use of their results in solving various social problems.

The aim of the study is to identify the areas in which operational investigative activities are carried out and the possibilities for using their results not only in criminal proceedings but also in other cases provided for by law; to formulate the concept of “legal assessment of operational information” and to define the subject of assessment for all areas of operational investigative activities.

The methodological basis of the study consisted of a formal legal analysis of the provisions of the legislation that establish the directions for carrying out operational investigative activities in relation to various spheres of social life and the use of their results, as well as an examination of judicial practice and literature on the legal assessment of the results of operational-investigative activities.

Research results. The directions for carrying out operational and investigative activities are shown not only in the field of legal proceedings, but also in the adoption of administrative and managerial decisions; in the field of taxation, registration of legal entities, and in the implementation of foreign investment in economic entities of strategic importance; in ensuring the protection of state secrets; in countering corruption and the commission of offenses in correctional institutions; it is substantiated that the subject of legal assessment is a legal fact, which refers to acts and events that have legal significance; the differences between legal assessment and the classification of crimes are outlined.

Keywords: legal assessment, operational-investigative activity, results of operational-investigative activity, directions of operational-investigative activity, qualification of a crime.

Для цитирования: Михайлов В.И. Правовая оценка результатов оперативно-разыскной деятельности: понятие, направления использования и виды // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 67–77.

For citation: Mikhailov Valentin I. Legal assessment of the results of operational investigative activities: the concept, areas of use and types // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 67–77.

Введение. На нормативном уровне понятие «результаты оперативно-разыскной деятельности» закреплено исключительно для целей уголовного судопроизводства. В соответствии с данным определением под ними понимаются полученные в установленном законом порядке сведения о признаках преступления, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих, совершивших или скрывшихся от органов дознания, следствия либо суда¹.

¹ Пункт 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ; Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу

В связи с этим в научной литературе основное внимание уделяется использованию результатов оперативно-разыскной деятельности именно в уголовном судопроизводстве [3; 6, с. 27; 17]. Более того, некоторые авторы со ссылкой на п. 36.1 ст. 5 УПК фактически исключают возможность использования результатов оперативно-разыскной деятельности для иных, чем уголовное судопроизводство и собственно оперативно-разыскная деятельность, целей, в частности для «дисциплинарной практики и кадровой работы в судебной системе» [1, с. 19]. Бесспорно, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, занимают важное место, но не исчерпывают весь потенциал оперативно-разыскной деятельности.

Основное содержание. В профильном федеральном законе при определении содержания результатов оперативно-разыскной деятельности используются такие термины, как «информация о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности», «материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана» и «материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров», «сведения» и «данные о событиях и действиях»¹.

В теории права результаты оперативно-разыскной деятельности определяются с использованием таких терминов, как «оперативная информация» [2]; «сведения о преступлении» [8], «оперативно-разыскная информация» [7]. Несмотря на разное терминологическое оформление указанных понятий, по сути, они взаимозаменяемы. Следует отметить, что такое положение характерно не только для Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», но и для иных нормативных правовых актов, в которых информация, сведения, данные, сообщения используются как взаимозаменяемые термины².

При этом следует заметить, что хотя закон и говорит о «результатах оперативно-разыскной деятельности», но на самом деле речь идет о результатах оперативно-разыскных мероприятий. В теории оперативно-разыскной деятельности имеются разные определения понятия «оперативно-разыскное мероприятие», обзор которых содержится, в частности, в работах И.П. Напхапенко, Е.Н. Билоуса и А.В. Федорова [12], а также В.Н. Омелина [13]. Мы исходим из того, что оперативно-разыскное мероприятие, независимо от того, в какой организационной форме (оперативная комбинация, операция) оно осуществляется, фактически направлено на добывание сведений (данных), входящих в предмет исследования по конкретному делу оперативного учета или первичным материалам либо необходимых для принятия на их основе иных юридически значимых решений в случаях, предусмотренных законодательством. Таким образом, концептуально содержание понятия «результаты оперативно-разыскной деятельности» обоснованно проявляется в сведениях (информации, данных), получаемых при проведении оперативно-разыскных мероприятий [11].

дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.07.2026).

¹ Статьи 2, 5, 7 и др. Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

² Ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», примечание 1 к ст. 272 УК РФ, ст. 74 УПК РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

В силу прямого указания в федеральных законах, иных нормативных правовых актах и решениях высших судебных органов страны результаты оперативно-разыскной деятельности используются не только в уголовном процессе, но и в следующих случаях:

- при принятии административно-управленческих решений;
- в деятельности по обеспечению государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности;
- при защите экономических интересов страны, в том числе в сфере налогообложения, регистрации юридических лиц, при осуществлении иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение;
- при обеспечении защиты государственной тайны;
- при противодействии коррупции;
- при исполнении наказаний, в том числе для обеспечения личной безопасности осужденных, персонала и иных лиц в исправительных учреждениях;
- при противодействии в исправительных учреждениях нарушениям порядка отбывания наказания;
- при розыске осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы;
- при содействии в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение¹;
- в других предусмотренных законодательством целях.

Подход, согласно которому направления результатов оперативно-разыскной деятельности определены также другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, соответствует ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», а также подтверждается судебной практикой² и поддерживается в теории [4; 16; 5; 14; 9].

Возможность применения мер государственно-правового реагирования к физическому или юридическому лицу возникает уже с момента совершения деяния или наступления определенного события. Как отмечалось ранее, направленность оперативно-разыскной деятельности заключается в получении сведений не только о преступлениях, но и об иных юридически значимых событиях и деяниях: административных и налоговых правонарушениях, картельных сговорах, а также обстоятельствах, подлежащих установлению при проверочных мероприятиях (в частности, при допуске к государственной тайне). В теории права действия и события, порождающие, изменяющие или прекращающие правоотношения, именуются юридическими фактами. Таким образом, общим для всех направлений оперативно-разыскной деятельности является добывание сведений (информации, данных) о юридических фактах и лицах (физических и юридических) в случаях, предусмотренных законодательством.

Однако для применения мер правового реагирования необходимо официально констатировать и процессуально зафиксировать юридический факт, а также установить круг

¹ Статьи 8¹ и 74 УПК РФ, ч. 6 ст. 13 Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»; п. 7 ч. 1 ст. 15.2 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»; п. 6 ч. 1 ст. 26 Федерального закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», п. 45 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.05.2025 № Ф05-6177/2025 по делу А41-50547/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

породивших его физических или юридических лиц. Только после этого определяется подлежащая применению правовая норма и реализуются предусмотренные ею предписания.

Информация, полученная органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, может быть использована лишь при условии, что она относится к конкретному юридическому факту, установление которого входит в его компетенцию. Для констатации относимости, допустимости и проверяемости таких сведений они подлежат обязательной правовой оценке.

В оперативно-разыскной деятельности под правовой оценкой понимается соотнесение полученной в ходе ее осуществления информации (сведений, данных) о выявленном юридическом факте с нормой права, в которой закреплена реакция на соответствующий юридический факт.

Целями правовой оценки являются установление наличия или отсутствия:
оснований для заведения дел оперативного учета соответствующих категорий;
признаков состава соответствующего деликта или иного юридического факта;
поводов и оснований для возбуждения уголовного дела или иного производства;
сведений для использования в доказывании;

сведений для принятия решения о допуске к участию в оперативно-разыскной деятельности и/или к материалам; об установлении или поддержании с лицом отношений сотрудничества; об обеспечении безопасности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность; о выдаче разрешений на частную детективную и охранную деятельность;

сведений для принятия решения о допуске к государственной тайне либо об отказе в таком допуске¹;

сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников, родственников и близких лица, совершившего террористический акт;

данных о достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с законодательством о противодействии коррупции, а также о соблюдении лицами, замещающими соответствующие должности, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, установленных запретов, ограничений и обязанностей²;

сведений для использования налоговыми органами при контроле и надзоре за соблюдением законодательства о налогах и сборах, при обеспечении представления интересов государства в делах о банкротстве, а также при государственной регистрации юридических лиц;

факта установления иностранным инвестором контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение³;

¹ Об утверждении Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне: постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2024 № 132 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

² Часть 7 ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению : утверждено Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2009 № 1065 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

³ Примером может быть дело о применении последствий недействительности сделок по приобретению акций акционерного общества «Порт Пермь», которые привели к установлению контроля иностранного инвестора Чарлза Батлера через цепочку подконтрольных ему лиц над хозяйствующим субъектом, имеющим стратегическое

поводов и оснований для возбуждения административного дела о правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»¹;

сведений для использования антимонопольными органами при реализации полномочий в целях противодействия картельным соглашениям [15];

необходимости решения других, предусмотренных законодательством задач.

Правовая оценка, с одной стороны, представляет собой логический мыслительный процесс, в ходе которого осуществляется всестороннее рассмотрение юридического факта и его соотнесение с нормами права, а с другой стороны – это результат указанных логических умозаключений, отраженный в оперативно-служебных документах. Основная цель правовой оценки состоит в том, чтобы определить степень соответствия/несоответствия признаков анализируемых юридических фактов положениям соответствующих норм права.

Выделяются фактические основания правовой оценки, под которыми понимается информация (сведения, данные) о преступлении, иных событиях или деяниях, относящихся к компетенции органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и юридические основания, под которыми понимаются нормы соответствующих отраслей законодательства.

Чтобы прийти к объективному выводу о законности и обоснованности принимаемых решений в ходе правовой оценки необходимо рассмотреть нормы разных отраслей законодательства, судебную практику, международные акты и другую юридически значимую информацию. Поэтому особое место правовой оценки в механизме правового регулирования определяется тем, что она выступает одним из условий, обеспечивающих качественную реализацию правовых норм [10, с. 75].

Процесс правовой оценки и ее отражения в оперативно-служебных документах подвержен следующим базовым принципам.

Объективность и произвольность. Правовая оценка должна быть основана на объективных критериях и фактах. Она не должна зависеть от личных убеждений или предубеждений лица, осуществляющего оценку.

Законность. Правовая оценка должна основываться на актуальных на момент оценки нормах законодательства. Вместе с тем в отдельных случаях допустимо или даже необходимо привлечение для правовой оценки отмененных или недействующих нормативных актов в целях понимания смысла применяемого акта. Субъект правовой оценки должен обладать достаточными знаниями положений законов, норм и правил, которые касаются данной ситуации.

Системность и самостоятельность. Правовая оценка должна учитывать все факторы и обстоятельства, необходимые для принятия оптимального решения. Лицу, проводящему оценку, следует принимать во внимание все аспекты, связанные с рассматриваемыми действиями или событиями.

значение : постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.02.2021 № Ф09-2339/18 по делу № А50-10758/2017. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

¹ Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных ст. 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории : письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167 // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.28 КоАП РФ : утвержден президиумом Верховного Суда Российской Федерации 08.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

Компетентность. Этот принцип имеет двоякое значение. Во-первых, правовая оценка должна проводиться лицом, обладающим соответствующими знаниями и опытом; во-вторых, результат правовой оценки имеет значение лишь в том случае, если она проведена лицом, уполномоченным на это.

Правовая оценка не всегда является единственным критерием принятия решений. Применительно к деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению преступлений и решению иных задач оперативно-разыскной деятельности, зачастую основой принятия соответствующего решения выступают не только соответствие/несоответствие исследуемого юридического факта тем или иным нормам законодательства, но и, прежде всего, политические, экономические, оборонные и другие жизненно важные интересы Российской Федерации.

Получаемая оперативная информация об интересующих органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, фактах, должна соотноситься с нормами уголовного, гражданского, уголовно-процессуального, антикоррупционного законодательства, законодательства об оперативно-разыскной деятельности, об административных правонарушениях, о государственной тайне, требованиями криминалистики и других отраслей права для своевременного правильного установления правовой нормы, которая определяет порядок применения соответствующих сил, средств и мер. В связи с этим, исходя из отраслевой принадлежности правовых норм, с которыми соотносятся признаки деяния, имеющиеся в оперативной информации, выделяются следующие виды правовой оценки:

- оперативная (оперативно-разыскная);
- уголовно-правовая;
- гражданско-правовая;
- антикоррупционная;
- административно-правовая;
- уголовно-процессуальная;
- криминалистическая;
- правовая оценка собственных действий органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность;
- иные виды.

Например, в сфере административного (управленческого) права правовая оценка применяется для определения законности действий государственных органов, решений соответствующих должностных лиц, применения административных наказаний и т.д. В гражданском праве правовая оценка применяется, в частности, при принятии решения об обращении в суд с иском об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы.

В зависимости от конкретной ситуации могут использоваться различные комбинации перечисленных видов оценок. На разных стадиях правовая оценка различается как по содержанию, так и по критериям, с помощью которых она осуществляется. Это связано, прежде всего, с тем, что правовая оценка непосредственно зависит от объема, качества и полноты имеющихся сведений.

Причем правовой оценке подлежат не только действия лиц, подозреваемых в совершении преступления, но и действия оперативных сотрудников, а также условия, в которых им приходится осуществлять планируемые оперативно-разыскные мероприятия. Так, игнорирование правового режима служебного помещения судьи приведет к потере доказательственного значения полученной информации.

Результаты анализа оперативной обстановки, осуществляемого на определенных этапах работы по делам оперативного учета, или развития ситуации на соответствующих участках отражаются, как правило, в оперативно-служебных документах.

При формировании алгоритма правовой оценки необходимо учитывать его сущностные свойства. Данный алгоритм – это не единая неделимая структура, он состоит из отдельных фаз, или действий; выполнение алгоритма направлено на достижение определенного результата, должно исключать неопределенность, разночтения и разногласия; алгоритм должен разрабатываться не для единичного случая правовой оценки, а для решения ситуаций и с другими исходными данными; структура алгоритма правовой оценки включает только действия, известные и понятные исполнителю, и также определяет конечный результат за конечное число шагов (фаз).

Практика показывает, что в общем виде оптимальной является следующая последовательность действий (фаз) при правовой оценке:

отбор и систематизация данных об исследуемом юридическом факте, имеющих правовое значение;

определение отраслевой принадлежности юридического факта;

выяснение конкретных норм, содержащих признаки исследуемого юридического факта, и установление их юридической силы;

определение всех теоретически возможных схем составов правонарушения, которые можно применить к реальным установленным обстоятельствам дела;

выявление «смежных» составов правонарушений, под которые подпадают признаки исследуемого деяния;

выбор конкретного состава правонарушения, соответствующего содеянному по объективным и субъективным признакам;

установление пробельных элементов в имеющейся информации;

при необходимости определение оперативно-разыскных мероприятий, в результате проведения которых можно получить недостающие данные.

Правовая оценка диалектична и, в связи с этим, естественно, применительно к каждому виду правовой оценки и ее фазе, общий алгоритм уточняется.

Результаты правовой оценки, проведенной лицом, уполномоченным на то законом или иным нормативным правовым актом, обеспечиваются силой государства. Например, сформированное при определении оснований для проведения такого оперативно-разыскного мероприятия, как прослушивание телефонных переговоров, решение при соблюдении предусмотренных законом условий приобретает юридически обязательное значение, а соответствующие государственные органы и должностные лица обязаны его исполнить.

Правовую оценку оперативной информации проводят оперативные сотрудники и их руководители. В соответствии с ведомственными нормативными актами органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, следователи могут участвовать в правовой оценке оперативной информации. Но и в таком случае за результаты правовой оценки и за обоснованность принимаемых на их основе решений о проведении оперативно-служебных мероприятий либо о применении административных и иных предусмотренных законодательством мер, а также о направлении результатов оперативно-разыскных мероприятий следователю, в суд и в иные государственные органы, отвечают оперативные сотрудники и соответствующие должностные лица.

Важно также отметить, что оперативные сотрудники в процессе своей оперативно-служебной деятельности обязаны применять специальные (оперативные) меры только при наличии оснований, в порядке и для целей, предусмотренных федеральными законами

и изданными в соответствии с ними иными правовыми актами. Правовая оценка в обязательном порядке осуществляется при принятии решений:

- о заведении сигнальных подборок и дел оперативного учета;
- о проведении оперативных (специальных) мероприятий;
- о направлении результатов оперативно-разыскной деятельности следователю, в налоговые и иные государственные органы;
- о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну, к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность;
- о допуске к участию в оперативно-разыскной деятельности или о доступе к материалам, полученным в результате ее осуществления;
- о предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности;
- о привлечении к административной и дисциплинарной ответственности;
- о приеме на работу и увольнении при назначении на ряд должностей в случаях, предусмотренных законодательством;
- о принятии решений миграционного характера, в том числе о неразрешении въезда в Российскую Федерацию;
- о замораживании (блокировании) имущества лиц, причастных к некоторым видам преступной деятельности;
- о принятии мер государственного принуждения административно-правового характера;
- о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 КоАП РФ;
- в иных предусмотренных законодательством случаях.

От понятия «уголовно-правовая оценка юридического факта при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» следует отличать понятие «уголовно-правовая квалификация деяния». Правовая оценка отличается от квалификации деяния, предусмотренного уголовным законом, прежде всего следующим:

фактическим основанием квалификации выступают деяния, сведения о деянии, содержащиеся в доказательствах, полученных в соответствии с УПК РФ. Фактическими основаниями уголовно-правовой оценки являются юридические факты, сведения о которых получены в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий;

в процессе квалификации всегда оцениваются уже совершенные деяния, в то время как факт совершения преступления может фиксироваться в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий;

результаты правовой оценки отражаются в рапорте оперативного сотрудника, проводившего соответствующее оперативно-разыскное мероприятие, в постановлении о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹, в справках, постановлениях о проведении конкретных специальных мероприятий и (или) заведении дел оперативного учета и в иных оперативно-служебных документах, в документах, направляемых в соответствующие государственные органы. Результаты квалификации отражаются в документах, предусмотренных УПК РФ.

¹ Пункты 6–9 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.07.2026).

Выводы. Законодательство об оперативно-разыскной деятельности и практика его применения эволюционируют в направлении расширения сфер использования результатов оперативно-разыскной деятельности. В то же время судебная практика показывает разнонаправленные тенденции: в одних случаях суды при принятии решения основываются на результатах оперативно-разыскной деятельности, а в других при рассмотрении аналогичных дел – исключают такую возможность.

Теоретические исследования, в которых с учетом особенностей каждого из направлений использования результатов оперативно-разыскной деятельности и соответствующих отраслей законодательства, были бы комплексно рассмотрены основания и условия использования данных результатов применительно к разным областям жизни общества и к формам их представления, насколько нам известно, не проводились. Все это требует междисциплинарного осмысления сложившегося положения дел.

Основная теоретическая проблема реализации результатов оперативно-разыскной деятельности сводится к отсутствию теоретической междисциплинарной основы, непротиворечиво объясняющей основания и условия использования результатов оперативно-разыскной деятельности в различных сферах социальной жизни, а также согласованной с учетом особенностей отраслевых наук методики правовой оценки результатов оперативно-разыскных мероприятий при их использовании в решении административно-правовых, экономических, кадровых и иных вопросов.

Список литературы / References

1. Антонов, И.А., Каширин, Р.М. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в дисциплинарном производстве в отношении судей: нонсенс современной правоприменительной практики // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 2. – С. 18–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-18-23. EDN: VQKRUR.

Antonov, I.A., Kashirin, R.M. The use of the results of operational investigative activities in disciplinary proceedings against judges: the nonsense of modern law enforcement practice // Criminal proceedings. – 2024. – No. 2. – Pp. 18–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-18-23. EDN: VQKRUR.

2. Башкатов, Л.Н., Козиллов, Е.Н. Понятие уголовно-процессуальной оценки оперативной информации и ее значение для реализации функции уголовного преследования // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 1. – С. 10–23. EDN: KWRFRD.

Bashkatov, L.N., Kozilov, E.N. The concept of criminal procedural assessment of operational information and its significance for the implementation of the function of criminal prosecution // Criminal proceedings. – 2008. – No. 1. – Pp. 10–23. EDN: KWRFRD.

3. Вердиян, Д.А. Правовой статус результатов оперативно-разыскной деятельности и их роль в доказательственной системе // Власть Закона. – 2025. – № 3. – С. 236–249. EDN: SBLYNI.

Verdyan, D.A. The legal status of the results of operational investigative activities and their role in the evidentiary system // The Rule of Law. – 2025. – No. 3. – Pp. 236–249. EDN: SBLYNI.

4. Гусев, В.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности: новые тенденции // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1. – С. 86–91. EDN: SEAQFL.

Gusev, V.A. The use of the results of operational investigative activities: new trends // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – No. 1. – Pp. 86–91. EDN: SEAQFL.

5. Дубоносов, Е.С., Малышев, А.С. Оперативно-розыскная деятельность при осуществлении иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение: теоретико-правовые аспекты и юридические факты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1. – Часть II. – С. 42–51. EDN: VXLISX.

Dubonosov, E.S., Malyshev, A.S. Operational investigative activities in the implementation of foreign investments in business entities of strategic importance: theoretical and legal aspects and legal facts // Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences 2016. – No. 1. Part II. – Pp. 42–51. EDN: VXLISX.

6. Захарцев, С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004. – 41 с.

Zakharcev, S.I. Theory and legal regulation of operational search activities. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. St. Petersburg. 2004. 41 p.

7. Кондратьев, М.В. Оценка оперативно-розыскной информации // Вестник ВИПК МВД России. – 2025. – № 4. – С. 123–129. DOI: 10.29039/2312-7937-2025-4-123-129. EDN: RPIIMNB.

Kondratiev, M.V. Evaluation of operational-investigative information // Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 4. – Pp. 123–129. DOI: 10.29039/2312-7937-2025-4-123-129. EDN: RPIIMNB.

8. Куклин, Д.В. Уголовно-правовая оценка сведений о преступлении, проводимая сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 1. – С. 54–63. EDN: BIXBVM.

Kuklin, D.V. Criminal and legal assessment of information about a crime conducted by employees of bodies engaged in operational investigative activities // Scientific research of crime and punishment. – 2025. – No. 1. – Pp. 54–63. EDN: BIXBVM.

9. Кутуков, С.А., Казак, И.Б., Грушин, Ф.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при доказывании по гражданским и арбитражным делам: теоретический и правовой анализ // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10. – С. 535–537. EDN: RYJCUZ.

Kutukov, S.A., Kazak, I.B., Grushin, F.V. The use of the results of operational investigative activities in proving civil and arbitration cases: theoretical and legal analysis // Law and the state: theory and practice. – 2024. – No. 10. – Pp. 535–537. EDN: RYJCUZ.

10. Максимов, Г.Б. Понятие правовой оценки и ее роль в правовом регулировании // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 1. – С. 72–75. EDN: PVFWKL.

Maksimov G.B. The concept of legal assessment and its role in legal regulation // Gaps in Russian legislation. – 2013. – No. 1. – Pp. 72–75. EDN: PVFWKL.

11. Михайлов, В.И. Проблемы межотраслевого правового регулирования использования результатов оперативно-разыскной деятельности // Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28–29 апреля 2022 года). Ч. 1 / под ред. Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. М.: ФКУ НИИ ФСИН России. – 2022. – С. 55–75. EDN: VITFLV.

Mikhailov, V.I. Problems of intersectoral legal regulation of the use of the results of operational investigative activities // Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 28–29, 2022). Part 1 / edited by G.V. Shcherbakov, G.S. Shkabin, Moscow: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. – Pp. 55–75. EDN: VITFLV.

12. Напхапенко, И.П., Билоус, Е.Н., Федоров А.В. К вопросу об определении понятия оперативно-разыскного мероприятия // Юрист-Правоведъ. – 2016. – № 3. – С. 81–85. EDN: WEMAPB.

Napkhapenko, I.P., Bilous, E.N., Fedorov, A.V. On the issue of defining the concept of operational investigative measures // Jurist-Pravoved. – 2016. – No. 3. – Pp. 81–85. EDN: WEMAPB.

13. Омелин, В.Н. Эволюция подходов к понятию «оперативно-разыскные мероприятия» // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 159–162. EDN: LRQCPZ.

Omelin, V.N. Evolution of approaches to the concept of «operational investigative measures» // Law and Management. – 2024. – No. 11. – Pp. 159–162. EDN: LRQCPZ.

14. Семенчук, В.В., Ларичев, В.Д. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при реализации полномочий налоговых органов по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 4. – С. 184–195. EDN: YVBMIC.

Semenchuk, V.V., Larichev, V.D. Peculiarities of using the results of operational investigative activities in the exercise of the powers of tax authorities to control and supervise compliance with legislation on taxes and fees // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2024. – No. 4. – Pp. 184–195. EDN: YVBMIC.

15. Семенчук, В.В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольными органами для противодействия картельным соглашениям // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 1. – С. 262–275. EDN: ENJLBC.

Semenchuk, V.V. Prospects of using the results of operational investigative activities by antimonopoly authorities to counteract cartel agreements // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 1. – Pp. 262–275. EDN: ENJLBC.

16. Спиридонов, П.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе – возможно или нет? // Административное право и процесс. – 2025. – № 11. – С. 36–40. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-11-36-40. EDN: IORTXE.

Spiridonov, P.E. Is the use of the results of operational investigative activities in the administrative process possible or not? // Administrative Law and Process. – 2025. – No. 11. – Pp. 36–40. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-11-36-40. EDN: IORTXE.

17. Шкабин, Г.С. Оперативно-разыскная квалификация и уголовно-правовая оценка: вопросы соотношения // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Выпуск 1. – 2026. – С. 33–36. EDN: HEYMSM.

Shkabin, G.S. Operational-investigative qualification and criminal-legal assessment: issues of correlation // Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2026. – V. 1. – Pp. 33–36. EDN: HEYMSM.

Тамбовцев Андрей Иванович

доцент кафедры оперативно-
разыскной деятельности в ОВД
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Tambovtsev Andrey I.

Associate Professor of the Department
of Operational-Investigative Activities
in Internal Affairs Agencies Saint
Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Doctor
of Law, Associate Professor

Статья

поступила в редакцию:
28.06.2026

одобрена после
рецензирования:
21.07.2026

принята к публикации:
21.09.2026

Российская Федерация
Санкт-Петербург

198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова 1

Russian Federation
St. Petersburg

198206, St. Petersburg, Letchika Pilyutova
St., 1

✉ bestcopat@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ) 8087-6609

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.102

Несовершеннолетний как особый субъект оперативно-розыскных правоотношений

A minor as a special subject of operational-investigative legal relations

Аннотация. Актуальность. В процессе решения задач оперативно-розыскной деятельности по противодействию преступности и обеспечению общественного порядка и безопасности сотрудники оперативных подразделений вступают в оперативно-розыскные правоотношения с различными категориями граждан, в том числе с несовершеннолетними лицами. При этом осуществление оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних или их привлечение к оказанию содействия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий имеет ряд существенных отличий, обусловленных именно возрастом и связанными с этим уголовно-процессуальным, административным, уголовно-исполнительным, оперативно-розыскным и некоторыми иными правовыми статусами, иммунитетами и запретами.

Целью настоящей статьи является исследование проблем участия несовершеннолетних лиц, как особых субъектов, в оперативно-розыскных правоотношениях.

Методы исследования. Работа основана на общенаучных методах анализа и синтеза, а также на специально-юридических методах: формально-юридическом (догматическом), сравнительно-правовом, системно-структурном.

В результате проведенного анализа автором констатируется несоответствие действующего оперативно-розыскного законодательства актуальным запросам оперативно-розыскной практики и насущная необходимость его скорейшей оптимизации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступность несовершеннолетних, несовершеннолетнее лицо, содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, субъект, оперативно-розыскные правоотношения.

Abstract. In the course of conducting operational investigative activities to combat crime and ensure public order and safety, officers of operational units engage in operational investigative legal relationships with various categories of citizens, including minors. However, the implementation of operational investigative activities with minors or their involvement in assisting in the preparation and conduct of operational investigative measures has a number of significant differences, stemming specifically from their age and related criminal procedural, administrative, penal, operational investigative, and certain other legal statuses, immunities, and prohibitions.

The purpose of this article is to study the problems of participation of minors, as special subjects, in operational-investigative legal relations.

Research methods. The work is based on general scientific methods of analysis and synthesis, as well as on special legal methods: formal legal (dogmatic); comparative legal; system-structural.

As a **result** of the analysis, the author concludes that current operational investigative legislation is inconsistent with the current needs of operational investigative practice and that its urgent optimization is essential.

Keywords: operational-search activity, juvenile delinquency, minor, assistance to bodies conducting operational-search activity, subject of legal relations, operational-search legal relations.

Для цитирования: Тамбовцев А.И. Несовершеннолетний как особый субъект оперативно-розыскных правоотношений // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 78–86.

For citation: *Tambovtsev Andrey I.* A minor as a special subject of operational-investigative legal relations // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 78–86.

Введение. В структуре современной криминальной ситуации преступность несовершеннолетних представляет собой весьма специфическое устойчивое социально опасное явление, требующее перманентного контроля и противодействия со стороны правоохранительных, административных органов государства и общественных организаций. Анализ научных трудов, посвященных противодействию преступности, наглядно свидетельствует об интересе представителей различных юридических наук и ведомств к проблемам преступности несовершеннолетних [3; 5; 15; 10; 14], что указывает на общественную опасность этого феномена и актуальность его систематических исследований, в том числе с позиций оперативно-розыскного противодействия. Одним из важнейших социально-правовых инструментов противодействия преступности вообще и преступности несовершеннолетних является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД).

В процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности вообще и оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в частности должностными лицами оперативных подразделений выявляются, помимо иных категорий лиц, несовершеннолетние, причастные к подготовке и совершению преступлений самых разных видов. В то же самое время деятельность по выявлению подготавливаемых несовершеннолетними и уже совершенных ими преступлений, а также по установлению непосредственных исполнителей и соучастников преступлений объективно требует привлечения лиц из числа несовершеннолетних к негласному содействию для обеспечения самой возможности получения оперативной информации из их среды. Это, в свою очередь, имеет целый ряд ограничений и запретов, предусмотренных уголовно-процессуальным, оперативно-розыскным, административным и иным законодательством. В контексте сказанного в настоящей работе мы рассмотрим правовой статус несовершеннолетних лиц как особых субъектов (участников) оперативно-розыскных правоотношений.

Теоретико-правовые предпосылки дифференциации правового статуса несовершеннолетнего в оперативно-розыскной деятельности. Возраст лица, будучи одним из основных показателей его физической, физиологической, ментальной, психологической, социальной и прочей состоятельности, практически во всех без исключения правовых системах является важнейшим критерием и условием для реализации лицом своих прав и свобод, исполнения обязанностей и несения ответственности. Однако отношение государства и общества к возрасту своих граждан и возрастной границе

совершеннолетия достаточно различно в зависимости от сферы жизнедеятельности и вида их активности. Наиболее яркими примерами дифференцированного подхода государств к возрасту гражданина и определяемым этим возрастом правам и свободам представляются неодинаковые в разных государствах возрастные цензы для таких видов социальной активности, как работа (трудовая деятельность), самостоятельное участие в гражданско-правовых сделках, служба в армии, создание семьи (вступление в брак), приобретение оружия, употребление алкоголя, вождение автомобиля, право избирать и баллотироваться и многих других. В том числе возраст является важнейшим критерием для правовой оценки действий (бездействия) лица, признания его участником (субъектом) оперативно-розыскных правоотношений, субъектом преступления, определения строгости и вида наказания, а также условий его исполнения.

В различных социально-правовых и религиозных системах современного мироустройства возраст совершеннолетия варьируется от 14 лет до 21 года и связан с целым рядом различных причин, о чем мы более подробно писали ранее [11; 12]. При этом в международном праве в соответствии со ст. 1 Конвенции о правах ребенка Организации Объединенных Наций «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»¹. Для Российской Федерации возраст совершеннолетия определен ст. 60 Конституции России и составляет восемнадцать лет. Из этого закономерно следует вывод, что все лица, не достигшие указанного возраста, считаются несовершеннолетними. В то же время ч. 1 ст. 87 «Уголовная ответственность несовершеннолетних» Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) конкретизирует этот возраст, ограничивая его периодом с 14 до 18 лет, очевидно соотнося его с минимальным возрастом привлечения к уголовной ответственности.

Несовершеннолетие, как недостижение лицом возраста восемнадцати лет, во многих отраслях права является фактором, определяющим целый ряд особых запретов, предписаний и условий, обязательных к соблюдению (исполнению) правоприменителем при реализации положений закона, кодекса или ведомственного нормативного правового акта в отношении данного лица. Отдельные статьи и даже главы, посвященные участию несовершеннолетних в тех или иных правоотношениях или применению правовых норм в отношении таких лиц, свойственны уголовному, уголовно-процессуальному³, уголовно-исполнительному⁴, гражданскому⁵, семейному⁶, трудовому⁷ кодексам, кодексу об административных правонарушениях⁸ и другим федеральным законам и кодексам Российской Федерации.

¹ Конвенция о правах ребенка Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 // Конвенции и соглашения / ООН : [сайт] – 2026. – URL:// https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 08.04.2026)

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Имеются такие нормы и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – закон об ОРД), Федеральном законе «О полиции»² (далее – закон о полиции), Федеральном законе Российской Федерации «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³ (далее – закон о содержании под стражей), Федеральном законе «Об участии граждан в охране общественного порядка»⁴ (далее – закон об участии граждан в ООП), которые, по нашему мнению, оказывают основополагающее влияние на правовое положение несовершеннолетнего лица в оперативно-розыскных правоотношениях и на совокупность функционально-правовых инструментов – сил, средств и методов, которые могут использоваться оперативными подразделениями в этих правоотношениях. При этом следует отметить, что большая часть указанных нюансов правового статуса несовершеннолетнего лица выражается в перечисленных в законах и кодексах нормах, представленных в виде запретов и предписаний, относящихся не столько к самому несовершеннолетнему, сколько к правоприменителю – должностному лицу правоохранительного органа.

Основываясь на анализе совокупности законов и кодексов, составляющих российское оперативно-розыскное законодательство⁵, можно констатировать, что несовершеннолетнее лицо рассматривается и определяется этими нормативными правовыми актами как особый субъект оперативно-розыскных отношений в части:

- возможности и порядка проведения в отношении несовершеннолетних оперативно-розыскных мероприятий (ОРД в целом), в том числе ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина;
- привлечения несовершеннолетних к содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;
- использования добровольной (волонтерской) помощи несовершеннолетних при решении задач оперативно-розыскной деятельности;
- применения специальных сил, средств и методов, а также института принуждения (в том числе физической силы, специальных средств и оружия) в отношении несовершеннолетних.

Будучи ограниченными объемом и форматом настоящей статьи в возможностях демонстрации хода и результатов сравнительного и содержательного анализа многочисленных авторских позиций, складывающейся правоприменительной практики и собственных рассуждений о положениях нормативных правовых актов, приведем тезисно основные позиции, определяющие, на наш взгляд, особый правовой статус несовершеннолетнего лица в оперативно-розыскной деятельности.

Возраст уголовной ответственности и задачи оперативно-розыскной деятельности. Во-первых, ст. 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности» закона об ОРД определяет основными задачами оперативно-розыскной деятельности выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. А в соответствии с положениями

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ В виду «открытого» формата статьи мы осознанно не включаем в этот перечень и далее не рассматриваем широкий ряд входящих в оперативно-розыскное законодательство ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих рассматриваемые аспекты ОРД и имеющих ограниченное распространение.

ст. 14 «Понятие преступления» УК РФ, преступлением является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания. Состав преступления включает в себя объект преступления, объективную сторону, субъект преступления и субъективную сторону. В данном случае необходимо иметь в виду, что субъектом преступления может являться только физическое лицо, соответствующее целому ряду обязательных критериев, среди которых – достижение установленного законом возраста уголовной ответственности за конкретное преступление (деяние, предусмотренное УК РФ).

Другими словами, общественно опасные деяния, совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, предусмотренной за совершение именно этих деяний, юридически не являются преступлениями. В подобном случае при буквальном толковании ст. 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности» закона об ОРД выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие данного деяния (которое формально не является преступлением) не может быть отнесено к задачам ОРД. В то же время ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» закона об ОРД запрещает осуществлять ОРД для решения задач, не предусмотренных настоящим федеральным законом.

Представим себе ситуацию, когда оперативным сотрудником получена упреждающая конфиденциальная информация о причастности конкретного несовершеннолетнего лица к подготовке или совершению преступления, субъектом которого он в связи с недостижением необходимого возраста не является. Отметим, что это весьма распространенные случаи для территориальных ОВД и для оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний. В соответствии с буквальным толкованием совокупности ст. 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности» и ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» закона об ОРД, действия оперативного сотрудника по документированию, предупреждению, пресечению и раскрытию такого деяния (формально не являющегося преступлением) будут противоправны и не подлежат осуществлению.

Считаем, что рассматриваемая парадоксальная ситуация является редакционной ошибкой законодателей, нуждающейся в скорейшем исправлении. В контексте же закона об ОРД преступление рассматривается как любое противоправное общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ. При этом для осуществления оперативно-розыскной деятельности, мы считаем, возраст лица не должен иметь юридического значение. В таком случае у сотрудников оперативных подразделений всегда будет возможность правомерно решать задачи ОРД, а именно – выявлять, предотвращать, пресекать или раскрывать подобные общественно опасные деяния (фактически являющиеся преступлениями) без оглядки на возраст фигуранта и не будучи ограниченными вопросами юридической квалификации его деяния и привлечения (или непривлечения) к уголовной ответственности, что является уже задачей следственных органов.

Кроме того, как указывал А.Е. Чечетин [9 с. 27], осуществление ОРД в отношении иных лиц, имеющих с несовершеннолетним лицом родственные, дружественные или иные связи, следует считать допустимыми, так как в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О¹, установление преступных связей проверяемого лица является одной из задач ОРД. Мы всецело разделяем

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

приведенную позицию и выдающегося ученого и Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовые основы конфиденциального содействия несовершеннолетних. Во-вторых, практически всеми без исключения учеными, изучавшими институт конфиденциального содействия [8; 6; 13; 4; 7], констатируется, что ч. 1 ст. 17 «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД не упоминает возраст лица при привлечении его к содействию, а ограничивает совершеннолетием лишь возраст заключения контракта о негласном содействии, что формально указывает на допустимость привлечения абсолютно любого лица к бесконтрактному содействию независимо от его возраста. Это в свою очередь указывает на гипотетическую возможность использования несовершеннолетних конфиденентов при осуществлении ОРД в отношении таких же несовершеннолетних, что представляется особенно актуальным для оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний, обслуживающих объекты (учреждения) принудительного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Однако в условиях длящегося научного спора о возможности и необходимости снижения возраста привлечения к содействию [2; 1] и при отсутствии в законе об ОРД конкретного запрета на привлечение несовершеннолетних к конфиденциальному содействию Верховным Судом Российской Федерации выражена позиция о допустимости использования негласного содействия лиц не моложе 16 лет органам, осуществляющим ОРД, исключительно на бесконтрактной основе.¹ Приведенный подход высшего судебного органа получил отражение в соответствующих положениях ведомственных нормативных актов МВД России и ФСИН России, регламентирующих различные организационно-тактические аспекты оперативно-розыскной деятельности, в том числе привлечение лиц к конфиденциальному содействию.

Следует признать, что, несмотря на имеющуюся объективную необходимость у оперативных сотрудников привлекать к негласному содействию лиц младше 16 лет для выявления, предупреждения и раскрытия широкого ряда преступлений, совершаемых несовершеннолетними (в том числе – террористического характера под кураторством украинских и западных спецслужб), делать это официально запрещено. Однако сказанное не означает запрета на получение информации вообще, вне рамок официального содействия.

Участие несовершеннолетних в волонтерской деятельности по поиску лиц. В-третьих, особым правовым статусом обладают (должны обладать) несовершеннолетние, принимающие участие в волонтерской (в части оказания добровольной помощи правоохранительным органам) деятельности. Учитывая возросшую популярность волонтерского (добровольческого) движения в России и интенсивность непосредственного участия в нем лиц несовершеннолетнего возраста, следует признать несостоятельность отдельных положений ранее упомянутого Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», регламентирующих рассматриваемые нами аспекты.

Статья 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона» указанного нормативного правового акта распространяет его (закона) действие исключительно на лиц, имеющих российское гражданство, чем существенно ограничивает круг лиц, готовых оказывать содействие в охране общественного порядка и розыске пропавших без вести. К тому же ч. 1 ст. 9 «Участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести» (как, впрочем,

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2004 № 891п2003 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и другие статьи закона об участии граждан в ООП, регламентирующие иные формы содействия) устанавливает минимальный возраст лиц, участвующих в розыске пропавших без вести – восемнадцать лет. Эти положения не соответствуют формальным положениям ст. 17 «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД, согласно которой гражданство и возраст лица, оказывающего содействие, не имеют значения.

Однако практика привлечения представителей добровольческих поисковых отрядов к розыску пропавших без вести указывает на возможность их легитимного и эффективного использования для мониторинга социальных сетей, опроса жильцов в многоквартирных домах, коллективного прочесывания участков жилой и нежилой местности, распространения бумажных и электронных объявлений, что может осуществляться (и уже длительное время осуществляется) в том числе и несовершеннолетними лицами. Рассматриваемые же нормы закона об участии граждан в ООП фактически запрещают несовершеннолетним лицам принимать участие в охране общественного порядка и в поиске лиц, пропавших без вести, а органам внутренних дел – использовать подобную помощь. Учитывая изложенное, следует признать необходимость скорейшей оптимизации (приведения в соответствие) норм закона об ОРД и закона об участии граждан в ООП.

Применение мер принуждения и проведение ОРМ в отношении несовершеннолетних. В-четвертых, несовершеннолетние лица в связи с их преступной деятельностью и связанными с этим последствиями могут подвергаться правомерному воздействию уголовно-процессуальных, административно-распорядительных, оперативно-розыскных и иных мер принуждения, включая применение в отношении них физической силы, специальных средств и даже оружия. В этой связи следует признать, что использование данного принудительного инструментария также имеет целый ряд ограничений, что делает несовершеннолетних особым субъектом данных правоотношений.

Тут необходимо пояснить, что сам по себе закон об ОРД не имеет каких-то особых ограничений на применение оперативно-розыскных сил, средств и методов в отношении несовершеннолетних. Однако проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) зачастую предполагает не просто получение оперативно значимой информации, но также и задержание лица, причастного к преступной деятельности, ограничение подвижности и/или свободы передвижения, обнаружение и изъятие у него различных объектов (похищенного имущества, орудий преступлений, предметов и веществ ограниченного или запрещенного оборота и пр.). В этих случаях, ввиду отсутствия в законе об ОРД отдельных норм, целенаправленно регламентирующих данные аспекты, используются соответствующие нормы уголовно-процессуального, административного или исполнительного законодательства – УПК РФ, закона о полиции, кодекса об административных правонарушениях, уголовно-исполнительного кодекса, закона о содержании под стражей с соответствующими именно им ограничениями и запретами.

Кроме того, проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий в отношении или с участием несовершеннолетних (как правило, даже малолетних) лиц, может потребовать соблюдения особых условий, аналогичных уголовно-процессуальным условиям при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних лиц.

Заключение. Подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать следующее. Современное российское оперативно-розыскное, уголовно-процессуальное, административное, уголовно-исполнительное законодательство рассматривает несовершеннолетнего лица как особого субъекта оперативно-розыскных правоотношений. Это требует от оперативных сотрудников и МВД России, и ФСИН России (а также всех иных

субъектов ОРД) соблюдения целого ряда обязательных условий и запретов в части использования уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного инструментария, специальных сил, средств и методов как в отношении несовершеннолетних, так и с их деятельным участием.

В то же время федеральное законодательство и ведомственная нормативная правовая база МВД России и ФСИН России не в полной мере соответствуют актуальным запросам правоприменительной оперативно-розыскной практики противодействия преступности несовершеннолетних. Правовое регулирование нуждается в скорейшей оптимизации, приведении в соответствие отдельных положений и предписаний Федеральных законов и кодексов, прямо или косвенно регламентирующих правовой статус несовершеннолетних лиц.

Список литературы /References

1. Абрамов, И.А. К вопросу о возрасте лиц, оказывающих негласное содействие на контрактной основе, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 10. – С. 77–82. DOI: 10.23672/v1670-8110-1891-f. EDN: CRBSKJ.

Abramov I.A. K voprosu o vozraste lic, okazyvayushchih neglasnoe sodejstvie na kontraktnoj osnove, organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. – № 10. – Pp. 77–82. DOI: 10.23672/v1670-8110-1891-f; EDN: CRBSKJ.

2. Алексеев, А.И., Вагин, О.А., Закаляпин, Д.В. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. – М.: Проспект, 2011. – 176 с.

Alekseev, A.I., Vagin, O.A., Zakalyapin, D.V. i dr. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» (postatejnij) / pod red. A.I. Alekseeva, V.S. Ovchinskogo. – М.: Prospekt, 2011. – 176 s.

3. Абызов, Р.М. Преступность, связанная с несовершеннолетними, или «криминология несовершеннолетних» // Вестник алтайской науки. – 2009. – № 4. – С. 133–137. EDN: KYKYQF.

Abyzov, R.M. Prestupnost', svyazannaya s nesovershennoletnimi, ili «kriminologiya nesovershennoletnih» // Vestnik altajskoj nauki. – 2009. – № 4. – Pp. 133–137. EDN: KYKYQF.

4. Гусев, В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография. – М.: издательский дом Шумиловой И.И., 2014. – 127 с. ISBN: 978-5-89784-190-5 EDN: UBNIHF.

Gusev V.A. Prava operativnyh podrazdelenij policii: zakonodatel'stvo i praktika: monografiya. – М.: izdatel'skij dom Shumilovoj I.I., 2014. – 127 s. ISBN: 978-5-89784-190-5 EDN: UBNIHF.

5. Забрянский, Г.И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности): монография. М.: Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2013. – 352 с. EDN: RXGWER.

Zabryanskij, G.I. Kriminologiya nesovershennoletnih (sociologiya prestupnosti): monografiya. М.: Rossijskaya Akademiya advokatury i notariata, 2013. – 352 s. EDN: RXGWER.

6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / О.А. Вагин [и др.]; вступ. ст. В.Д. Зорькина. – М.: Норма, 2006. – 448 с. ISBN: 5-89123-991-4. EDN: JVUSWJ.

Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». S prilozheniem reshenij Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii i Evropejskogo suda po pravam cheloveka / O.A. Vagin [i dr.]; vstup. st. V.D. Zor'kina. – М.: Norma, 2006. – 448 s. ISBN: 5-89123-991-4. EDN: JVUSWJ.

7. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 488 с. ISBN: 978-5-00156-213-9 DOI: 10.12737/1842505. EDN: RLUBBP.

Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» / pod red. V.S. Ovchinskogo. – М.: Norma: INFRA-M, 2022. – 488 s. ISBN: 978-5-00156-213-9 DOI: 10.12737/1842505 EDN: RLUBBP.

8. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов / Авт.-сост. А.Ю. Шумилов. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2002. – 342 с.

Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». S postatejnym prilozheniem normativnyh aktov i dokumentov / Avt.-sost. A.Yu. Shumilov. 4-e izd., ispr. i dop. – М.: Izd-l' Shumilova I.I., 2002. – 342 s.

9. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А.Е. Чечёткина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 304 с. EDN: STDGNA.

Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» / pod red. A.E. Chechyotina. – Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2022. – 304 s. EDN: STDGNA.

10. Родина, Е.Ю. Тактика производства процессуальных действий с участием малолетних: дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: СПбУ МВД РФ, 2024. – 278 с. EDN: YVUEUE.

Rodina, E.Yu. Taktika proizvodstva processual'nykh deystvij s uchastiem maloletnih: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb.: SpbU. MVD RF, 2024. – 278 s. EDN: YVUEUE.

11. Тамбовцев, А.И., Павличенко, Н.В. Возраст содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, как правовая категория // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 4 (63). – С. 139–145. DOI: 10.25724/VAMVD.A067. EDN: SWWRMA.

Tambovcev, A.I., Pavlichenko, N.V. Vozrast sodejstviya organam, osushchestvlyayushchim operativno-razysknuyu deyatel'nost', kak pravovaya kategoriya // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2022. – № 4 (63). – Pp. 139–145. DOI: 10.25724/VAMVD.A067 EDN: SWWRMA.

12. Тамбовцев, А.И., Павличенко, Н.В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен: монография. – Москва : Проспект, 2022. – 344 с. EDN: HTVLTE.

Tambovcev, A.I., Pavlichenko, N.V. Sodejstvie grazhdan pravoohranitel'nyh organam kak social'no-pravovoj fenomen: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2022. – 344 s. EDN: HTVLTE.

13. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 832 с. ISBN: 5-16-002437-9. EDN: VVQJKN.

Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Uchebnik / Pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. – M.: INFRA-M, 2006. – 832 s. ISBN: 5-16-002437-9 EDN: VVQJKN.

14. Шестакова, Е.В. Криминологическое противодействие общественно опасному поведению несовершеннолетних специализированными учреждениями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: СПбУ МВД РФ, 2024. – 225 с. EDN: TAIQZB.

Shestakova, E.V. Kriminologicheskoe protivodejstvie obshchestvenno opasnomu povedeniyu nesovershennoletnih specializirovannymi uchrezhdeniyami organov vnutrennih del: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb.: SPbU MVD RF, 2024. – 225 s. EDN: TAIQZB.

15. Юзиханова, Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – С. 82–87. EDN: TEMQDP.

Yuzihanova, E.G. Statisticheskie pokazateli i tendencii prestupnosti nesovershennoletnih v novejshej Rossii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2014. – № 4 (30). – Pp. 82–87. EDN: TEMQDP.

Шкабин Геннадий Сергеевич

главный научный сотрудник
Центра исследования проблем
обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-
исполнительной системы
ФКУ НИИ ФСИН России, доктор
юридических наук, профессор

Российская Федерация
Москва

125130, г. Москва ул. Нарвская д.15а

Shkabin Gennadiy S.

Chief Researcher of the Research
Center (SIC) - 3, Research institute
of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Doctor
of Law, Professor

Russian Federation
Moscow

125130, Russia, Moscow, st. Narvskaya, 15a

Статья

поступила в редакцию:
27.08.2026

одобрена после
рецензирования:
09.09.2026

принята к публикации:
21.09.2026

✉ sgsryaz@ya.ru

SPIN-код: 4402-5316

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1908-668X>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.102

**Теория и практика оперативно-разыскной деятельности
в системе уголовно-правовых наук: в свете научного наследия
профессора К.К. Горяинова**

**Theory and Practice of Operational-Investigative Activity
in the System of Criminal Law Sciences: In Light of the Scientific Heritage
of Professor K. K. Goryainov**

Аннотация. В представленной обзорной статье всесторонне освещаются итоги Всероссийской научно-практической конференции «Оперативно-разыскная деятельность в системе уголовно-правовых наук», состоявшейся 29–30 апреля 2026 года на базе ФКУ НИИ ФСИН России и посвященной памяти выдающегося отечественного правоведа, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации К.К. Горяинова.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена трансформацией преступности, переходом значительной части криминальной активности в информационно-телекоммуникационную среду, а также нарастающими угрозами экстремистского и террористического характера.

Цель: критический анализ, систематизация и интеграция представленных на конференции научных взглядов, нормативных инициатив и практических рекомендаций.

Методы. Методологическую основу обзорного исследования составили контент-анализ материалов и докладов участников конференции, систематический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также методы обобщения и классификации.

Результаты. В статье сформирована аналитическая картина современного состояния теории и практики оперативно-разыскной деятельности. Систематизированы ключевые выводы научной дискуссии. Обоснована необходимость законодательного закрепления полномочий оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по проведению оперативно-разыскных мероприятий для обеспечения режима и профилактики правонарушений; обобщены концепции использования искусственного интеллекта и OSINT в оперативно-разыскных целях; выработаны алгоритмы совершенствования агентурной работы и ликвидации финансовой базы криминальных структур; высказаны предложения по институциональному развитию научного наследия К.К. Горяинова.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, уголовно-правовые науки, К.К. Горяинов, искусственный интеллект, противодействие преступности, межведомственное взаимодействие.

Abstract. This review article provides a comprehensive overview of the proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Operational-Investigative Activity in the System of Criminal Law Sciences,"

held on April 29–30, 2026, at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FKU NII FSIN of Russia) and dedicated to the memory of the prominent legal scholar, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor K. K. Goryainov.

Relevance. The relevance of the discussed issues is determined by the transformation of modern crime patterns, the migration of a significant portion of criminal activity into the information and telecommunications environment, as well as the escalating threats of terrorism and extremism.

Purpose. The purpose of this article is to conduct a critical analysis, systematization, and integration of the theoretical perspectives, legislative initiatives, and practical recommendations presented at the conference.

Methods. The methodological framework of the study includes content analysis of conference materials and presentations, systematic, comparative legal, and formal-legal methods, as well as methods of synthesis, scientific generalization, and classification.

Results. The article constructs a comprehensive analytical picture of the current state of the theory and practice of operational-investigative activity (OIA). The key outcomes of the scientific discussion are systematized: the necessity of legislative consolidation of the authority of penal system operational units to conduct operational-investigative measures for ensuring the penitentiary regime and crime prevention is substantiated; conceptual approaches to utilizing Artificial Intelligence (AI) and Open-Source Intelligence (OSINT) tools for operational-investigative purposes are generalized; algorithms for improving undercover operations (confidential collaboration) and neutralizing the financial assets of criminal structures ("obshchaks") are formulated; proposals for the institutional development and preservation of Professor K. K. Goryainov's academic heritage (including the "Goryainov Club" initiative) are outlined.

Keywords: operational-investigative activity, penal system, criminal law sciences, K. K. Goryainov, artificial intelligence, crime counteraction, interagency cooperation.

Для цитирования: Шкабин Г.С. Теория и практика оперативно-разыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук: в свете научного наследия профессора К.К. Горяинова // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 87–96.

For citation: Shkabin Gennadiy S. Theory and Practice of Operational-Investigative Activity in the System of Criminal Law Sciences: In Light of the Scientific Heritage of Professor K. K. Goryainov // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 87–96.

29–30 апреля 2026 года в Федеральном казенном учреждении «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – ФКУ НИИ ФСИН России или институт) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Оперативно-разыскная деятельность в системе уголовно-правовых наук». Данное научно-представительское мероприятие имеет особый памятный статус, поскольку посвящено памяти выдающегося отечественного правоведа, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Константина Константиновича Горяинова. Мероприятие объединило ведущих ученых – специалистов в области теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), а также представителей профессорско-преподавательского состава образовательных организаций и практических сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

В начале конференции с приветственным словом к участникам обратился начальник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук **Александр Владимирович Хабаров**. В своем выступлении он акцентировал внимание на высоком научно-практическом потенциале института, выступающего традиционной площадкой для обсуждения наиболее острых проблем исполнения уголовных наказаний и обеспечения правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Руководитель научно-исследовательского института указал на динамику развития конференции, которая расширяет межведомственные границы, вовлекая в дискуссию представителей научного сообщества и практиков, что позволяет вырабатывать сбалансированные подходы к разрешению возникающих проблем.

Открывая пленарное заседание, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор **Геннадий Сергеевич Шкабин** отметил фундаментальное значение теоретического наследия К.К. Горяинова для современной юридической науки. Выступающий подчеркнул, что глубина научных трудов профессора определила долгосрочные направления интеграции оперативно-разыскной деятельности в общую систему наук уголовно-правового блока.

Памятную линию продолжения семейных и научных традиций поддержала дочь ученого – доцент кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук **Алла Константиновна Руденко**. В своем обращении к аудитории она выразила признательность руководству и коллективу Института за сохранение памяти о Константине Константиновиче, подчеркнув, что главным делом его жизни всегда было служение науке и воспитание молодых исследователей, многие из которых сегодня составляют ядро разработчиков современной оперативно-разыскной доктрины.

В приветственном слове советника Министра внутренних дел Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации **Владимира Семеновича Овчинского** была отмечена масштабность личности К.К. Горяинова как государственного мыслителя и ученого. В.С. Овчинский указал, что фундаментальные монографические исследования профессора, посвященные теории и практике ОРД, не теряют своей актуальности и в современных условиях глобальной цифровизации и трансформации преступности, выступая базисом для разработки новых правовых механизмов защиты государственных интересов.

Участники торжественного открытия констатировали, что проведение конференции памяти профессора К.К. Горяинова позволяет не только отдать дань уважения великому ученому, но и консолидировать усилия ученых и практиков для оперативного реагирования на современные криминальные вызовы.

Теоретико-методологические основы и межгосударственная интеграция правового регулирования оперативно-разыскной деятельности.

Программа первого дня Всероссийской научно-практической конференции была ориентирована на обсуждение фундаментальных методологических, конституционно-правовых и международных аспектов оперативно-разыскной деятельности в общей системе наук уголовно-правового цикла. В этот день прозвучала серия докладов, посвященных как осмыслению теоретического наследия профессора К.К. Горяинова, так и выработке стратегических подходов к реформированию законодательства в условиях современных геополитических и технологических вызовов.

Сессию открыл главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор **Николай Викторович Румянцев** с сообщением на тему *«Теоретическое наследие профессора К.К. Горяинова и современные векторы развития оперативно-разыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе»*. Докладчик подчеркнул, что в современных условиях обеспечение национальной безопасности и сохранение системы правовых, политических, экономических и социокультурных ценностей выступает приоритетной задачей государства. Существенной деструктивной угрозой в данной области признана противоправная деятельность экстремистских и террористических организаций, которая транслирует реальную опасность для всего комплекса охраняемых объектов, включая органы и учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Профессор указал на интенсификацию информационно-пропагандистской работы радикальных сообществ, направленной на вовлечение российских

граждан (прежде всего молодежи) в противоправную деятельность и создание законспирированных диверсионно-террористических ячеек. Спикер акцентировал внимание на требованиях Президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости консолидации усилий правоохранительных органов для своевременного пресечения указанных проявлений. В качестве одного из механизмов противодействия деструктивным угрозам автор выделил активизацию научного обеспечения деятельности оперативных подразделений и выработку комплексных мер в сфере осуществления оперативно-разыскной деятельности.

С концептуальным докладом *«Правовые позиции Конституционного Суда как источник оперативно-разыскного права»* выступил начальник Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации **Олег Александрович Вагин**. Докладчик обосновал теоретический тезис о необходимости признания законодательства об оперативно-разыскной деятельности самостоятельной отраслью российского права, а решений Конституционного Суда Российской Федерации его полноценным источником.

Было подчеркнуто, что обязательному учету в правоприменительной практике подлежат правовые позиции суда, изложенные не только в итоговых постановлениях, но и в мотивировочных частях определений, включая так называемые «отказные» определения. Автор указал на необходимость перехода к активной модели современной ОРД и допустимость использования ее результатов в гражданском и арбитражном процессах. Выступление О.А. Вагина вызвало оживленное обсуждение среди участников пленарного заседания. Отвечая на вопросы, он сформулировал ряд дискуссионных тезисов:

Законодательное закрепление дефиниции каждого конкретного оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) нецелесообразно, поскольку объекты оперативного интереса не должны обладать детальной информацией о тактико-техническом содержании проводимых в отношении них действий.

Проведение глобальной кодификации оперативно-разыскного законодательства на современном этапе избыточно, так как регулятивного потенциала Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» остается достаточно для решения стоящих перед правоохранительными органами задач.

ОРД находится в постоянном развитии и объективно должна соответствовать реальности. В данной связи, было отмечено, что, например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе гражданки Черновой, ограничивающее толкование термина «противоправное деяние» исключительно рамками уголовно наказуемых деяний, в определенной степени устарело.

При формировании своих позиций Конституционный Суд активно учитывает не только материалы судебной практики, но и научные суждения, хотя прямые ссылки на результаты конкретных диссертационных или монографических исследований в текстах определений традиционно не фигурируют.

Освещение проблем правового регулирования ОРД продолжил главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник юстиции **Валентин Иванович Михайлов** в докладе *«Государственная политика гуманизации законодательства уголовно-правового цикла и ее отражение в концепциях национальной безопасности Российской Федерации»*.

Профессор отметил, что гуманизм выступает фундаментальным принципом правового регулирования противодействия преступности. Это требует сбалансированного подхода – защиты интересов общества и личности при одновременном уважении прав лица, совершившего противоправное деяние. Ученый указал, что в механизме государственного воздействия на преступность уголовный закон выполняет важную, но относительно скромную роль, уступая ведущей роли государства в определении комплексной нормативной политики.

Гуманизация уголовно-правовой сферы, по мнению докладчика, реализуется через декриминализацию, расширение оснований освобождения от ответственности, применение мер, альтернативных изоляции от общества, административную преюдицию, а также институты малозначительности и деятельного раскаяния. Спикер привел значимые статистические данные, отражающие динамику реализации данной политики: если в 2000 году в Российской Федерации было осуждено 1,184 млн человек, то к 2025 году этот показатель снизился до 545 тыс. человек. Из общего числа осужденных в 2025 году реальное лишение свободы было назначено 125 тыс. граждан (26 %), в то время как альтернативные меры наказания составили 71 % (320 тыс. человек). Вместе с тем государственная политика сохраняет жесткость в отношении лидеров криминальной среды и лиц, совершивших особо тяжкие посягательства. Так, в 2025 году было вынесено 100 приговоров к пожизненному лишению свободы, что является рекордным показателем для современной России.

Международно-правовой блок пленарного заседания представил главный научный сотрудник 3 отдела научно-исследовательского центра № 2 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент **Алексей Александрович Маслов** с докладом *«О ходе разработки модельного закона ОДКБ „Об основах оперативно-разыскной деятельности“»*. Разработка данного нормативного акта осуществляется совместно ВНИИ МВД России и Центром исследования проблем безопасности РАН в рамках реализации п. 3 Программы Парламентской Ассамблеи (далее – ПА) ОДКБ по разработке правовых актов до 2030 года. Спикер сообщил, что 26 марта 2026 года на заседании Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ был представлен не просто проект концепции, а полноценный рабочий вариант модельного закона, включающий преамбулу, 6 глав и 56 статей. Документ закладывает единую правовую модель регулирования ОРД и систему гарантий законности при проведении ОРМ в реальной и цифровой средах на пространстве государств – членов организации.

Обосновывая наименование акта (*«Об основах оперативно-разыскной деятельности»*), А.А. Маслов отметил, что исторические попытки жесткой кодификации ОРД в формате кодексов не увенчались успехом в силу специфики предмета регулирования. Новизна разработанного проекта заключается в четком разграничении законодательных основ и сферы инициативного ведомственного регулирования, модернизации понятийного аппарата ОРД, а также в нормативном закреплении правил осуществления ОРМ в цифровой среде с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) и искусственного интеллекта.

Вопросы технологической модернизации оперативно-разыскного процесса были детализированы в выступлении профессора кафедры оперативно-разыскной деятельности юридического факультета Академии ФСИН России, доктора юридических наук, доцента **Станислава Станиславовича Епифанова** на тему *«Результаты исследований в области частной теории научно-технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе»*. Отметив вклад профессора К.К. Горяинова в обособление теории ОРД в УИС, докладчик перешел к анализу современных криминальных

реалий. Спикер привел данные, согласно которым каждое третье зарегистрированное в Российской Федерации преступление совершается с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации. В данных условиях тактика проведения ОРМ должна внедрять инновационные модели, включая системы искусственного интеллекта, алгоритмы оперативного поиска в интернет-среде и сетевых ресурсах, а также использовать опыт специальной военной операции (СВО) в части применения методов разведывательно-поисковой работы. С.С. Епифанов представил авторскую структуру междисциплинарной частной теории научно-технического обеспечения ОРД, которая, помимо традиционных оперативно-технического и технико-криминалистического блоков, включает подсистемы инженерно-технического, информационно-технического, информационно-аналитического обеспечения и средств безопасности.

Заместитель начальника юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы **Андрей Александрович Нуждин** выступил с докладом «*Взаимодействие субъектов расследования с оперативными уполномоченными оперативных подразделений ФСИН России (в контексте предупреждения пенитенциарных преступлений)*». Докладчик отметил, что эффективность предупреждения преступлений в местах лишения свободы напрямую зависит от согласованности действий следователя (дознателя) и оперативных сотрудников УИС. Однако текущая практика выявила значимую проблему: оперативные уполномоченные УИС, являясь основными носителями криминалистически значимой информации о среде осужденных, фактически отстранены от полноценного процессуального участия в следственных действиях. А.А. Нуждин обосновал необходимость четкого нормативного закрепления порядка взаимодействия субъектов расследования с должностными лицами УИС, включая их обязательное участие в планировании расследования и выработке алгоритмов по устранению причин и условий, способствовавших совершению деяния.

Специфике оперативной работы с уязвимыми категориями спецконтингента было посвящено выступление доцента кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидата юридических наук, доцента **Антон Валерьевич Кисляков** на тему «*Оперативно-разыскная деятельность в механизме исправления осужденных с психическими расстройствами: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты*». Автор констатировал, что в настоящее время оперативные аппараты исправительных учреждений (ИУ) не всегда эффективно реализуют имеющуюся информацию в целях исправления данной категории лиц. Зачастую оперативно значимые сведения о личности осужденного с психическими аномалиями «придерживаются» и не передаются медицинскому или психологическому персоналу. Спикер выделил уголовно-правовой аспект проблемы (отсутствие влияния состояния вменяемости на оценку степени тяжести правонарушения в ИУ) и оперативно-разыскной аспект, призвав к разработке механизмов безопасной интеграции оперативных данных в программы медико-психологического сопровождения и воспитательной работы.

Завершил пленарную сессию первого дня главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор **Александр Сергеевич Дугенец** с докладом «*Актуальные проблемы оперативно-разыскной деятельности в условиях геополитической напряженности*». Профессор А.С. Дугенец указал на резкое возрастание роли ОРД в учреждениях УИС на фоне глобальной нестабильности и роста радикальных настроений. Данный тезис подтверждается произошедшими резонансными терактами в отношении высших должностных лиц Министерства обороны Российской Федерации, а также чрезвычайными ситуациями в территориальных органах ФСИН России

по Ростовской и Волгоградской областям, повлекшими прямую угрозу жизни персонала исправительных учреждений.

Особую актуальность, по мнению автора, приобретает своевременное выявление латентных разногласий в среде осужденных – в частности, между деструктивно настроенными лицами. Участвовавшие случаи фиксации фактов преступного сотрудничества граждан с иностранными спецслужбами в ущерб безопасности нашей страны требуют от оперативных подразделений ФСИН России оперативного изменения тематической направленности ОРД и перехода от статического ситуационного управления к динамической работе на опережение. Также докладчик обозначил технический аспект безопасности персонала УИС, призвав к разработке жестких мер по недопущению несанкционированного доступа к информационным системам госорганов и операторов связи, исключающих утечку персональных данных сотрудников в открытый доступ.

Таким образом, по итогам первого дня работы конференции участниками были детально обсуждены и зафиксированы ключевые доктринальные ориентиры развития теории ОРД, определены правовые рамки интеграции решений Конституционного Суда Российской Федерации в оперативно-разыскную практику и намечены пути цифровизации и международной унификации нормативной базы правоохранительных органов стран – участниц ОДКБ.

Оперативно-разыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе и прикладные проблемы противодействия современным вызовам.

Второй день работы Всероссийской научно-практической конференции (30 апреля 2026 года) был посвящен предметному обсуждению прикладных аспектов оперативно-разыскной деятельности в пенитенциарной системе, проблемам профилактики преступлений среди осужденных, а также противодействию новым угрозам государственной безопасности.

Открыл дискуссионную панель ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент **Алексей Вячеславович Агарков**, который выступил с темой *«Оперативно-разыскная деятельность в следственных изоляторах: пробелы законодательства»*. Ученый указал на системное противоречие: согласно ст. 1 и 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, ОРД осуществляется исключительно в целях борьбы с преступностью. Однако на практике оперативные подразделения следственных изоляторов (СИЗО) решают широкий спектр «режимных» задач: недопущение нарушений режима содержания, профилактика суицидов, обеспечение изоляции. Если для исправительных колоний подобные задачи прямо легализованы ст. 84 УИК РФ, то в Федеральном законе от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» аналогичная норма отсутствует. А.В. Агарков обосновал необходимость законодательного расширения полномочий оперативных подразделений СИЗО, позволяющего проводить оперативно-разыскные мероприятия в целях обеспечения установленного режима.

Данную теоретическую линию продолжил заместитель начальника отдела 1 управления Главного оперативного управления ФСИН России **Александр Сергеевич Третьяков** в докладе *«Сравнительный анализ понятий „оперативно-разыскная деятельность в УИС“ и „деятельность оперативных подразделений УИС“»*. Докладчик подчеркнул, что деятельность оперативных аппаратов носит комплексный характер и объединяет оперативно-разыскную, режимную, воспитательную и административную функции. А.С. Третьяков поддержал тезис о необходимости дополнения профильного законодательства нормой, устанавливающей прямое право проводить ОРМ в целях

выявления и пресечения нарушений установленного порядка отбывания наказания, что критически важно в условиях текущей напряженности оперативной обстановки.

Вопросы противодействия организованной преступности в пенитенциарной среде были детально рассмотрены в докладе старшего преподавателя кафедры ОРД Кузбасского института ФСИН России **Алексея Андреевича Рысёва** *«К вопросу об организации оперативно-разыскного противодействия финансовому обеспечению противоправной деятельности лидеров преступной среды»*. На основе результатов нарративного интервьюирования осужденных автор доказал, что так называемый общак, воспринимаемый в криминальной среде как фонд взаимопомощи, фактически выступает механизмом обогащения верхушки преступной иерархии. А.А. Рысёв предложил алгоритм противодействия, предполагающий, в том числе, жесткое документирование финансовой цепочки (организатор сбора – каналы поступления – система расходования).

Далее с докладом *«Обзор актуальных проблем оперативно-разыскной деятельности по итогам „Горяиновских чтений“, проведенных во ВНИИ МВД России»* выступил старший научный сотрудник 3-го отдела научно-исследовательского центра № 2 ВНИИ МВД России **Дмитрий Владимирович Белых-Силаев**. Докладчик представил комплексный анализ результатов серии международных научно-практических конференций «Актуальные проблемы оперативно-разыскной деятельности» («Горяиновские чтения»), инициированных и модерлируемых им в период 2022–2025 гг. на базе ВНИИ МВД России. Он систематизировал ключевую проблематику, обсуждавшуюся на форумах разных лет: исходные теоретические и правовые основы ОРД (определение субъектов ОРД, института содействия граждан оперативно-разыскным органам, а также правовой и социальной защиты участников оперативно-разыскных правоотношений); отраслевая тактика и проведение ОРМ в особых условиях (порядок и основания проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий, включая условия проведения ОРМ в ходе СВО; технологическая и информационная трансформация (особенности осуществления ОРМ в условиях цифровизации общества и в сети Интернет, практики применения систем искусственного интеллекта и использования полиграфа в ОРД органов внутренних дел). Д.В. Белых-Силаев обобщил фундаментальные признаки «Горяиновских чтений», определяющие их научный статус и значение для преемственности поколений. Отличительные черты «Горяиновских чтений»: публичный (открытый), международный, мемориальный, междисциплинарный и регулярный (ежегодный) характер, обеспечивающий системность развития Горяиновской научной школы. В качестве механизмов дальнейшего развития доктринального наследия профессора К.К. Горяинова докладчик сформулировал ряд перспективных научно-организационных инициатив:

Создание «Горяиновского клуба» (по аналогии с экспертными аналитическими площадками, такими как «Изборский клуб»). Данное объединение участников чтений разных лет могло бы функционировать как на плановой основе, так и ad hoc (по спецповоду, например, для презентации монографических исследований). Ключевой задачей клуба спикер назвал проведение независимой общественной и научной экспертизы законодательных инициатив в сфере ОРД («нулевое чтение» законопроектов).

Стимулирование молодых исследователей: организация ежегодного Горяиновского конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу по проблемам ОРД с последующим поощрением победителей премией и (или) медалью имени К.К. Горяинова.

С догматическим анализом профильного законодательства выступил оперуполномоченный по особо важным делам отдела 4 управления ФКУ ГУОДОП ФСИН России, капитан внутренней службы **Дмитрий Викторович Куклин** (*«Признаки*

преступления в системе оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий»). Спикер подверг критике формулировку пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ОРД», которая искусственно разделяет «сведения о признаках противоправного деяния» и «о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших». Опираясь на ст. 14 УК РФ, Д.В. Куклин обосновал, что преступление неотделимо от субъекта, в связи с чем указание на лицо в качестве самостоятельного основания для проведения ОРМ создает правовую неопределенность. Было предложено изложить норму в лаконичной редакции, исключающей терминологическую избыточность.

Вопросы конфиденциального содействия осветила старший научный сотрудник Университета ФСИН России, соискатель ФКУ НИИ ФСИН России **Елизавета Андреевна Медюшко** (*«Осуществление руководства осужденными, оказывающими конфиденциальное содействие оперативным подразделениям исправительных колоний»*). Автор указала на дефицит комплексных исследований по особенностям руководства агентурным аппаратом за последние 20 лет. Была обоснована необходимость разработки методики, адаптированной к современным условиям закрытости учреждений, а также внедрения специальных программ обучения оперативного состава.

Адъюнкт Академии ФСИН России **Екатерина Николаевна Сурогина** представила результаты эмпирического исследования, включающего опрос 328 сотрудников, по теме *«Распространение заведомо ложной информации о преступлении осужденными, как один из факторов дезорганизации деятельности учреждений»*. Докладчик констатировала высокую латентность данных деяний и использование ложных доносов в качестве средства шантажа администрации. Е.Н. Сурогина указала на необходимость комплексной модернизации ст. 306, 128¹ и 207 УК РФ, а также выработки специфических алгоритмов оперативной проверки подобных сообщений, отвлекающих значительные ресурсы правоохранительных органов.

Преподаватель кафедры ОРД Кузбасского института ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы **Роман Андреевич Шубников** в выступлении *«Правовое регулирование организации оперативно-разыскного противодействия правонарушениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемым осужденными в исправительных центрах»* обратил внимание на отсутствие методической базы для проведения ОРМ в учреждениях, исполняющих наказание в виде принудительных работ. Автор аргументировал позицию, согласно которой наличие информации об употреблении осужденным наркотиков всегда предполагает факт их сбыта, что является достаточным законным основанием для заведения дела оперативного учета.

Самостоятельный блок дискуссии второго дня сформировали доклады, посвященные угрозам государственной безопасности. Сотрудник научного центра Финансового университета **Екатерина Александровна Долинская** (*«Оперативно-разыскные аспекты установления признаков малозначительности и деятельного раскаяния при государственной измене в форме оказания финансовой помощи иностранному государству»*) доказала, что категория малозначительности применительно к ст. 275 УК РФ практически преобразуется в задачу оперативного отграничения уголовно наказуемого содействия от юридически нейтральных финансовых операций.

Ее коллега, сотрудник научного центра Финансового университета **Ирина Васильевна Токарская**, развила тему кибербезопасности в докладе *«Место совершения преступлений против безопасности Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»*. Докладчик, опираясь на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37, аргументировала необходимость сохранения традиционного географического подхода к определению места совершения

преступления (территория, где фактически использовалось устройство связи), отвергнув концепцию абстрактного «киберпространства» как критерия территориальной подследственности.

Заключительная часть и резолюция конференции

Подводя итоги работы двухдневного научно-представительского форума, участники констатировали, что теория оперативно-разыскной деятельности, фундаментальные основы которой были заложены профессором К.К. Горяиновым, демонстрирует высокий уровень адаптивности к современным криминогенным вызовам.

По результатам работы пленарных заседаний и научных дискуссий была единогласно принята Резолюция Всероссийской научно-практической конференции. В итоговом документе сформулированы следующие ключевые рекомендации законодателю, правоприменителю и научному сообществу.

Развитие межведомственной интеграции. Признано необходимым продолжить содействие укреплению межведомственного взаимодействия научных и образовательных организаций правоохранительных органов (МВД России, ФСИН России, Следственного комитета Российской Федерации) в сфере подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Модернизация законодательства. Рекомендовано продолжить адаптацию профильного законодательства к современным вызовам. В частности, акцентировано внимание на необходимости легализации ОРМ, направленных на обеспечение режима и профилактику правонарушений в следственных изоляторах и исправительных учреждениях.

Указано на обязательность активного использования в научных исследованиях и правоприменительной практике правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации как полноценного источника оперативно-разыскного права.

Внедрение технологий искусственного интеллекта и OSINT. Особым пунктом Резолюции закреплена необходимость разработки научных концепций использования технологий искусственного интеллекта (включая нейросети и генеративный ИИ), а также методов разведки по открытым источникам (OSINT) для решения оперативно-разыскных задач в информационно-телекоммуникационной среде.

Антитеррористическая защищенность УИС. Рекомендовано усилить меры оперативно-разыскного предупреждения, направленные на пресечение распространения идеологии терроризма и экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также пресечение финансовой подпитки криминальных структур.